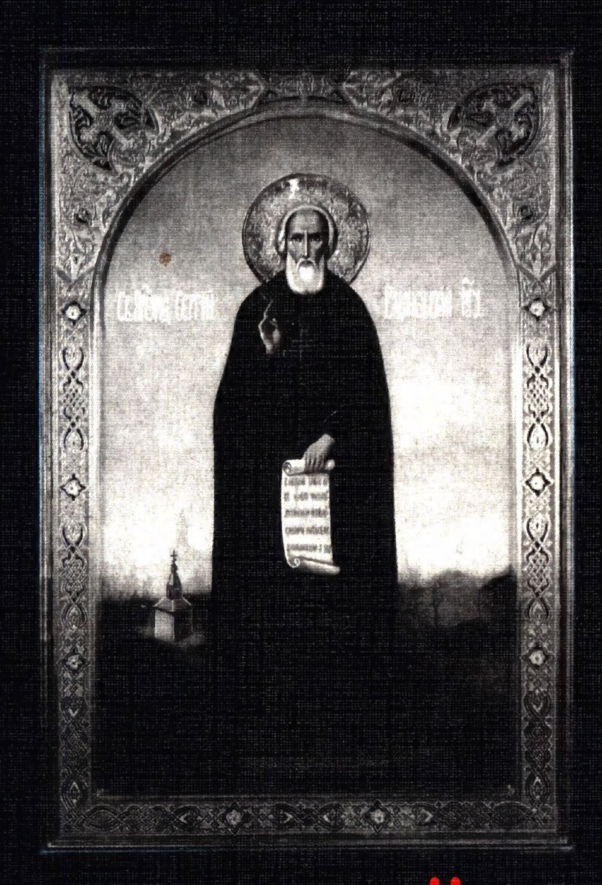
ВЕЛИКИЕ ПРОРОКИ

СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ

ВЕЛИКИЕ ПРОРОКИ

ЛЮБОВЬ МИРОНИХИНА

СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ

Москва
1999

УДК 159.961
ББК 88.6
М 64

Серия основана в 1998 году

Миронихина Л.

М 64 Сергий Радонежский. — М.: Олимп; ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. — 192 с. — (Великие пророки).

ISBN 5-7390-0695-3 («Олимп»)
ISBN 5-237-03065-3 (ООО «Фирма «Издательство АСТ»)

Дар пророчества дается избранным — праведникам и святым. Сергий Радонежский предсказал Дмитрию Донскому победу на Куликовом поле, вдохновил и поддержал князя в минуты колебаний. Он видел будущее и предназначение каждого человека, творил много чудес, исцелял и вразумлял, еще при жизни удостоился видений, непостижимых уму. Сергий был не только учителем и путеводителем, но и великим деятелем, оставил нам Троице-Сергиеву лавру и еще несколько десятков монастырей.

УДК 159.961
ББК 88.6

Введение

Как светило светлое воссиял он в стране Русской посреди тьмы и мрака.

Епифаний

Время общественных бедствий есть его время: когда все уже кажется гибнущим, тогда воздвигается Сергий.

А. Муравьев

В смутные времена посылаются в мир для спасения и помощи людям такие светочи, как Сергий Радонежский. В чем тайна великого старца? Он ушел от мира, стал отшельником в дремучих Радонежских лесах — и всю жизнь служил народу и отечеству, боролся с враждой и разделенностью князей, с прочими пороками, разъедающими человеческие сердца.

Он не оставил писаний и поучений — и считался всенародным учителем, путеводителем и наставни-

ком. Нравственный авторитет скромного игумена Святотроицкой обители был так велик, что князь и митрополиты обращались к нему в трудные минуты за советом, вразумлением и добрым предсказанием. Потому что еще при жизни Сергий почитался величайшим из пророков.

Дар пророчества дается избранным — праведникам и святым, достигшим больших высот в духовной жизни. Сергий стал истинно народным святым. Еще при жизни шли к нему бояре и мужики, военачальники и простые бабы, богатые и бедные. Великий старец принимал всех, каждому своими «тихими и кроткими словесами» давал утешение и всякого просящего наставлял.

Еще одна тайна — «посмертная жизнь» преподобного Сергия. После кончины он стал не просто легендарным воспоминанием, историческим героем, которого чтят за то, что он много потрудился для России. Радонежский старец словно «соприсутствует нам духом» вот уже шесть столетий. Все так же взывают к нему о помощи и в скорбные минуты припадают к его святым мощам — и он помогает. «Посмертная жизнь» преподобного Сергия, его частые явления среди людей и помощь родной обители стали такой же реальностью, как и его земная жизнь.

Россия многим обязана радонежскому чудотворцу. Каждый школьник знает, что Сергий предсказал Дмитрию Донскому победу над татарами на Куликовом поле, вдохновил и поддержал князя в минуты сомнений и колебаний. Эта победа стала переломной в истории страны. Не потому, что положила конец

владычеству татар: еще целое столетие они хозяйничали на Руси и брали дань. Значение этой победы больше нравственное: русский народ после Куликова поля словно очнулся после вековой спячки, поверил в себя и стал себя уважать.

Вместе с митрополитом Алексием и Дмитрием Донским преподобный Сергий всю жизнь «собирал Русь» — мирил князей, увещевал, грозил карой Божией за нескончаемые раздоры и междуусобицы. Подумать только, православные убивали друг друга, уводили сограждан в плен, как рабов! Летописи полны сказаний о вражде между соседями, о коварстве, предательствах и кровавых войнах. Не раз Сергий брал в руки посох и шел в Ростов, Нижний Новгород, Рязань с миссией посла и миротворца.

Но был он не только миротворцем и молитвенником, но и великим делателем. Оставил после себя Троице-Сергиеву лавру, одну из четырех лавр в стране, для многих православных самое святое и прекрасное место на земле; заложил и построил еще несколько монастырей. А его ученики и ученики учеников создали десятки пу́стынь и обителей. Сергия называют «отцом истинного монашества» за то, что он вернул в русские монастыри общежительный устав, несмотря на сопротивление недовольных монахов.

Современники оставили немного свидетельств о радонежском игумене. Главный источник, откуда мы черпаем сведения о нем, — житие, написанное его учеником Епифанием. Это не историческая книга и не биографический очерк. В этом удивительном по-

вествовании органично переплетаются чудесное с обыденным, рисуя яркий образ преподобного Сергия.

Радонежский чудотворец — наше духовное богатство, ангел-хранитель русской земли. Он стал самым драгоценным человеком из всех посланных России за тысячу с лишним лет ее христианского существования. Собственным примером, а не высоконравственными словами Сергий учит нас смирению и милосердию, труду и мужеству, умиротворению и единению людей не на плотских, мирских началах, а на началах веры в Единую Троицу.

Пустынник

Детство

Трудно сегодня представить, что народный святой, духовный воспитатель нескольких поколений, преподобный Сергий Радонежский, давно ставший для русских легендой, иконой, шесть с половиной веков назад был маленьким отроком, любимым сыном, младшим и старшим братом, учеником в школе. Просто человеком — Варфоломеем Кирилловичем Иванчиным.

3 мая 1314 года в семье ростовского боярина Кирилла и жены его Марии родился второй сын. Через сорок дней его крестили и назвали Варфоломеем в честь святого апостола Варфоломея, празднование которого пришлось на 11 июня.

В то время в четырех верстах от Ростова Великого по дороге на Ярославль стояло небольшое село, по-старинному *весь*, — вотчина боярина Кирилла Иванчина. Название этой веси не сохранилось в ис-

тории. Кирилл служил ростовским князьям Константину второму, потом Константину третьему, но жить предпочитал не в шумном городе, а в сельском уединении. И сам он, и его жена Мария любили заниматься своим обширным хозяйством.

Вотчина Кирилла «кипела богатством». Многочисленной челяди хватало работы и в поле, и на скотных дворах, и в доме. Порою Кирилл посылал в помощь сыновей — Степана, Варфоломея и Петра. Боярские дети не чурались работы и с детских лет многое умели.

И сам Кирилл, будучи знатным и богатым, жил очень просто, никогда не кичился, привечал странников, в то время во множестве бродивших по Руси. По воскресеньям боярин с женой никогда не пропускал службу в церкви, дома любил духовные книги и мечтал в старости, оставив вотчину детям, уйти в монастырь, окончить дни в молитве и покаянии.

Вот в таком благочестивом, дружном семействе посчастливилось расти Варфоломею. С малых лет он слышал в церкви и дома молитвы и псалмы и запоминал их. И вскоре его мать, боярыня Мария, стала замечать, как не похож ее Варфуша на своих братьев и других детей. Он не любил шумных игр и детских забав, искал уединения и мог часами сидеть где-нибудь в саду, погруженный в глубокую задумчивость.

Любая мать встревожилась бы. И Марии очень хотелось, чтобы ее Варфуша был, как все дети, — озорным, веселым, подвижным. Стала она искать в нем какие-нибудь болезни — и не нашла. Для своих

лет он был рослым, стройным, тонким в кости и крепким мальчиком.

Когда исполнилось Варфоломею семь лет, его, по обычаю, отдали в учение к дьячку. Вместе с ним учились и его братья — старший Степан и младший Петр, которому не было еще и шести лет. Каково же было огорчение родителей, когда вскоре Степан и Петр выучились грамоте, а Варфоломей не только не умел складывать буквы, но и не знал их.

Учитель жаловался, что по многу раз повторял отроку одно и то же, но тот как будто не слышал и не понимал, о чем ему толкуют. Ну не давалась ему грамота и не шли впрок учительские наставления. Дети над ним смеялись, учитель наказывал, родители укоряли. Уже и шепоток пошел по селу:

— Варфоломей-то, боярский сынок, какой-то блаженненький. С детьми не играет, сидит один у речки или в поле бродит и сам с собой разговаривает. А теперь дьячок бьется-бьется, никак не может ему буквы втолковать, видать, разумом слаб отрок...

Каково было родителям слышать эти разговоры! И Варфоломей очень страдал — не за себя, а за родителей, видя, сколько огорчений им приносит. По ночам он молился и просил у Бога:

— Господи, дай мне выучить грамоту эту, научи и вразуми меня!

Все огорчались, потому что не ведали промысла Божия. Варфоломей не предназначался для книжного учения. Никогда он и не был книжным человеком, его талант — в другом.

С детства он был отмечен Богом, и первой стала

понимать это его мать. Они видела, что ее Варфуша — особенный, не такой, как все дети. И с грустью подумывала о том, что Степана и Петра ожидает мирская жизнь, а Варфоломей с пеленок посвящен Богу. Трудно ему будет в миру, его удел — тихая обитель и молитва. Мать с этим смирилась. В боярских семьях нередко одного из сыновей отпускали в монастырь, чтобы было кому помолиться за грехи отцов и братьев.

В это несчастливое для Варфоломея время и случилось чудо. Как-то послал его отец разыскать в поле жеребят. Мальчик взял веревки и пошел с радостью, чтобы побыть в одиночестве и хоть ненадолго забыть о своих горестях.

Он шел и мечтал о том, чтобы самому стать беззаботным жеребенком и скакать по полям, а не сидеть над книгой, глотая слезы, уткнувшись глазами в загадочные, порой зловещие значки и буковки, которые для него не желали складываться в слова, а другим счастливцам легко открывали свои тайны. И снова Варфоломей горячо молился: «Господи, просвети мой ум!»

И, видно, Бог услышал его молитвы или время пришло явить Его волю. По мнению Епифания, эта воля в том состояла, что отроку от Бога дано было уразуметь грамоту, а не от людей.

Варфоломей отыскал жеребят, привязал их к дереву. И тут увидел старца-черноризца, пресвитера. Видно, брел старец к себе в монастырь, в Ростов, и остановился под дубом помолиться. Поклонившись

ему, Варфоломей терпеливо ожидал, когда он окончит молитву.

Старец подозвал мальчика, приласкал и спросил:

— Что тебе надо, чадо?

Варфоломей простосердечно поведал ему о своих бедах и просил помолиться, чтобы Бог помог ему одолеть грамоту и научиться читать.

Старец снова опустился на колени под дубом. Вместе с Варфоломеем они долго и прилежно молились. Окончив, монах достал из кармана крохотный ларчик и подал Варфоломею кусочек просфоры:

— Не горюй, чадо! С сего дня дарует тебе Господь хорошее знание грамоты. Знание большее, чем у твоих братьев и сверстников.

Варфоломей съел просфору и удивился, потому что была она слаще меда. Он поблагодарил святого старца и очень просил его посетить дом его родителей.

Кирилл и Мария встретили странника радушно, велели приготовить для него угощение. Но старец, прежде чем сесть за стол, сначала пошел в часовню помолиться и взял с собой Варфоломея. Сам он вычитывал часы — молитвы и псалмы к определенному часу дня, а мальчику протянул книгу и велел читать псалмы.

— Но я не умею, отче, — смутился Варфоломей.

Монах настаивал. Варфоломей раскрыл книгу, взглянул на страницу — и вдруг непонятные, враждебные знаки заговорили с ним словами, целыми строчками, из которых сложилось песнопение. Варфоломей стал читать, да так бойко, быстро, вразуми-

тельно! Его родители, братья и все домашние были поражены этим чудом, которое произошло прямо у них на глазах.

После трапезы старец засобирался в дорогу. Отказался погостить в боярском доме, где постоянно живали старцы и старицы, странники и нищие. На прощание он сказал боярину и его жене:

— Ваш отрок создаст обитель Святой Троицы и многих приведет вслед за собою к уразумению Божественных заповедей.

В то время родители Варфоломея и не могли понять до конца это пророчество, хотя и запомнили его. Только Мария с грустью подумала, что слова старца подтверждают ее тайные мысли: ее Варфушенька не создан для мирской жизни, рано или поздно станет он монахом и покинет их.

Всей семьей проводили старца. Он вышел за ворота и вдруг пропал с глаз. И все спрашивали друг у друга: не привиделся ли им странник? Не ангел ли это небесный посетил их дом?

С этого дня Варфоломей стал хорошо читать и даже превзошел в учении братьев и сверстников, которые еще недавно донимали его насмешками. Любимыми его книгами стали жития святых и летописные сказания о минувшем. Теперь по вечерам он читал родителям вслух, а они радовались и благодарили в душе святого старца.

Чувствовал ли Варфоломей свое предназначение или просто следовал своим склонностям, но он все

больше удалялся от мира, а мир от него. Ему еще не было двенадцати лет, когда он стал строго поститься: по средам и пятницам не вкушал никакой пищи, в остальные дни — только хлеб и воду. Не пропускал ни одной церковной службы, любил тишину и уединение.

В двенадцать лет Варфоломей уже не был ребенком. Милым чадом он оставался только для своих родителей. Вначале Кирилл и Мария радовались, видя в сыне такое прилежание к молитве и посту. Они считали, что и сами прилежно постятся. Но боялись, что излишнее воздержание в пище губит здоровье их сына.

— Ведь ты еще мал, тело твое растет и расцветает! — причитала Мария. — В твои лета никто такого жестокого поста не соблюдает, ведь ты через день питаешься.

И она пыталась чуть ли не насильно накормить своего Варфушеньку клюквенным или овсяным кисельком, гречишными блинцами или оладьями с медом, кашей с льняным маслом. Ведь все это постное, ешь без опасения.

Мария — хорошая хозяйка, своими руками готовила постные блюда. И вся семья и гости постились. Правда, и в постные дни огромный дубовый стол в горнице ломился от снеди. Чего тут только не было! И капуста, и грибная лапша, и квасы всех сортов. Рыбу тоже не считали скоромной едой. Русь умела поститься с умом.

Но Варфоломей только грустно улыбался на хитрости маменькины и не давал себя накормить. Как

она любила его печальную и чуть виноватую улыбку. Он был покорным сыном, но умел настоять на своем. И Марии становилось совестно за то, что отвращает сына от доброго.

Но как было не воспротивиться, если он и по ночам молился, как будто мало ему было церковных служб и многочасовых стояний в домашней часовенке! Кирилл даже пытался строгость употребить:

— Какие у тебя могут быть грехи, тебе еще нет пятнадцати лет от роду?

Варфоломей никогда не прекословил родителям, но отвечал на это словами из Святого Писания:

— «Никто да не похвалится из людей, что чист перед Богом, если и один день жить будет. Никого нет без греха, только один Бог».

И продолжал идти по избранному пути, жестоко изнуряя свое тело постами, молился со слезами и душевным жаром. И что же! Мария очень боялась, что Варфуша обессилеет и захиреет от таких истязаний. Но с каждым годом ее сын укреплялся не только душой, но и телом. К шестнадцати годам он был высок ростом, широк в плечах, статен и силен. Вместе с отцом и братьями приходилось ему много работать, и любое дело исполнял он споро и добросовестно.

И вместе с тем «виден был в нем прежде иноческого образа совершенный инок, — говорит Епифаний, — лицо его было задумчиво и серьезно, всегда тихий и молчаливый, кроткий и смиренный, он со всеми был ласков и обходителен, ни на кого не раздражался, от всех с любовью принимал случайные

неприятности. Ходил он в плохой одежде, а если встречал бедняка, то отдавал ему последнее».

Брат его Степан рано женился. И Петру уже присматривали невесту. В то время брачный возраст наступал очень рано — для юношей в шестнадцать лет, для девушек — в четырнадцать. Наверное, и Варфоломею родители не раз предлагали подумать о женитьбе. Но он мечтал только о жизни в монастыре и просил родителей благословить его на монашество. Может быть, со временем, Кирилл и Мария согласились бы отпустить одного из сыновей в обитель, но вдруг на семью обрушились нежданные беды.

Когда-то знатный и богатый боярин Кирилл Иванчин в несколько лет лишился последнего достояния, обнищал, а в 1330 году вынужден был со всей семьей покинуть родной город Ростов и бежать в чужие земли. Мог ли Варфоломей оставить родных в такие тяжелые времена!

Радонеж

Варфоломей вырос в счастливой семье, опекаемый любящими родителями, и до своего возмужания не знал нужды и других бед. А между тем родился и жил он в самые черные для Руси времена. Уже целое столетие тяготело над нею иго поганых татар, и несколько поколений выросли в страхе, ожидании набегов, разорений и неминуемой смерти.

Татарское владычество не только разоряло Русь,

но и калечило народную душу. Страх парализовал людей, лишал их воли, делал слабыми и угодливыми рабами. Матери пугали детей не колдунами и домовыми, а «злым татарином».

При первой же вести о приближении «рати поганой» народ в ужасе разбегался в разные стороны, бросая дома, хозяйство, скотину. Так было в 1322 году, когда к Ростову подошел Ахмалык со своим войском. Так было и в 1327 году, когда Туралыкова рать напала на Ростов, а пятидесятитысячное Федорчуково войско опустошило Тверское княжество.

«И все княжение тверское взяша и пусто сотвориша. Кровь христианская проливаема биваша от поганых татар, одних в полон поведоша, другие мечом иссекаша, а иные стрелами исстреляша и всяким орудием погубиша и смерти предаша».

Оцепенение и ужас охватывали соседние княжества — скоро могла настать их очередь. «И хлеб в уста не шел от страха», — поведал неизвестный летописец.

И это было не единственное бедствие. В то время русская земля была разбита на удельные княжества, как на лоскуты. Князья постоянно ссорились, враждовали между собой, а то и брались за оружие. Иной раз от княжеских междуусобиц не меньше лилось крови, чем от нашествия «поганых».

И третий враг, не менее опасный, чем княжеское властолюбие, и не менее коварный, чем татары, притаился у границ Руси. Литва, Польша и Швеция

были похожи на стервятников, подстерегающих ослабевшую от междуусобиц и набегов добычу.

В эти мрачные времена воцарились зло и насилие, всякие права и справедливость были попраны и забыты, торжествовали «негодные люди». Страх и беззакония не могли не сказаться на состоянии народной нравственности. «Забыв народную гордость, мы выучились низким хитростям рабства, — говорил Карамзин. — Обманывая татар, еще больше обманывали друг друга; откупаясь деньгами от насилия варваров, стали корыстолюбивее и бесчувственнее к обидам, к стыду. От времен Василия Ярославича до Иоанна Калиты (период самый несчастнейший) отечество наше походило более на темный лес, нежели на государство: сила казалась правом; кто мог, грабил, не только чужие, но и свои; не было безопасности ни в пути, ни дома; воровство сделалось общею язвою собственности».

Спасение было в объединении русских земель. Еще митрополит Петр начал настойчиво увещевать князей, мирить их, призывать к единодушию. Именно он предсказал, что маленький заштатный городок Москва станет центром России.

А пока князья ездили в орду с богатой данью, вымаливали передышку от набегов. Ярлык на великокняжеский престол на Руси давался ханом. Его можно было выслужить преданностью, а можно было купить за деньги. Князья шли и на хитрость, и на предательство, чтобы заполучить ярлык.

Из разоренного Киева великокняжеский престол переместился во Владимир. Но вскоре московский

князь Иван Калита сумел получить не только ярлык на великое княжение, но и право собирать дань во всех русских землях и доставлять ее в орду. Это означало избавление от ханских баскаков, с хозяйским видом разъезжавших по русским городам и весям. И хотя, собирая дань хану, Иван Калита и себя не забывал, народ терпел поборы, потому что понимал — война и набеги поганых дороже станут.

В годы княжения Калиты наступил на Руси долгожданный покой. «И бысть оттоле тишина велика на сорок лет, — писал летописец, — и престаше погани воевати русскую землю и заколоти христиан, и отдохнуша и починуша христиане от велика истомы и многие тягости, от насилия татарского».

Московский князь часто ездил в орду, угождал хану, его женам и ближним, откупался богатыми подарками. А потом, заручившись поддержкой хана, занялся внутренними делами. Дело это было огромное — собирание всех русских земель в один кулак вокруг Москвы.

Первым делом Калита переманил в Москву митрополита Петра. По желанию святителя построил в Москве первый каменный храм Успения Богородицы, где потом Петр и был похоронен. Но и новый митрополит пожелал жить в Москве, а не во Владимире. Так митрополия была перенесена в Москву, к великому неудовольствию и ревности других князей.

Иван Калита собирал русские земли правдами, а чаще неправдами. Оговорил перед ханом своего главного соперника — тверского князя Александра.

Александр вместе с сыном был зверски убит разгневанным ханом. И тверичи, и ростовчане ненавидели Калиту, за то что не раз наводил на них татарские рати. Много, ох много невинной крови пролил Иван Калита! Но князь верил, что спасает свое несчастное отечество от разорения, пусть и негодными средствами. И надеялся замолить грехи — строил храмы, раздавал щедрую милостыню и незадолго перед смертью постригся в монахи.

Москвичи его любили. Князь всегда носил за пазухой мешок с деньгами — калиту — и оделял нуждающихся и нищих. По мешку его и прозвали. А враги князя говаривали, что это прозвище он получил за свою алчность и грабежи. Вот такую славу оставил после себя «первый собиратель русской земли».

Ростов и Ярославль Калита прибрал к рукам как будто бы мирным путем, не запятнав себя ни вероломством, ни кровопролитием. Выдал замуж двух дочерей. Одну за Василия Даниловича Ярославского, другую — за Константина Васильевича Ростовского. И вскоре начал распоряжаться в вотчинах зятьевых, как в своих собственных.

Прислал в Ростов верного воеводу Василия Кочеву и его помощника, некоего Мину. И начал этот Кочева своевольничать не хуже татар: отбирал имущество у ростовских бояр, притеснял купцов и ремесленников. А когда ростовцы возмутились, то московский воевода велел бить бояр кнутами, а градоначальника, почтенного старца Аверкия, подвесил на площади вниз головой.

«Горько тогда стало городу Ростову и особенно князьям его. У них отнята была всякая власть и имение», — сетовал летописец.

Все эти горести не могли не сказаться на семействе Кирилла Иванчина, потому что он был самым ближним к князю боярином. Епифаний перечисляет причины обнищания Кирилла: «...из-за частых хождений с князем в орду, из-за частых набегов татарских на Русь, из-за многих даней тяжких и сборов ордынских, из-за частого недостатка в хлебе».

Частые неурожаи и засухи тоже упоминает Епифаний. Но это были природные бедствия, за них некого винить. А вот поездки в орду с князьями тяжким бременем ложились на боярские карманы. Уезжая на поклон к хану, все прощались с женами и детьми, словно навсегда, потому что не знали, суждено ли вернуться домой. А дорога была длинная, и повсюду доставай серебро и плати — и ханским баскакам, и княжеским слугам на чужой земле. Из орды приезжали чуть ли не разутыми и раздетыми.

А при Кочеве и Мине совсем стало невмоготу жить. Они добрались и до пригородов Ростова, отбирали вотчины у ростовских бояр, а самих изгоняли вон. Это называлось у московских воевод «перебор людишек».

Как ни горько было покидать родные места и вотчину, стали подумывать о побеге, чтобы не только имущества, но и самой жизни не лишиться. Вскоре и случай представился.

...В семидесяти верстах от Москвы, в непроходимой лесной чаще стояло село Радонеж. Сейчас это место называется Городищем, или Городком. Иван Калита завещал его младшему сыну Андрею. В то время по малолетству князя этими землями управлял наместник Терентий Ртища.

Земли не составляли большого богатства. Свободных, неухоженных участков было много. Поэтому Терентий Ртища, желая заманить в эти дикие лесные края побольше переселенцев, пообещал им разные льготы. И народ стал собираться к Москве, кто спасаясь от татар, кто от своих бояр. Из Ростова приехало в Радонеж сразу несколько семей.

Поразили ростовчан здешние непроходимые, дремучие леса. Они привыкли к совсем другим пейзажам — просторным полям и лугам. Но русский человек при горькой нужде обживет любые пространства. И вот уже застучали топоры, рушились вековые сосны, день и ночь пылали костры и стелился едкий дым. Не так-то просто отвоевать у леса чистое поле, раскорчевать пни, распахать не ведавшую плуга землю.

Известно, что Кирилл с семейством поселился в самом Радонеже, недалеко от церкви Рождества Христова. Может быть, дом был куплен или построен на остатки ростовского имения. Но в Радонеже пришлось самим и лес расчищать, и в поле работать, и на сенокосе.

Наверное, в эти скудные годы Варфоломей многое научился делать руками. Потому что впоследствии ему пришлось много строить — церквушек,

изб, монастырских ограждений и ворот. Иной раз с утра до вечера он не выпускал из рук топора, прерываясь только на молитву. В его лесной обители имелись огород и пашня, за которыми отшельник умело ухаживал.

С первых же дней в Радонеже Варфоломей полюбил лес. С тех пор вся его жизнь до последних дней была связана с лесом. В радонежских дебрях можно было затеряться и найти истинный покой и уединение. К уединению и тишине стремилась душа Варфоломея.

Терентий Ртища предлагал Кириллу поместье, но боярин по старости уже не мог верою и правдою служить новому князю, как прежде. Тогда его место занял женатый Степан. У него уже было двое малолетних сыновей — Климент и Иван. В Радонеже женился и младший брат Петр. А Варфоломей мечтал только о монашеской жизни и просил его отпустить. Мария готова была благословить своего Варфушу, но Кирилл отказал:

— Подожди немного, сынок. Мы стары и немощны, некому нам услужить. Братья твои женились и заботятся о своих семьях. Вот похоронишь нас и тогда сможешь исполнить свое заветное желание.

И Варфоломей — послушный сын — скрыл свое разочарование и продолжал верно служить родителям. Вскоре Кирилл и Мария сами ушли в Хотьковский монастырь, где было два отделения — для старцев и стариц, чтобы окончить свои жизни в молитве и покаянии.

В этом время у Степана неожиданно умерла мо-

лодая жена. Он был так потрясен этим горем, что решил навсегда покинуть мир и принял монашество в том же Хотьковском монастыре. При пострижении ему было дано другое имя — Стефан.

Так по произволению судьбы Степан, никогда и не помышлявший о монастыре, стал иноком. А Варфоломей, долгие годы к этому стремившийся, только навещал родителей и брата в обители. Но он не роптал о своей участи, а всей душою сострадал брату. И понимал, как призрачны и обманчивы все мирские блага, даже семейное счастье. Вот и родители его, на старости лет лишившиеся вотчины, оканчивали дни на чужой стороне. Варфоломей все больше укреплялся в своих заветных мыслях о том, что только на веру в Бога можно прочно опереться в этом мире и только вера дает душевное спокойствие и счастье.

Вскоре Кирилл и Мария умерли. Сыновья с честью похоронили их на монастырском погосте. Сорок дней Варфоломей прожил в монастыре, молился за упокой душ родителей и раздавал милостыню в их память. Затем быстро устроил свои земные дела — передал брату Петру дом в Радонеже и остатки имущества и снова направился в Хотьково. Но не для того, чтобы там остаться. Его тянуло подальше от любого людного места.

Еще Мария первая углядела в сыне любовь к одиночеству и удивлялась: откуда это? Варфоломей рос в большой дружной семье, где за стол порой садились двадцать—тридцать человек вместе с челядью. А он всегда бежал многолюдья, старался уединиться у себя в горнице, в поле, на берегу речки.

Наблюдая жизнь в Хотьковском монастыре, Варфоломей понял, что его путь — другой. В монастыре было слишком суетно, людно. Сам же он чувствовал предрасположенность не просто к иночеству, но к пустынножительству и отшельничеству.

Люди удалялись в обитель, чтобы бежать от мира, забыть навсегда его горести и страдания. А Варфоломей удалялся для того, чтобы там, в тишине, молиться за мир, за всех страждущих и несчастных, за свое поруганое отечество. Душа его скорбела от царивших вокруг раздоров, ненависти и неправды. Только молитвы праведников могли спасти от гибели этот страшный мир.

О себе, как о праведнике, Варфоломей и не помышлял. В грех гордыни он никогда не впадал. Но верил, что молитвы пустынников быстрее доходят до Бога. Значит, и он, скромный отшельник, будет услышан. Значит, и его мольбы вольются в общую большую молитву ко Всевышнему.

Вот о чем поведал Варфоломей брату Стефану, уговаривая того покинуть монастырь и вместе с ним построить церковь и келью где-нибудь в лесу, далеко от людей. Он хотел вступить в новую жизнь не только вместе с братом по крови, но и вместе с иноком, уже имеющим опыт духовной жизни. Варфоломей сомневался в себе: ведь до сих пор он жил в миру.

Стефан долго размышлял. Ему очень нравилась жизнь в монастыре. Он стал хорошим монахом, горячо молился, усердно постился и совершенно отвернулся от житейской суеты. И все-таки его пугала одинокая, угрюмая жизнь в лесу. И только поддав-

шись на горячие мольбы младшего брата, он согласился сделать с ним первые шаги в пустынножительстве, помочь в строительстве, а там что Бог даст.

И вот однажды на рассвете братья вышли из ворот Хотьковского монастыря и зашагали в неизвестность — искать место для своей новой обители. В то время ничейной земли было много. И любой человек, ищущий уединения и покоя, мог построить себе избушку в лесной чаще и укрыться от мира в уверенности, что его никто не потревожит.

Маковец

И день и другой брели Варфоломей и Стефан по дремучему Радонежскому лесу. Ни дорог, ни тропинок. Пышные кроны сосен-исполинов смыкались над головами. Даже в солнечный яркий полдень здесь царил вечерний сумрак. Ни одно место им не понравилось, ни одно не показалось. Усталый Стефан все больше под ноги себе глядел, чтобы не споткнуться о корягу, а Варфоломей — вокруг. И вдруг он остановился как вкопанный и радостно воскликнул:

— Маковка!

Стефан поднял глаза, его угрюмое лицо просветлело. Перед ними высился холм с пологими склонами, и вправду очень похожий на маковку. Они поднялись на его вершину и очутились на полянке, чистой, как будто выметенной к их приходу. Долго сто-

яли и любовались красотой этих мест. С холма-маковки далеко-далеко было видно вокруг.

После лесного сумрака на холме припекало солнце и разгуливал ветерок. Словно какая-то неведомая сила привела их на это чудное место, решили братья. Впоследствии оно было названо Маковцем, или Маковицей. На этот месте и суждено было вскоре возникнуть Троице-Сергиевой лавре. И сам Сергий говорил о себе: «Аз есмь Сергий Маковский».

Радонежские старожилы, бортники и охотники, исходившие окрестности, давно приметили этот холм в десяти верстах от Хотькова. Те, кому случалось заночевать в лесу, будто бы видели яркий свет, струившийся над поляной, и даже языки пламени. Так родилась легенда о Маковце как о таинственном, святом месте, предназначенном для обители и дожидавшемся своего часа.

К вечеру был готов шалаш из ветвей, а утром закипела работа. Братья рубили деревья, очищали от ветвей, таскали на своих плечах тяжелые бревна. Поставили два сруба — для церковки и для кельи. Монахи на Руси издавна были великими трудниками — и плотниками, и огородниками, и пекарями, и портными. С тех пор Сергий столько срубил келий, сеней, часовен и церквушек, что мог бы считаться святым покровителем всех плотников.

Вскоре церковка на Маковце была готова. Вернее, не церковка, а пока часовня, потому что в ней не было престола и нельзя было служить литургию. Часовню мог построить кто угодно. В вотчине боярина Кирилла тоже была часовенка, в которой вычи-

тывали часы. Для того чтобы часовня стала церковкой, ее требовалось освятить. А разрешение на это давал сам митрополит.

Варфоломей попросил старшего брата решить, во имя кого освятить церковь, какой будет ее престольный праздник? И тут Стефан напомнил ему слова святого старца, много лет назад предрекшего Кириллу и Марии: «Ваш отрок создаст некогда обитель Святой Троицы...»

Братья отправились пешком в Москву к самому митрополиту Феогносту за благословением на освящение церкви. Феогност принял их очень ласково, благословил и послал двух священников с антиминсом и всем необходимым для освящения храма.

Антиминс в переводе с греческого значит «вместопрестолие». Это плат с изображением креста и с зашитыми в уголках частицами святых мощей. Антиминс возложили на престол — это и был обряд освящения церкви во имя Пресвятой и Живоначальной Троицы.

Настала первая зима в жизни отшельников — самое тяжкое время в лесу. Порой их убогую келью заносило снегом по самую крышу, так что и дверь не могли открыть. Осенью последний раз приходил Петр, принес им муки и других припасов. И с тех пор до самой Пасхи не видели они ни одной живой души. Только дикие звери — волки, медведи, лисицы — то и дело пробегали под окнами кельи да тревожно каркали вороны.

На Пасху отправились братья в Хотьково к Светлой заутрене. Исповедовались и приобщились

Святых Тайн. Как не хотелось возвращаться Стефану в глухую звериную Маковицу! Любил он многолюдные службы в монастыре, где сам ежедневно пел на клиросе. Любил следовавшие затем трапезы с братиями и дружную работу в монастырском хозяйстве.

Украдкой наблюдал Стефан за братом и удивлялся. Варфоломей словно на крыльях летел в свою келейку, возвращался, как домой. Он всегда был и тих, и ровен, а став отшельником, весь светился радостью. Наконец-то исполнилась его заветная мечта.

Он все делал с радостью: и молился, и постился, заготавливал дрова, чинил старенькую одежонку, пек хлеб, ходил за водою к дальнему ручью. А Стефан становился все сумрачней, порой и молитва не отгоняла тоску.

Так непохожи были друг на друга родные братья! Стефан душою оказался слабее младшего брата. Тяготы отшельнической жизни пугали его. «Житие скорбно, житие жестко, отовсюду теснота, отовсюду недостатки, что ни помяни — того нет», — сокрушался Епифаний. Хлеба не едали по нескольку дней. Но страшнее голода были для Стефана безлюдье и жуткая лесная тишина.

И однажды он признался брату, что больше терпеть не может, что этот подвиг выше его сил. После мучительной тоски на него стало нападать уныние, от которого и молитва не помогала. Варфоломей его утешил, как мог, и не удерживал.

Стефан ушел в Москву, в Богоявленский монастырь. Там вскоре его отметили. Он был хорошим

монахом. Вел строгую жизнь, беспрекословно выполнял самые тяжелые работы, ходил в убогой одежде.

В то время в Богоявленском монастыре подвизался простым иноком другой боярский сын — Алексий, будущий митрополит Московский. Они со Стефаном вместе пели на клиросе, вместе стояли на службах. Между ними возникла сердечная дружба.

Митрополит Феогност очень любил этих иноков, и князь Симеон, сын Ивана Калиты, их отличал. В скором времени они очень возвысились благодаря такому покровительству. Симеон Иванович сделал Стефана своим духовником и пожелал видеть его игуменом Богоявленского монастыря.

Но все это произошло много лет спустя. А пока Варфоломей остался один и продолжал свой пустынножительский подвиг.

Изредка приходил к нему брат Петр или его челядник с мукой и хлебом. Не забывал отшельника старец Митрофан, игумен Хотьковского монастыря. Он по нескольку дней жил с Варфоломеем в его келье и служил литургию в Троицкой церкви.

Так прошло еще два года. Почему Варфоломей не торопился постричься в монахи, хотя старец Митрофан уже не раз говорил ему об этом? Будущий инок сначала хотел испытать себя духовно и телесно и изучить все уставы монашеской жизни.

Однажды Митрофан навестил своего духовного сына, которого очень полюбил. Варфоломей поклонился ему и попросил:

— Отче, сотвори доброе дело, постриги меня в монашеский чин. Как олень стремится к источнику

водному, так жаждет душа моя иноческой и пустынной жизни.

Митрофан принес из Хотькова все нужное для пострижения и привел с собой нескольких монахов. 7 октября, в день памяти святых Сергия и Вакха, в маленькой убогой церквушке совершился торжественный таинственный обряд. Постригаемый произнес монашеские обеты — нестяжания, целомудрия и послушания. Митрофан выстриг ему волосы на голове в виде креста и облачил в монашеские одеяния — мантию, клобук, пояс и параман.

Так Варфоломей стал иноком, воином Христовым, и нарекли его Сергием в честь святого, память которого совершалась в тот день. После чина пострижения игумен совершил Божественную литургию и приобщил нового инока Святых Тайн.

Семеро суток Сергий не выходил из своей церквицы, молился, пел псалмы и песни духовные, ничего не вкушал, кроме просфоры, которую давал ему Митрофан. И игумен каждый день совершал литургию.

Раньше отшельник не мог жить без работы. В течение дня он чередовал молитву с трудами, но в эту неделю от всего отстранился. И на его душу снизошла благодать. Мирскому человеку не понять, что это такое. Все равно что толковать слепому о красоте цветов, глухому — о гармонии музыки. Мирской человек видит только тяготы и жестокость монашеской жизни и не верит в то, что подвиги затворников могут приносить богатые плоды.

Митрофан считал своего ученика опытным в пус-

тынножительстве и безмолвии. Но все же наставлял его, возвращаясь в Хотьково, и рассказывал многие случаи из жизни пустынников. Он знал по собственному опыту, что борьба с искушениями неизбежна даже для самых чистых душ. За сердечным горением и подъемом духа обязательно следуют тоска и уныние.

Игумен говорил Сергию о том, что духовное подвижничество — самый тяжкий труд. Постом и трудами можно усмирить плоть, но гораздо труднее усмирить ум, гордыню, победить своевольные мысли. Чуть возгордишься своими подвигами — и последует стремительное падение. И сколько сил потом потребуется, чтобы взойти на прежнюю высоту. И снова падение. Только через много лет такой борьбы даруется монаху долгожданная тишина души и равновесие.

Сергий внимательно слушал. Он очень нуждался в духовном наставнике и руководителе. Книги помогали ему, особенно «Наставления пустынникам» Василия Великого. Но у каждого подвизающегося должен быть свой собственный путь и опыт.

Игумен своими наставлениями помогал Сергию постигать науку монашеской жизни. И даже соблазнял великими дарами, которые получит претерпевший все брани до конца. Сергий и не помышлял о наградах. Для него это не труд, а сладость — молиться за людей и за отечество.

— Истончится дух в молитве, откроются внутренние очи, и станешь видеть будущее как настоя-

щее, и жизнь человеческую от начала до конца будешь прорицать, и не только поступки, но и мысли ближнего понимать.

Митрофан любил Сергия, как родного сына, и верил, что в будущем просияет он как игумен знаменитой и великой обители, которая вырастет на месте его церковки. Сергий старцу не перечил, поклонился в пояс и благодарил за молитвы и благословение. Сам про себя скромно мыслил, что до конца жизни останется маленьким убогим иноком. А дар пророчества дается Богом только очень немногим избранным.

Он любил читать ветхозаветных пророков и видел, как продолжают сбываться их предсказания. Покойный митрополит Петр тоже обладал талантом прорицать. Монахи рассказывали о его пророчествах и предсказаниях, о сбывшихся и еще пока не сбывшихся. Почтенный старец долгой монашеской жизнью заслужил такую награду.

А хотелось бы Сергию заглянуть в будущее, узнать, что произойдет через пятьдесят, сто лет? Грешен — очень хотелось. Убедиться, что поганые татары не терзают больше русские земли, что города и села ее процветают, вера православная утверждается.

Но эти мысли Сергий быстро отогнал. Он уже умел хорошо владеть своими помыслами. Ни праведником, ни пророком никогда не быть скромному радонежскому иноку Сергию Маковскому.

Ушел игумен Митрофан в свой монастырь. Пустынник снова остался в одиночестве. Было ему тогда всего двадцать три года.

Подвиги и искушения

Самое трудное время для лесного отшельника — это зима с ее короткими днями и бесконечными вечерами. Горит лучина в плошке. Инок усердно молится, стоя на коленях перед иконами. Отчитав часы, берет иглу и штопает свою убогую одежонку, одну и ту же — и для лютых морозов, и для летней жары. И носил ее Сергий год или два, пока не истлевала на плечах.

Хорошо, если за крохотным окошком тихо падает снег или луна мирно освещает белое лесное безмолвие. Тогда и на душе спокойно и мирно. А если разыграется непогода, вьюга стонет и хохочет в печной трубе, ей подвывают голодные волки в овраге, и ветер злобно ухает и ударяет в стены кельи. В такие зимние ночи даже на мужественного и терпеливого инока нападают тоска и страх.

Много лет спустя Сергий простосердечно рассказывал ученикам и Епифанию, как много претерпел от искушения страхом, или, как тогда называли это искушение монахи, страхованием. Ведь он был человеком и боялся. Порой выглядывал в окошко, а там во мраке горели десятки огоньков. Это волки бродили вокруг кельи в надежде поживиться.

А однажды прямо возле крыльца Сергий едва не наткнулся на медведя. Видно, охотники выгнали его из берлоги, и теперь бродил злой и неприкаянный зверь по лесу, ища пропитания. И Сергий его пожалел: вынес ломоть хлеба, оставил на пеньке. Медведь

2 Зак. 1722

жадно съел. И на следующий день пришел, долго сидел, терпеливо ждал приношения. И дождался.

Всю зиму Сергий подкармливал медведя, порой отдавая ему последний хлеб, и сам оставался голодным. И радовался, что Бог послал ему такое утешение. А ведь как испугался в первую минуту, увидев лютого зверя косолапого! И ждал неминуемой смерти. Но оказалось, что и зверя лютого можно приручить лаской и добрым словом. Сергий даже разговаривал со своим нахлебником, и тот его внимательно слушал.

Но подобное страхование было еще не самым сильным искушением. Сергий во всем следовал наставлениям кесарийского епископа Василия Великого, оставившего поучения монахам, живущим в пу́стыни, а не в обители: читал слово Божие и жития святых, ежедневно строго рассматривал свои мысли и желания, думал о смерти, молился и постился. И все же страшные видения мучили его по ночам. Как и всякий инок, много претерпел Сергий от бесовских искушений.

Однажды вечером вошел он в свою церковь, чтобы служить всенощную. И вдруг раздались треск и грохот, бревенчатая стена словно расступилась, и в расселину вторгся сам сатана с полчищами бесовскими. Были «в одеждах и шапках литовских островерхих». Примечательно, что увидел Сергий нечистую силу в островерхих шапках: в то время литовцы часто вторгались в русские земли, грабили и разоряли, как и татары.

Бесы скрежетали зубами и вопили на инока:

— Уходи, уходи отсюда! Не мы на тебя напали, это ты на нас наступаешь. Если не оставишь этих мест, разорвем тебя на части!

Сергий пал на колени и горячо молился: «Да воскреснет Бог и да расточатся враги Его». И тут же сатана с бесами исчезли в расселине и стена сомкнулась. Очень боится нечисть этой молитвы. Молитва победила смятение и страх, и снова воцарились в душе у инока тишина, умиление и благодать.

Темные силы не раз ополчались на отшельника. «Враг боялся, как бы на пустынном месте не возникла священная обитель к прославлению Бога и спасению многих» — так объясняет козни бесовские Епифаний. Как-то на глазах Сергия вся его келья наполнилась отвратительными змеями, так что и пола не было видно. И снова полчища бесовские носились по горе Маковец и угрожали иноку и требовали, чтобы он отошел от этого места. Но Сергий и на этот раз быстро отогнал их молитвою и больше не смущался духом, потому что знал: отныне дана ему сила побеждать бесовские искушения.

Все эти испытания не сломили отшельника, но еще больше закалили его дух. И уже в первые годы пустынножительства, после искушений и страхований стали являться Сергию и светлые явления, и первые пророческие видения. Так, однажды Сергий хотел прочесть о житии Богородицы, но порыв ветра потушил лампаду. Тогда Сергий настолько воспылал духом, что книга просияла светом небесным и он мог прочесть и без лампады.

Но вот дождался он лета с ясными теплыми

днями и короткими ночами, и тоска отошла навсегда. Молитва и черный труд заполняли жизнь маковецкого инока. Трудов было много. Сергий отвоевывал землю у леса, выкорчевывал пни, обихаживал свой огород.

Так прожил он, как свидетельствует Епифаний, «или две лете, или более или меньше, Бог весть».

Между тем слухи о молодом отшельнике быстро распространялись по окрестным селам, весям и монастырям. Одни монахи осуждали его за гордыню, другие преклонялись, особенно если познали на собственном опыте подвиг пустынножительства.

Стали приходить к нему люди издалека за советом и вразумлением, просили помолиться за больных или рассудить. Сергий никому не отказывал в душеполезной беседе. И открылся в нем редкий талант: его тихие, ласковые, простые слова исцеляли, возвращали уверенность отчаявшимся, мирили враждующих.

Приходили и монахи, которым житье в монастыре казалось слишком суетным, и просили Сергия:

— Отче, прими нас, мы хотим с тобой на месте этом жить и души спасти.

Сергий их отговаривал:

— Не можете вы жить на месте этом и терпеть голод, скорбь, неудобства, бедность и нужду.

Но многие готовы были терпеть лишения, искушения и тяжкие труды. И Сергий, видя их истинную

веру и усердие, по доброте своей не мог отказать. Ведь Спаситель говорил: «Приходящего ко мне не изгоню вон». Он велел каждому из братьев построить для себя келью и запастись терпением:

— Приготовьте сердца ваши не для пищи, не для покоя, не для беспечности... Приготовьтесь к тяготам, и к постам, и к подвигам духовным, и ко многим скорбям.

Иноки построили себе кельи и стали жить рядом с Сергием, по мере сил ему подражая. И хотя они много наслышались о его строгом воздержании, трудолюбии и других подвигах, но не могли не удивляться, своими глазами видя, какой суровой постнической жизнью он жил. «Добродетели его были такие, — перечисляет Епифаний, — голод, жажда, бдение, сухая пища, на земле сон, чистота телесная и душевная, молчание уст, труды телесные, смирение нелицемерное, молитва беспрестанная, рассудок добрый, любовь совершенная, бедность в одежде, память о смерти, кротость с мягкостью, страх Божий постоянный».

Случалось, кто-то из братиев не выдерживал такого послушания и отшельнического жития и уходил в монастырь, где жить легче. Сергий никого не упрекал. Взыскующим взором он видел каждого инока, его внутренние побуждения. Поэтому негодных людей к себе не брал, но слабости человеческие легко прощал.

Поначалу не было в маленькой обители своего устава. Жили по строгому распорядку дня, заведен-

ному Сергием. В полночь братия собирались в церкви и вместе пели полунощную, потом утреню, часы — третий, шестой и девятый — и, наконец, вечерню. Между службами каждый инок молился у себя в келье. Трудились каждый на своем огороде, шили, переписывали книги и писали иконы.

В то время на Руси было три вида монашества — особожитное, общежитное (чаще говорят — общежительное) и отходное. Даже в больших монастырях иноки только молились вместе в храме, но келью откупали себе сами и должны были добывать пропитание и одежду своими трудами. Такое житие само собой сложилось вначале в обители Сергия.

Сохранились имена некоторых первых иноков обители. С верховьев реки Дубны пришел на Маковец старец Василий, за строгое воздержание прозванный Сухим. Дьякон Онисим и его сын Елисей, земляки Сергия, тоже переселились в Радонеж из Ростова. Крестьянин Яков, по прозвищу Якута, служил в обители посыльным. Иногда приходилось отправлять его в мир за самым необходимым, хотя братия старалась обходиться своим.

Сильвестр Обнорский, Исаакий Молчальник, Мефодий Песношский, Дионисий, Андроник, Феодор, Михей тоже были первыми учениками Сергия. Долгое время иноков насчитывалось ровно двенадцать, как и апостолов у Спасителя. Они построили двенадцать келий, обнесли обитель высоким тыном с воротами для защиты от диких зверей и от лихих людей. И стали тихо жить рядом со своим наставни-

ком. Они называли Сергия «отче», а ведь ему не было и тридцати лет. Несмотря на молодость, по своему духовному опыту и нравственной высоте Сергий уже был старцем.

В то время на Руси старчество еще не было так распространено и так широко известно, как в XVIII и тем более в XIX веке, когда центром русского старчества стала Оптина пустынь, куда потянулись за вразумлением и крестьяне, и купцы, и писатели, и государственные деятели. Однако можно считать, что у истоков православного старчества стоял именно Сергий Радонежский.

Примерно в 1343 году возникла община двенадцати иноков. Среди них не было ни одного в сане священника. Поэтому время от времени приходилось звать игумена из монастыря для совершения литургии. По-прежнему старец Митрофан навещал своего любимого ученика. Сергию удалось уговорить старца навсегда поселиться в их скромной обители.

При этом число пустынножителей — двенадцать — не нарушилось. Не потому, что сами братия к этому стремились, просто так складывалось. Если кто-то из иноков умирал, на его место приходил другой и поселялся в опустевшей келье.

Но недолго радовались братия, что у них появился игумен, почтенный старец в сане священника, который ежедневно совершал литургию. Вскоре Митрофан сильно занемог и умер. Это было в 1344 году. Сергию исполнилось тридцать лет, значит, он мог быть рукоположен в иереи.

Братия стали приступать к нему сначала с просьбами, а потом с требованиями стать их духовным пастырем. Кому же и быть игуменом обители, как не монаху, который ее основал и много лет на деле является ее настоятелем? Осталось только принять на себя соответствующий сан, служить литургию, исповедовать их и причащать.

Но Сергий и слышать не хотел ни о каких чинах.

— Желание быть игуменом — начало и корень честолюбия, — говорил он.

Долго убеждал братию в том, что недостоин носить сан священника. Он желал бы умереть в обители скромным иноком, всю жизнь учиться, а не учить, повиноваться, а не начальствовать. Но братия была неумолима. Иноки даже пригрозили, что если авва Сергий не захочет заботиться об их душах, то они покинут обитель и будут блуждать в этом мире, как овцы без пастыря.

И Сергий уступил: как решит митрополит или епископ, так и будет.

«Какая прекрасная распря! — воскликнул по этому поводу Филарет Московский. — Распря едва ли не превосходнейшая, нежели самое согласие. Здесь смирение старшего сражается с любовью и покорностью младших — единственная брань, в которой ни одна сторона не теряет, а обе приобретают в каждом сражении! Как благополучны были бы общества, если бы члены их так же препирались между собою за сохранение подчиненности, а не за домогательства власти!»

Игумен

Рано утром Сергий и два инока вышли из ворот обители и отправились в неблизкий путь. Митрополит Алексий в то время находился в Царьграде по церковным делам и оставил вместо себя заместителем епископа Афанасия Волынского из Переяславля-Залесского.

По простоте нравов того времени епископ сразу же принял странствующих монахов и спросил, кто они, откуда пришли?

— Грешный инок Сергий — мое имя, — отвечал проситель, падая перед епископом на колени.

Афанасий Волынский очень обрадовался. Он много слышал о радонежском пустыннике, о его беспримерных подвигах и основанной им обители. Епископ поцеловал Сергия по-христиански и долго беседовал с ним. Сергий просил дать игумена для их обители и наставника монахам. Епископ его мягко укорил:

— Возлюбленный, всем обладаешь ты, а послушания нет у тебя. Следует тебе немощи немощных сносить, а не себе угождать.

Десять лет Сергий по великому смирению отказывался от священнического сана. Зато теперь все произошло просто и стремительно.

Епископ повелел ему принять игуменство. Сергий поклонился и сказал:

— Как Господу будет угодно.

Тут же Афанасий Волынский поставил его в иподиаконы и в иеродиаконы, на другой день облек в

священство. А на третий день по желанию епископа Сергий сам служил литургию в Нагорном Борисоглебском монастыре.

Братия встретила нового игумена с ликованием. Для Сергия игуменство было только тяжким послушанием во благо его обители. Не по своей воле взвалил он на плечи этот крест, всегда избегая власти и чинов. Жизнь его мало изменилась, только прибавилось трудов и ответственности за иноков.

По-прежнему он первый входил в церковь и последним выходил из нее. Все долгие службы выстаивал, как свеча, не позволяя себе ни прислониться к стене, ни присесть. А между службами день его был заполнен черным трудом. По-прежнему служил он братии, «как раб купленный». Носил воду из ручья и оставлял у дверей келий. И дрова колол для братиев, чем очень смущал их. Они пробовали протестовать, но напрасно.

Игумен и зерно молол в ручных жерновах, и пек хлебы и просфоры, и варил кутью, или коливо. Кутьей в то время в церкви поминали всех великих святых. Особенно любил преподобный готовить просфоры. И тесто для просфор всегда сам месил, не доверяя никому из братиев, хотя многие желали бы помочь ему.

Не было такого дела, которого бы не знал игумен. Он и свечи скатывал, и кроил, шил одежду и обувь. А когда кто-нибудь из братиев умирал, он своими руками омывал усопшего.

И, неся такие труды, Сергий питался только хлебом и водою. Но до глубокой старости был очень здоровым и крепким, а «силу имел противу двух человек».

Каждую свободную от молитвы минуту служа другим, игумен желал хоть немного облегчить братиям суровую и скудную жизнь в глуши. Еще долгое время вокруг обители не было сел и деревень. Не было и хорошей дороги, только маленькая тропинка, терявшаяся в траве и буреломе, вела на Маковец.

Живя в таком отдалении от людей, братия часто терпели нужду в самом необходимом. Когда не было вина для совершения литургии, муки для просфор, фимиама для каждения, приходилось откладывать службу. Без свечей иноки привыкли обходиться, они читали и пели на вечерних богослужениях при свете березовых лучинок. Зато «сердца терпеливых и скудных пустынников горели яснее свечей».

В музее лавры до сих пор хранятся простые деревянные сосуды для совершения литургии. Их держал в руках сам преподобный! В то время у обители не было щедрых покровителей, не было и денег на покупку церковной утвари. Даже священные книги иноки переписывали не на пергаменте, а на досках и бересте.

Сергий не только легко переносил эти лишения, но и благодарил за них Господа. Братиев же приучал к монашеской нищете не наставлениями, а своим собственным примером.

В середине 1350-х годов пришел в обитель из Смоленска архимандрит Симон и «разрушил число двенадцать». С этого времени численность братии стала расти, обитель расширялась, слава ее крепла.

«Удивительный муж» Симон заслуживает особого упоминания. У себя на родине он пользовался известностью, накопил большое имущество, имел семью. Но вот дошли до него слухи о преподобном Сергии и радонежской обители. И так «воспламенился душой» архимандрит Симон, что продал свое имение, простился с храмом, в котором служил, семьей и родиной и отправился пешком в Радонеж.

Симон стал первым монахом, который принес в обитель большие средства. На эти деньги был построен более просторный деревянный храм Святой Троицы. Кельи теперь были не разбросаны по всему лесу, а ставились в определенном порядке, четвероугольником вокруг храма. Так маленькая обитель постепенно благоустраивалась и приобретала вид большого монастыря.

Каждый новый инок должен был пройти долгий испытательный срок. Игумен не торопился постригать. Вначале испытуемый облачался в длинную одежду из черного сукна и начинал вместе с братией постигать монастырские правила. Сергий внимательно наблюдал за духовным ростом каждого новичка и давал ему послушание по силам.

«Только после продолжительного времени, — пишет Епифаний, — Сергий облачал его в монашескую одежду как человека во всех делах искушенного; и постригши его, облачал в мантию и клобук. А если окажется тот хорошим чернецом и в жизни чистой преуспеет, такому Сергий разрешал принять святую схиму».

Никто никогда не видел игумена гневающимся

или сердитым. Тем не менее в монастыре установилась строжайшая дисциплина. После вечерни инокам не позволялось выходить из келей и беседовать друг с другом без особой надобности. Каждый должен был в одиночестве и тишине молиться или читать жития. А чтобы не клонило в сон и телом не овладевала леность, игумен рекомендовал руки занимать делом, шить что-нибудь, чинить или переписывать книги.

Часто глубокой ночью, завершив молитву в своей келье, Сергий обходил монастырское подворье, заглядывал в оконца. Если он слышал, что брат молится, бьет поклоны или занят работой, то радовался и благодарил Бога. Если же заставал иноков за праздной беседой, то легонько стучал в дверь и отходил. Это означало, что утром провинившийся должен явиться к игумену для вразумления.

Сергий никогда не «обличал с яростью» и не наказывал братиев, а наставлял тихо и кротко, увещевал. Его не боялись, но почему-то его тихие увещевания действовали сильно и убедительно. Инок раскаивался в своей слабости, просил прощения. Если же какой-нибудь непокорный брат не сознавал своей вины и даже по гордости прекословил игумену, Сергий мог и епитимью наложить.

Монастырь расстраивался и наполнялся иноками, но продолжал оставаться беднейшим. Игумен ввел строгое правило и требовал его исполнения даже в случаях крайней нужды. Он запрещал братиям ходить по окрестным селам и просить подаяния. При особножитном порядке каждый инок должен был сам

кормиться от своего огорода и пашни. Все больше и больше появлялось в обители и паломников с добровольными приношениями. Если же этого не доставало, Сергий призывал братию молиться и уповать на милость Божию.

Вот две истории из жития, составленного Епифанием: одна очень обыденная, другая — чудесная. Обе повествуют о жизни обители в те нелегкие времена. Случалось, у монахов по нескольку дней не было хлеба и они жестоко голодали. И Сергий однажды три дня обходился без пищи, а на четвертый, только рассвело, взял топор и пошел в келью к одному старцу Даниле, у которого, все знали, еще оставался хлеб.

— Слышал я, старче, что ты хочешь пристроить сени к своей келье? Чтобы руки мои не были праздными, построю я тебе сени.

Данило заколебался: он ждал плотника из деревни и боялся, что игумену придется дороже заплатить. Но Сергий его успокоил:

— Много я с тебя не возьму. Если есть у тебя заплесневевший хлеб, то с меня и довольно будет.

Данило вынес ему решето с кусками гнилого хлеба, который сам уже есть не мог. С сомнением посмотрел на игумена. Такой хлеб он бы и даром отдал, да стыдно было предлагать. Но Сергий сказал, что этого довольно с избытком. Только просил поберечь хлеб до девятого часа: как ни сильно был он голоден, но не хотел брать плату прежде работы.

До вечера он тесал доски, ставил столбы, и, когда окончил постройку, Данило снова вынес ему решето

с заплесневевшими кусками. Сергий стал есть этот горький хлеб, заработанный тяжелым трудом, запивая его водою. Некоторые из братиев видели, как при этом из уст преподобного словно дымок исходил — от гнилого хлеба.

Они осуждали Данилу за скупость и изумлялись смирению и долготерпению своего игумена. Но Сергий старца оправдал: ведь он сам предложил себя в работники и согласился на оплату. К тому же у Данилы не было лишнего хлеба, а в скудности люди поневоле становятся бережливыми.

Этим поступком преподобный не только еще раз подал братии пример кротости и смирения, но и показал, что просить подаяния по деревням не обязательно, лучше заработать себе пропитание своими руками.

Позже произошел еще один случай, который иноки восприняли как настоящее чудо. Снова иссякли в обители все припасы. Иноки сильно голодали, и один из них роптал на игумена и других смущал своим ропотом.

— Ты нам не велел просить хлеба у мирян, — говорил он Сергию. — Мы тебя слушались и теперь с голоду умираем. Потерпим еще день и уйдем от этого места! Нету больше сил терпеть такую скудость и лишения.

Сергий видел, что братия ослабели от голода и готовы впасть в уныние. Часто приходилось ему поддерживать своим вдохновенным словом людей, приходивших в обитель за утешением, советом, помощью. Но это были миряне, жившие суетной жизнью.

Оказалось, что и его духовные дети — иноки тоже подвержены немощам, впадают в малодушие и ропщут. Мог ли преподобный оставить их без утешения?

Он велел созвать всех вместе и очень мягко и кротко, с большим терпением уговаривал их:

— Зачем скорбите, братия, зачем смущаетесь? Из-за недостатка пищи! Но ведь это случилось на краткое время ради испытания вашей веры. Благодать Божия не дается без скорбей и испытаний. Если вы перенесете это лишение, как подобает инокам, с верою и благодарностью, то само это искушение вам послужит на пользу. Радость следует за скорбью, сказано: водворится плач, а завтра радость!

Эти слова Сергия очень сильно подействовали на братию, они воспрянули духом, многие устыдились. И не успел игумен закончить свои увещевания, как кто-то постучал в ворота монастыря. Прибежал монах-привратник с радостной вестью:

— Отче, за воротами дожидаются несколько повозок с хлебом, рыбой и разной снедью. Благослови принять.

Сергий приказал бить в било и отслужил с братиями благодарственный молебен. И только после молебна благословил братиев сесть за трапезу и угостить возчиков, которые привезли еду. Но возчики, несмотря на настойчивые приглашения иноков, заторопились, выехали за ворота — и как будто с глаз исчезли.

Много таинственного и необъяснимого было в этой истории. Хлеб оказался мягким и теплым, хотя

возчики говорили, что ехали издалека. И имя богатого дарителя они так и не назвали.

— Видите сами теперь, что Господь не оставляет сего места и рабов своих, — говорил Сергий инокам в назидание.

А многие братия этот случай с хлебами восприняли как чудо, дарованное не им, грешным, а преподобному Сергию за его молитвы, беспредельное терпение и смирение.

Целитель и чудотворец

«Молчать он не мог и разглашать не смел»

В народе о праведниках говорили: «Умолился и стал святым». Только «умолившимся», чистым душой и телом даются дары чудотворения, исцеления и пророчества. В первые годы подвижничества преподобный Сергий не имел видений, не творил чудес. Лишь долгий, трудный путь самовоспитания, аскезы, самопросветления привел его к чудесам и к тем светлым видениям, которыми озарена его зрелость.

Еще в молодости Сергий много слышал рассказов и читал в житиях святых, какими тяжкими трудами могут снискать подвижники подобные дары, да и то не все, а избранные. Он снискал. В молитве истончился дух, открылись внутренние очи: Сергий стал видеть будущее так же ясно, как настоящее. Судьбу любого человека мог предсказать, но никогда не злоупотреблял этим.

Сначала его чудотворения были простыми, житейскими, связанными с повседневным существованием обители. Как чудо с источником. Долгое время иноки брали воду из родника у подножия горы Маковец. Обратно приходилось с тяжелыми водоносами подниматься в гору. Сергий полагал, что это даже полезно для подвижника — изнурять свою плоть трудами, и сам ежедневно ходил за водою для себя и для братиев.

Но другие братия так не думали и потихоньку роптали, что, мол, носить воду трудно и далеко, что ее мало для такой большой обители. Даже упрекали Сергия за то, что он выбрал неудобное место для монастыря.

— Ведь я один на этом месте хотел безмолвствовать. Богу было угодно воздвигнуть здесь обитель, — отвечал на это Сергий.

Как-то взяв с собой одного инока, преподобный вышел из обители и долго бродил в лесу, как будто что-то выглядывая. Стояла страшная сушь, и только на дне оврага Сергий нашел небольшую лужицу с дождевой водой.

Преподобный опустился на колени и долго молился на том месте. Он просил Господа даровать им воду, так же как некогда по молитве Моисея, он из камня источил воду. Потом осенил лужицу крестным знамением.

И вдруг на глазах у Сергия и инока из-под земли забил источник. Такой обильный, что вода потекла по дну оврага быстрым ручьем. Этот ручей братия

вскоре назвала Сергиевой речкой. С тех пор обитель не знала нужды в воде.

А вода оказалась не простой. Многим она даровала исцеление. Издалека стали приходить к источнику люди и уносили воду для болящих. Верили, что достаточно окропить ею — «и страдающие различными недугами исцеления получают».

Но Сергий так не любил славы, что вознегодовал, узнав про название источника:

— Чтобы я никогда не слышал, как вы моим именем источник этот называете. Ведь не я, а Господь даровал вам, недостойным, воду.

Все больше и больше притекало в обитель народу, все надеялись получить здесь совет, вразумление и исцеление. Людей привлекал прежде всего светлый образ преподобного Сергия: ведь монастырей в окрестностях Москвы было немало.

Самого игумена это многолюдье тяготило, но он никому не отказывал, всех принимал — и князя, и простого крестьянина. Его тихое ласковое слово каждому приходящему несло утешение, ободрение, облегчение в болезнях.

Епифаний рассказывает только о нескольких случаях чудесных исцелений. На самом деле их было много. Преподобный запрещал разглашать их, и больные не смели его ослушаться. Но истории о чудесах все равно просачивались сквозь монастырские стены: келейник преподобного по большому секрету рассказывал их братиям, братия с гордостью повторяли мирянам, миряне разносили по всему свету. И вот уже новые потоки страждущих устремлялись в

обитель, не боясь дальних расстояний и плохих дорог. Потому что люди очень любят чудеса, и даже самые грешные преклоняются перед святостью.

Как-то в ближнем селе заболел один из жителей странною болезнью. Три недели он не мог ни спать, ни есть, ни пить и угасал в страшных мучениях. Родственники решили отнести несчастного к радонежскому игумену. «Святого старца любит Бог и ради него творит большие чудеса, может быть, и над нами смилуется», — говорили они.

Принесли и положили больного прямо к ногам Сергия. Преподобный помолился, окропил его святой водой, и в ту же минуту тот погрузился в глубокий, долгий сон. А когда проснулся, преподобный сам накормил его. И вскоре больной отправился из обители домой на своих ногах, совершенно окрепший и бодрый.

Одного богатого боярина привезли к Сергию издалека, с берегов Волги. Боярин был одержим бесом, бился, вопил, кусался и даже железные цепи разрывал, когда его пытались усмирить. Слава преподобного достигла и тех дальних краев. И родные решили везти бесноватого к человеку Божьему, святому старцу, потому что все лекари были бессильны помочь.

Везли боярина насильно, с превеликими трудностями. Он как будто боялся встретиться со старцем и кричал: «Не хочу, не хочу туда, верните меня обратно!» И уже у ворот обители разбил цепи и так взревел, что иноки, молящиеся в церкви, услышали его вопли.

Сергий приказал ударить в било и отслужить мо-

лебен за больного. Пока шла служба, бесноватый понемногу успокаивался. Его даже смогли подвести к церкви. Преподобный вышел к нему с крестом, осенил его и окропил святою водою.

При виде креста беснующийся вдруг с диким воплем отскочил от Сергия и бросился в большую лужу, оставшуюся после проливного дождя. «Горю, горю, спасите меня!» — молил несчастный.

И с этого дня он стал поправляться. Когда его омраченный рассудок просветлел, боярин рассказал о своих мучениях:

— Преподобный осенил меня крестом, и тут я увидел пламень, исходивший от креста и охвативший меня всего. Вот я и бросился в воду, чтобы не сгореть.

Некоторое время боярин прожил в обители, а потом совершенно исцеленным, кротким и разумным вернулся домой.

Еще более поразительным чудом было исцеление или даже воскрешение из мертвых маленького ребенка. Как-то один человек, безгранично веривший в Сергия, принес в обитель своего больного сына. Всю дорогу молился: только бы донести отрока живым, а там Божий человек его обязательно исцелит. Но пока он рассказывал преподобному о своем горе, пока Сергий готовился к молитве, мальчик умер. Отец его обезумел от горя, рыдал, корил себя за то, что пустился с больным в такой дальний путь, лучше бы дал ему спокойно умереть дома. И пока несчастный отец убивался над телом сына, сердце преподобного скор-

бело. Он не мог без боли видеть страдания людей. И чувствовал себя виноватым, потому что человек, пришедший к нему за утешением, впал в еще большую скорбь.

И когда отец вышел приготовить гробик ребенку, Сергий опустился на колени и начал горячо молиться. И молитва его была услышана: ребенок ожил, душа к нему возвратилась, он открыл глаза.

Когда вернулся отец с гробиком для сына, Сергий встретил его на пороге словами:

— Ты обманулся, видишь, отрок вовсе не умирал, он жив!

Изумленный родитель не верил своим глазам. Но, убедившись, что сын его ожил и лопочет, пал к ногам Сергия, целовал его руки, благодарил за чудесное воскрешение. При этом присутствовал келейник, который тоже был уверен, что отрок умер.

— Вы не знаете, что говорите! — вразумлял их преподобный. — Никто не может ожить до общего Воскресения. Отрок просто обмер на морозе, а у меня в келье согрелся и отошел.

Но человек упорно повторял:

— Он твоими молитвами ожил, старче!

И тогда Сергий строго запретил ему так говорить, пригрозив, что мальчику может стать хуже от его болтливости. Тот, испугавшись, обещал молчать. Епифаний с пониманием описал терзания счастливого отца: «Молчать он не мог, а разглашать не смел».

Скорее всего, келейнику обязаны мы тем, что эта история дошла до наших дней.

...Благодаря льготам, которые предлагал Терентий Ртища переселенцам, вокруг обители все больше появлялось деревень, сел и починков. Народ из разоренных русских земель бежал поближе к Москве, где уже несколько десятилетий жилось потище. И после смерти Ивана Калиты его наследники продолжали политику «замирения» с татарами и копили силы для решительного выступления.

И вот уже появилась хорошая дорога к обители. И каждый день шли и ехали по ней паломники, и никто не возвращался без ободрения, доброго совета и благословения. У всех встречи со старцем оставляли самое благотворное и светлое впечатление.

Нужда и голод с годами забывались. Монастырь уже не был таким убогим, как прежде, благодаря дарам богатых паломников. Сергий запрещал просить, но он не запрещал брать подаяние, если оно дается от чистого сердца.

Благосостояние обители росло, она расстраивалась, пополнялась иноками и могла уже сама помогать нищим и убогим. Никто из просящих и нуждающихся не уходил из обители без помощи. И только игумен ее оставался таким же, как и прежде, — нищим, равнодушным к одежде и еде и другим благам. И зимой и летом носил он одну и ту же рясу из грубой неокрашенной сермяги, ветхую, перешитую, иногда с заплатами.

Как-то завалялась в обители половинка сукна негодного, плохо сотканного. Никто из братиев не хотел его брать. Ведь богатые богомольцы дарили им нарядное немецкое сукно — мягкое и ярких цветов.

Так то гнилое сукно переходило из рук в руки, обошло семерых, пока не попало к игумену. Сергий, нимало не смутясь, скроил себе рясу, сшил, а надев, уже не хотел расставаться с ней. И носил целый год, пока гнилая ткань не распалась у него на плечах.

Иноки так привыкли к облику своего игумена, что не замечали его нищенской одежды. Но многие паломники, приходившие издалека, чтобы только взглянуть издали на знаменитого старца, поклониться ему, испытывали сильное потрясение и разочарование при виде преподобного. Привыкшие, как большинство мирских, встречать людей по одежке, они ожидали увидеть святого мужа во всем величии и славе, окруженного толпой слуг и рабов, допускавших к старцу только князей, да бояр, да прочих именитых людей.

Однажды из дальних краев пришел в обитель простой крестьянин с надеждой получить у преподобного Сергия совет и благословение. Не без страха и трепета просил он у иноков показать ему этого славного и мудрого старца, о котором он столько слышал. Братия кивали на огород, где преподобный в это время трудился над грядками.

— Подожди немного, игумен сейчас выйдет, — отвечали они крестьянину.

Он же в большом нетерпении не мог долго ждать, приник к щели в заборе и заглянул. На огороде никого не было, кроме убого старичка нищего, рывшего заступом землю.

«Этот старик даже иноком быть не может, — рассудил сам с собою крестьянин. — Все на нем худостно, все нищетно, все сиротинско; это, навер-

ное, какой-то бедняк, трудник в монастыре, который за еду помогает братиям возделывать огород».

И крестьянин, постояв у калитки, снова стал приставать к братиям, требуя показать ему игумена.

— Мы же указали тебе, если не веришь, спроси у него сам, — отвечали иноки.

— Я издалека шел, надеясь увидеть святого и пользу получить, а вы надо мной глумитесь, — сетовал крестьянин. — Я еще не впал в безумие, чтобы принять этого убогого старичка за Сергия, знаменитого чудотворца и пророка.

Иноки обиделись и хотели прогнать невежу из обители, да Сергий не позволил. Не дождавшись поклона от крестьянина, он сам ему поклонился до земли и похвалил за то, что тот так о нем подумал:

— Ты справедливо рассудил, чадо, обо мне, а они все ошибаются.

Так они разговаривали, когда в обитель прибыл некий князь с большой свитой бояр и слуг. Игумен вышел навстречу гостям. Князь упал ему в ноги, попросил благословения. Сергий его ласково поцеловал и усадил рядом с собой. А вся свита и иноки почтительно стояли вокруг.

Странно было видеть их вместе — князя, во всем его блеске и славе, и нищего старика в рясе с заплатами. Крестьянин снова спросил у княжеского слуги:

— Кто этот чернец рядом с князем?

— Ты что, не здешний? Не знаешь преподобного отца Сергия?

Тут на крестьянина наконец нашло просветление. Ему стало стыдно и горько за свое недостойное по-

ведение. Дождавшись, когда уедет князь, он просил у Сергия прощения за свое неверие. Преподобный его утешил и побеседовал с ним.

Крестьянин был так потрясен смирением и добротой святого старца, его равнодушием ко всем мирским благам, что вскоре вернулся в обитель и попросил постричь его в монахи.

«Умножится число твоих учеников»

Все считали его одним из пророков», — писал о своем учителе Епифаний.

Так же, как дар чудотворения, пророчество или прозорливость проявились в Сергии постепенно, с годами, сначала в малом, потом в великом. Рано он научился видеть все тайные помышления и устремления людей, ничего не возможно было скрыть от него. Но позже дано было ему прозревать и будущее каждого человека, его предназначение.

В самом начале игуменства преподобного его брат Стефан привел в монастырь своего младшего сына Ивана. Иноки думали, что двенадцатилетний мальчик останется в обители и долгие годы будет под опекой дяди постигать нелегкую науку монашеской жизни. Обычно Сергий не торопился постригать послушников, давая им время на испытания.

Каково же было удивление братии, когда на другой день игумен без колебаний постриг племянника и дал ему новое имя — Федор. Некоторые даже втай-

не пожалели ребенка, которого отец и дядя не пожалели, с малых лет отдав Богу.

Вся последующая жизнь Федора показала сердобольным иноком, что у него и не могло быть другой судьбы. Они убедились в прозорливости Сергия, ясно увидевшего будущее отрока, которому Господь судил быть монахом, а потом игуменом и архиепископом.

Тысячи людей шли в Святотроицкую обитель, желая получить мудрый совет и наставления. Всем хотелось знать будущее, чтобы избежать ошибок и разумнее построить свою жизнь. Все надеялись на прозорливость святого старца. Житие и летописи сохранили только несколько пророчеств о частной жизни людей. На самом деле их конечно же было очень много.

Одна бездетная супружеская пара давно потеряла надежду иметь ребенка. Какова же была их радость, когда преподобный предсказал, что скоро у них родится сын. Так оно и случилось. Мальчика назвали Симеоном. Но на этом история не закончилась. Всю свою жизнь Симеон молился Сергию Радонежскому, как своему святому, благодаря молитвам которого он появился на свет. Уже в зрелые годы он тяжело заболел и едва не умер. Лежа на смертном одре, Симеон молился уже преставившемуся святому Сергию даровать ему облегчение. И случилось чудо: ночью преподобный явился ему, чтобы утешить и ободрить. Утром Симеон почувствовал себя совершенно здоровым.

Не раз братия убеждались, что преподобный может своим внутренним взором наблюдать происходящее за много миль от обители. Однажды большой

друг Сергия, епископ Пермский Стефан, спешил в Москву по какому-то делу. Он решил на обратном пути навестить обитель и преподобного Сергия, которому горячо поклонялся. Но и проехать просто так мимо Стефан не мог. Остановившись в десяти верстах от обители на дороге, епископ прочел положенные молитвы и сказал:

— Мир тебе, духовный брат!

В это время Сергий сидел вместе с братиями за трапезой. «Духом уразумев» приветствие Стефана, он вдруг встал, на глазах удивленных иноков низко поклонился и ответил:

— Радуйся и ты, Христов пастырь, мир Божий да пребывает с тобой.

И объяснил братиям, что в эту минуту мимо их обители проехал епископ Стефан и с пути послал им свое благословение. Когда через три дня епископ Пермский навестил обитель, иноки не преминули расспросить его и убедились еще раз в прозорливости игумена.

В память этого события на том месте, где остановился Стефан, построили каменную часовню с большим деревянным крестом. И в самой обители Святотроицкой установился трогательный обычай, тоже в память «заочного свидания святых»: во время трапезы перед последним блюдом ударяли в колокольчик, иноки вставали, читали краткую молитву.

Никто не видел преподобного гневным или раздражительным. Никогда он не повышал голоса и даже провинившихся вразумлял тихо и кротко. И все

же приходилось ему наказывать и обличать. Однажды князь послал в подарок инокам целый воз еды и напитков. Возница, рассудив, что от такого изобилия не убудет, по дороге всего понемногу отведал.

Приехал посланный в обитель и предстал перед игуменом. Но прозорливый старец не захотел принять даров и тут же обличил слугу:

— Зачем же ты, брат, прельстился и попробовал пищу до того, как я ее благословил?

Потрясенный слуга залился слезами и бросился старцу в ноги. Он даже не стал отпираться, тут же признался в своем грехе и умолял простить его. Преподобный его простил и приказал больше так не делать.

У святого старца был еще один, особый дар — убеждения, вразумления и увещевания. Он умел достучаться в самое безнадежное, черствое и погрязшее в грехе сердце. Однажды пришел к нему бедняк сирота искать правды и защиты. Богатый сосед отобрал у него свинью и не заплатил.

Сергий немедленно призвал к себе алчного и бессовестного грабителя и стал его укорять:

— Чадо! Веришь ли ты, что есть Бог — судья праведных и грешных, отец вдов и сирот, готовый к отмщению?

Говорил ему преподобный о том, что нельзя долго испытывать терпение Божие и что творящих зло ждет не только бесконечное мучение в будущей жизни, но и в этой возмездие настигает.

Богач сначала испугался, потом умилился душою,

заплакал и обещал святому старцу не только деньги вернуть, но и исправить всю свою грешную жизнь.

Но пока он дошел до дому, слезы высохли и в нем снова пробудилась жадность, заглушившая все добрые чувства. Богач решил не отдавать ни деньги, ни свинью.

Утром он вошел в свой амбар, где на крюке висела свиная туша, и остолбенел! Все мясо сгнило и кишело червями, а на дворе была лютая зима. Богач понял, что от святого старца ничего нельзя утаить, даже свои помыслы. Он помчался отдавать деньги бедняку. Потом выбросил тушу на съедение псам, но ни собаки, ни птицы даже не прикоснулись к ней.

С тех пор лихоимец никогда не бывал в обители, а ведь до этого очень любил ходить туда на праздничные службы. Ему было стыдно показаться на глаза преподобному, потому что он обещал старцу в порыве раскаяния сделать доброе дело и не сдержал слова.

Случай с греческим епископом — еще одно свидетельство того, что сила, исходившая от преподобного Сергия, не только утешала и исцеляла, но и вразумляла неверующих и наказывала гордых.

Епископ Константинопольский давно слышал о святом старце, его подвижнической жизни, чудотворениях и прозорливости, но не верил тем рассказам.

«Не может быть, — говорил грек, — чтобы в этих дальних странах, совсем недавно принявших Христову веру, воссиял такой светильник, которому подивились бы и древние отцы церкви».

Приехав по делам в Москву, этот высокомерный

епископ пожелал посетить и Святотроицкую обитель, чтобы воочию убедиться в правоте своих сомнений. Уже подъезжая к монастырю, он вдруг почувствовал странное беспокойство и страх. А когда вошел в ворота и впервые увидел преподобного, внезапно поражен был слепотой.

Сергий взял гостя за руку и отвел в свою келью. Потрясенный епископ исповедовал перед старцем свое сомнение и недобрые мысли о нем и просил прощения и исцеления. Преподобный Сергий горячо помолился о нем, коснулся его глаз — и он тотчас прозрел.

Сергий с обычной своей незлобивостью упрекнул гостя:

— Вам, премудрым учителям, подобает учить нас не превозноситься, а вы искушаете неразумие наше. Какую же вы получите пользу от нас, простых невежд?

С тех пор, вернувшись в свое отечество, епископ все рассказывал, что Сергий истинно человек Божий, чудотворец и пророк, и прославлял его обитель.

Порой чудо и пророчество словно сливаются воедино в чудесном пророческом видении. Это уже не предсказание об отдельной человеческой судьбе или каком-то событии в жизни семьи. В таких видениях заключаются большие и важные пророчества — о судьбах целых городов, стран, народов.

Преподобный Сергий удостоился таких видений, и не однажды. Было ему уже за пятьдесят, и около

тридцати лет прожил он на Маковице, когда получил пророческое откровение о будущем своей обители. В то время монастырь разрастался и расстраивался, все больше монахов приходили в Радонеж под покровительство святого старца.

Однажды поздней ночью Сергий, по обыкновению, не спал, а молился за своих братиев, чтобы Господь дал им силы совершать монашеское служение, преодолевать искушения и трудности монастырской жизни. И вдруг среди ночной тишины послышался ему голос, призывавший его по имени:

— Сергий, Сергий!

Преподобный очень удивился, открыл окошко своей кельи. И вот что он увидел: в темном небе просиял дивный свет, такой яркий и лучезарный, что превосходил во много раз дневной и солнечный. И тотчас этот пронзительный свет заструился с неба на землю, озарил мрачную лесную чащу и тихие кельи.

И снова раздался голос:

— Сергий! Ты молишься о своих духовных детях, и Господь услышал твою молитву. Скоро увидишь множество иноков по имя Святой Троицы, собранных в твое стадо.

Едва произнес таинственный голос эти слова, как Сергий действительно увидел огромную стаю прекрасных птиц. Они спустились с неба прямо на монастырь, сидели на крышах келий, на деревьях, бродили у ног преподобного, когда он вышел на крыльцо.

— Так умножится число учеников твоих и после тебя не оскудеет, — продолжал вещать голос. — И пойдут они по стопам твоим.

3 Зак. 1722

Великая радость наполнила сердце Сергия. Ведь это пророчество касалось не его собственной жизни, а будущего его любимого детища — Святотроицкой обители. Преподобному захотелось разделить эту радость с кем-нибудь из братиев.

Рядом в келье жил Симон, смоленский архимандрит, который, оставив родину и свой храм, пришел к радонежскому чудотворцу. Сергий позвал его. Удивленный Симон поспешил на его голос, но застал лишь конец видения — лучезарный свет все еще струился с неба, но вскоре погас. Снова ночная тьма окутала лес и тихую обитель.

Преподобный Сергий рассказал Симону о чудесных птицах и о том, что вещал ему таинственный голос. Взволнованные и потрясенные видением, они проговорили до утра, рассуждая, что оно могло означать, и мечтая о будущем процветании обители.

Давно уже задумал игумен перестроить монастырский быт. Это пророчество убедило его в необходимости перемен.

Истинное монашество

Однажды приехали в обитель к Сергию посланцы от константинопольского патриарха Филофея и привезли дары: крест, который теперь хранится в ризнице лавры, вырезанный из кипарисового дерева и украшенный золотом и драгоценными камнями; параман — четырехугольный плат с изо-

бражением страстей Господних, схиму и послание самого патриарха.

Но Сергий очень смутился, получив дорогие подарки, и спросил посланных:

— Не к другому ли кому вы посланы? Кто я, грешный, чтобы мне получать поминки от святейшего патриарха?

И они отвечали:

— Мы хорошо знаем, что к тебе посланы, а не к кому другому, ведь ты — Сергий Радонежский?

— Да, я грешный чернец Сергий, — подтвердил игумен.

Значит, вести о радонежском пустыннике, основавшем свою обитель, дошли за три тысячи верст и до Царьграда. А в послании к нему патриарха говорилось:

«Милостию Божией архиепископ Константинограда вселенский патриарх Кир Филофей сыну и сослужебнику нашего смирения о Святом Духе Сергию благодать и мир и наше благословение! Мы слышали о твоей добродетельной жизни по заповедям Божиим. Но вам еще недостает одного, и притом самого главного: нет у вас общежития. Ты знаешь, что и сам Богоотец пророк Давид изрек: «Как хорошо и прекрасно жить братьям вместе». Поэтому и я совет добрый даю вам, чтобы вы устроили общежительство. И милость Божия и наше благословение пусть будут с вами».

Почему же так настаивал патриарх на общежительстве? Для ответа на этот вопрос нужно заглянуть в историю монастырской жизни. Родоначальник мо-

нашества Антоний Великий основал в III веке в Египте иночество отшельническое, скитское. По установленному им порядку подвижники жили отдельно друг от друга в хижинах или пещерах, а руководил ими один старец, авва (отец). Но еще при жизни Антония появился другой вид монашеской жизни — общежительный. Такого рода общины назывались киновиями, монастырями. Основателем киновийного жития был Пахомий Великий. Его судьба во многом подобна судьбе Сергия Радонежского. Пахомий тоже избрал для уединенной жизни пустынное место на Ниле, куда начали стекаться ученики. Так возник монастырь, и Пахомий сам установил в нем определенные правила монашеского общежития.

Русь, приняв христианство от греков, заимствовала от них и монашество, но в форме особножития. Антоний и Феодосий Печерские сумели ввести в русских монастырях общежитие, но позднее оно все-таки было вытеснено старым укладом.

Патриарх не без оснований считал, что общежительное монашество более правильное и строгое. Вот что думал по этому поводу автор «Истории русской Церкви» Евгений Голубинский:

«Истинное монашество должно быть самым строгим общинножитием, так чтобы у монахов не было совершенно ничего собственного вплоть до иголки и нитки, а все было общим, — чтобы кельи их не имели никаких запоров и чтобы в кельях не было никаких сундуков и шкатулок. Так это и было в древние времена, пока монашество процветало».

Казалось бы, монахи должны быть довольны,

живя на всем готовом, отдавая молитве и подвижничеству все силы и не заботясь о своем пропитании и одежде. Но нет: монахи всего лишь люди, а не ангелы, и в них сильны корыстолюбие, лень и своеволие. «Постоянное торжество своекорыстия над братолюбием и составляет главную причину, по которой человеческая история очень печальна», — грустно заключает Е. Голубинский.

Сергию Радонежскому удалось вернуть в русские монастыри общинножитие, но с превеликими трудами. В этом его немалая заслуга. И за это его называют «отцом северного русского монашества».

Получив послание патриарха и помня о чудесном видении, в котором ему было предсказано будущее процветание его обители, Сергий решил, что пришло время заняться обустройством монастырского быта. Но сначала он хотел получить благословение митрополита Алексия.

— Ты что повелишь, святой владыко? — спросил преподобный у Алексия, когда тот прочел письмо патриарха.

Митрополит отвечал:

— Бог сподобил тебя такой милости, что слух о твоей святой жизни достиг отдаленных стран, и сам вселенский патриарх шлет тебе советы на общую пользу. Что советует тебе патриарх, то и мы благословляем.

С этого времени Сергий установил в Святотроицкой обители общежитие и приказал строго соблюдать общежительные уставы: ничего не приобретать для себя, не называть ничего своим, но по заповедям свя-

тых отцов все иметь общим. Более упорядоченным и строгим стало монашеское житие. Запрещалось, например, есть и пить в кельях, а не в общей для всех трапезной; выходить за ворота обители без особой надобности и благословения игумена. Многие монахи даже давали обет не бывать за пределами обители.

Существовало и множество других запретов, вызвавших недовольство некоторых иноков, — например, не мыться в бане, чтобы «ни перед кем не обнажать ни одного члена своего». Русский человек многие лишения может перенести стоически — и голод, и холод, и нужду. Но самые строгие уставы не могли победить традиционной любви к бане, этому празднику тела. В русских монастырях все-таки мылись в банях, хотя бы раз в месяц, поодиночке, с особого разрешения игумена, за исключением Великого поста. Там, где уставы были помягче, и чаще. В оправдание приводились слова апостола Павла: «Тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа», — следовательно, этот «храм» требовалось содержать в чистоте.

Несмотря на грамоту патриарха, волю митрополита и игумена, некоторые монахи не приняли общежития и тайно покинули монастырь. Одни — пугаясь жесткого устава, другие, наоборот, — нуждаясь в большем уединении и свободе для личной молитвы. Сергий их не осуждал. Он сам мечтал быть отшельником, прожить всю жизнь в глуши Радонежских лесов, молясь о грехах мира. Но Господу было угодно возложить на него тяжелый крест — стать игуменом

большого монастыря, советником князей, пророком и утешителем для тысяч людей.

На Руси недаром появился еще один тип монашества, кроме общежития и особножития, — отходничество. Когда подвижник удалялся в наиболее глухие и безлюдные места, по нескольку лет жил в дупле дерева или землянке, отдаваясь молитве и молчанию. Преподобный Сергий очень почитал отходников и всегда давал своим ученикам благословение на этот трудный подвиг. Но он понимал, что пустынниками могут быть только стойкие духом единицы, а русской земле в то время нужны были большие монастыри как оплоты государственности и предвестники духовного освобождения от татарского ига. Поэтому все свои силы Сергий отдал строительству этих оплотов.

В то время у Святотроицкой обители было достаточно средств, чтобы начать большое строительство. Введение общежития требовало постройки общей трапезной, поварни, пекарни, монастырских кладовых, амбаров и других зданий.

Епифаний перечисляет некоторые новые службы и должности, которые ввел игумен в монастыре. Келарь еще в древних монастырях был казначеем, экономом и благочинным. Он ведал монастырской кладовой, где хранились все съестные припасы. Келарь считался вторым лицом в монастыре после игумена, и поэтому возлагалась эта должность на самого уважаемого и почтенного из братии. Первым келарем в Святотроицкой обители стал ученик преподобного Никон. Летописец отметил, что не всякий родитель так заботился о своих детях, как келарь Никон о

братиях-иноках и о всех нищих и больных, приходивших в обитель за подаянием и помощью.

Повар хозяйничал в монастырской поварне или кухне, хлебник выпекал хлебы, трапезники разносили еду во время обеда. За соблюдением порядка в церкви во время богослужения наблюдал экклезиарх, по-нынешнему уставщик. Должность уставщика исполнял Симон из Смоленска, очень близкий к игумену человек. Ему помогали дьячки и пономари. Один из пономарей именовался кадиловозжигателем. Он обязан был соблюдать чистоту в храме, зажигать и гасить лампады и свечи, приготовлять кадило и «заведовал звоном».

Наиболее опытный в духовной жизни старец назначался духовником для всей братии. Первым духовником в Святотроицкой обители стал Савва, впоследствии основатель Сторожевского монастыря под Звенигородом. Потом эту должность исполнял Епифаний, автор жития преподобного Сергия.

Множество и других служб и должностей было в общежительном монастыре. Один из братиев, прозванный «будильником», поднимал утром в один и тот же час всю обитель. Часть иноков работала в монастырской братской больнице или ухаживала за старыми и больными. Епифаний с любовью писал о своем учителе: «Все это чудесный тот человек хорошо устроил». Игумен сумел каждому иноку найти работу по его способностям и возможностям. В короткое время в преподобном открылся еще один дар — недюжинный талант организатора. Он сумел установить в обители образцовый порядок и поддер-

живать его. Это тем более удивительно, что Сергий никогда не повышал голоса, не применял строгость и наказание, а действовал исключительно кротким вразумлением и тихой беседой.

Вот как протекали дни в обители. Рано утром «будильник» подходил к келье игумена и громко говорил в окошко:

— Благослови и помолися за мя, отче святый!

— Бог спасет тя! — отвечал игумен.

«Будильник» ударял в малое било и обходил все кельи, под каждым окном восклицая: «Благословите, святые!» — и дожидался отклика, чтобы убедиться, что все проснулись. Затем пономарь ударял в большое било, призывая всех братиев на утреннюю молитву.

После введения общежития гораздо больше времени стало уделяться общей, или церковной, молитве. При особножитии иноки могли молиться у себя в келье. Преподобный Сергий установил строгий порядок — семь богослужений в сутки: «И полунощницу, и заутреню, и часы — и третий, и шестой и девятый, — и вечерю, и нефимон». Преподобный сам каждый день служил литургию, моля Бога о смирении всего мира, и о благосостоянии святых церквей, и о православных царях и князьях, и о всех православных христианах. Церковная молитва была больше прошением о спасении мира, а келейная — о спасении души самого инока.

Устав также требовал, чтобы все братия, за исключением больных и старых, трудились. Игумен подавал пример, работая за двоих. Он шил обувь и одежду для братиев, любил обихаживать монастыр-

ский огород. В поздние времена обитель была достаточно богата и обеспечена продуктами и овощами, но преподобный не позволял уменьшить огороды и пашни, зная большое душеполезное значение труда, в особенности труда на земле.

Три удара в било призывали братиев на трапезу. Обычно в монастырях было две трапезы в день — обед и ужин, в Великий пост — только одна, а в некоторые дни — сухоядение. Еда была однообразной: вариво и сочиво, то есть суп и каша. Мясо полностью исключалось. Рыбу монахи вкушали только по определенным дням. Зато по праздникам им полагалось «утешение» — кутья и пироги. А летом — овощи и фрукты.

В трапезной всегда царила тишина — разговоры воспрещались. После молитвы кутники, обходя столы, оделяли братиев едой. С первой чашей каждый подходил к игумену за благословением. Один их братиев во время трапезы читал жития святых.

В греческих монастырях монахи пили вино, разбавленное водой. В русских обителях «высокого жития» даже этот невинный напиток был под запретом, чтобы «змиеву главу пьянства отреза и корень его исторже». Один из церковных уставов давал объяснение такой строгости: в русской земле свои законы и обычаи, наш народ не умеет пить разумно — «не можем воздержатися, но пием до пианства».

Так чередовались в обители молитвы, труды, скромные трапезы. Но появилось при общежительстве еще одно нововведение, которого не могло быть при прежнем бытии — обособленном. Монастырь

рос, становился богатым и обильным. Чтобы достаток не повлек за собой сытости, довольства, праздности и упадка нравов, Сергий ввел в обители странноприимство, питание нищих и подаяние просящим.

Большие русские монастыри всегда широко занимались благотворительностью, помогали бедным из окрестных деревень, привечали странников. Эта благотворительность началась и укоренилась именно с Сергия Радонежского, потому что он основал первый общежительный монастырь, а при особножитии благотворительность просто невозможна.

Страннолюбие и нищелюбие преподобный считал одной из главных добродетелей и братиям своим завещал всегда помогать нуждающимся:

— Если вы, дети, эту мою заповедь сохраните без роптания, то и после кончины моей обитель будет процветать и многие годы будет стоять благодатию Христовой.

По образному выражению Епифания, рука Сергия «была простерта к нуждающимся, как многоводная река тихими струями: и насколько в обители вклады умножались, настолько страннолюбие увеличивалось. И никто из бедных, в обитель приходивших, с пустыми руками не уходил... И если кто-нибудь оказывался в монастыре в зимнее время, когда морозы суровые стоят, какое бы время он ни оставался здесь из-за ненастья, все нужное в обители получал. Странники же и нищие, а из них особенно больные, многие дни жили в полном покое и пищу в изобилии получали по наказу святого старца».

Мимо обители шли теперь большие дороги на

Москву. И кто бы ни проходил и ни проезжал по ним — князья и бояре, воины и купцы, — все стремились заглянуть в Святотроицкую обитель к святому старцу — помолиться, получить благословение. И проезжающих кормили, поили и оделяли на дорогу всем необходимым. При этом, говорит летописец, монастырские кладовые не пустели, а запасы только приумножались. Права пословица: рука дающего да не оскудеет.

Время от времени Русь посещали великие бедствия — моры и глады, — которые уносили не меньше жизней, чем татарские нашествия. С 1348 по 1350 год прокатилась по городам и весям моровая язва, прозванная «черной смертью». В Киеве, Чернигове, Смоленске и Суздале уцелела только треть населения. А в Белозерске и Глухове не осталось ни одного человека. И в Москве в эти годы умирало по тридцать—сорок человек в день, не успевали хоронить покойников. В несколько дней мор унес митрополита Феогноста, князя Симеона Гордого и его детей.

В 1364 году снова чума посетила Русь. А незадолго перед этим Москва сгорела дотла. В 1368 году Московское княжество разорено было войсками литовского князя Ольгерда, в 1382-м новое нашествие совершил Тохтамыш...

Куда шли люди, потерявшие близких, дом, гонимые страхом смерти? Конечно, в монастыри, потому что там не так страшно было умереть от чумы, от голода или от злого татарина. Несчастные знали, что там их примут, накормят, утешат, а если смерть придет — отпоют и похоронят по-христиански.

Обитель Сергия, даже во времена своей бедности и недостатка, никогда не отказывалась принимать беженцев. В годы, когда свирепствовали чума или голод, обитель напоминала лазарет — столько лежало по кельям и на монастырском дворе больных и умирающих.

Позднее, когда у обители появились средства, были построены первая богадельня и братская больница. Часть иноков стали постоянно ухаживать за больными и стариками.

Выполняя завет святого старца, братия Святотроицкой обители и после его смерти гостеприимно встречали странников, помогали бедным, делились с нуждающимися всем, что имели.

Блаженны миротворцы

И в княжеских палатах, и в крестьянских избах жадно слушали рассказы о чудесах, творимых радонежским старцем: о том, как он воскрешает мертвых и исцеляет болящих, о том, как наказывает лихоимцев и защищает бедных сирот. Человеческое сердце всегда жаждет чуда, а в смутные, кровавые времена — особенно.

Быстро разносилась по всем русским землям молва о чудном старце и пророке, который в глуши Радонежских лесов молится о грехах мира, об избавлении от татарского зла и губительства, от глада и мора, от княжеских распрей. Само появление таких

подвижников и светочей внушало измученным людям надежду на лучшее.

Слава и нравственный авторитет Сергия были громадны. Ему едва исполнилось пятьдесят, а его уже величали «чудным старцем», «святым старцем». По своему возрасту троицкий игумен едва ли мог так именоваться. Но за тридцать лет тяжкого подвижнического труда преподобный достиг высочайшей степени духовного совершенства и приобрел огромную любовь и доверие братии и паствы, чего другие праведники достигали только на закате жизни.

При такой славе и авторитете преподобному не суждено было оставаться скромным игуменом Святотроицкой обители. Он неминуемо должен был выдвинуться на общественное поприще, послужить отечеству. Сначала митрополит Алексий, друг преподобного Сергия, потом подросший князь московский Дмитрий просили святого о помощи. И Сергий не уклонялся.

Еще в 1358 году при жизни великого князя московского Ивана Ивановича, когда Дмитрий был малолетним ребенком, Сергий ходил в свой родной город Ростов, чтобы уговорить князя ростовского Константина никогда не выступать против Москвы и не поддерживать ее врагов.

Летописи очень скупо и лаконично рассказывали о походах радонежского игумена, но, по-видимому, он был хорошо принят Константином. Как ни ненавидели удельные князья Москву, но святого старца почитали. В 1363 году Сергий снова ходил в Ростов, будто бы на богомолье к ростовским чудотворцам.

Но недаром о преподобном говорили, что он никогда не отходил от «своего места во иные пределы» без особой нужды. А нужда была: прошел слух, что Константин тайком ездил в орду добывать себе ярлык на безраздельное владычество в своей вотчине.

Сергию удалось уговорить князя не обострять отношений с Москвой. Вскоре Константин передал Ростов своему племяннику Андрею, который стал верным союзником Москвы, а сам удалился в Устюг.

Прошел год, и миротворец снова отправился в путь, в Нижний Новгород. По всей Руси свирепствовала чума, люди умирали целыми семьями. Болезнь никого не щадила — ни простой люд, ни князей, ни слуг Божиих. Поэтому братия удерживали любимого игумена от этого опасного похода. Но Сергий знал: если не решить дело миром, то московские воеводы двинут рать на Нижний Новгород. Он ведь не московскому князю служил, а евангельской заповеди — не убий!

Предыстория новой распри была такова. После смерти суздальского князя Константина его сыновья поссорились между собой из-за вотчины. Младший брат, Борис, силой захватил Нижний Новгород, который по закону должен был отойти к старшему, Дмитрию. Дмитрий пожаловался московскому князю и митрополиту Алексию. Но даже митрополит не смог заставить Бориса подчиниться. Тогда Алексий решил послать в Нижний Новгород Сергия и велел ему в случае, если князь станет упорствовать, затворить в городе все церкви и прекратить богослужения.

На этот раз даже увещевания знаменитого старца

не подействовали. Сергий пытался убедить князя следовать законам Божеским и человеческим — вернуть старшему брату принадлежавшую ему по праву вотчину. Но Борис отвечал, что ярлык на владение Нижним Новгородом он получил от самого хана, а хозяин сейчас на Руси хан, а не московский князь.

На другое утро все церкви в городе оказались затворенными, богослужений не было. Народ роптал. Но даже недовольство горожан не сломило безудержную гордыню князя.

С великой скорбью возвращался Сергий в обитель. Он печалился не из-за своей неудачи, а потому что пророческим взором ясно видел будущее несчастного князя Бориса и злосчастную долю его детей. Когда к городу подойдет московское войско, ему придется смирить гордыню и поклониться старшему брату. И окончит он свою жизнь в темнице, изгнанный московскими воеводами из родной вотчины. Такая же участь изгнанников ждала и его сыновей.

Другими злейшими врагами Москвы были рязанский князь Олег и тверской Михаил. Михаил, женатый на сестре Ольгерда Литовского, два раза приводил литовцев к стенам Москвы. Москвичи отсиживались за толстыми стенами кремля, но Ольгерд разорял и сжигал дотла московские окрестности.

А в 1372 году Михаил подошел к Торжку, откуда его незадолго до того изгнали жители, и потребовал признать его власть. Горожане ему ворота не открыли и приготовились обороняться. Но тверичи сумели поджечь Торжок и ворвались в него.

«Князь же Михайло, прииде ратью к городу к

Торжку и взял город и огнем пожже город весь, — сообщал летописец. — И бысть пагуба велика христианам, одни огнем погореша в дворе, а другии выбежаша в церковь Спаса и тут издыхошася, и огнем изгореша много множество, иные же бежаша от огня в реке истопаша... И кто, братие, о сем не плачется, како они горькую смерть подъяша, и святые церкви пожжены, и город весь пуст, еже ни от поганых не бывало таковаго зла Торжку».

Долгие годы воевала Москва с Тверью. И наконец, в 1375 году князь Дмитрий решил нанести сокрушающий удар, чтобы потом все силы бросить на татар. Летом он повел на Михаила большую рать, в которую входили и отряды ростовских, ярославских, суздальских, брянских князей. И конечно, новгородский князь, к владениям которого принадлежал Торжок, горел желанием отомстить за разгром своей вотчины.

Целый месяц это войско осаждало хорошо укрепленную Тверь и грабило окрестные города и веси. В конце концов Михаил вынужден был сдаться и подписать мирное соглашение с князем московским, потому что в городе начался голод и тверичи уже открыто озлобились на своего властолюбивого правителя.

Вот в такое жестокое время жил Сергий. Историк Николай Борисов задается вопросом, который невольно приходит на ум каждому, кто пытается постигнуть тайну личности Сергия: «Значит ли это, что труд радонежского игумена не принес плодов, что современники не испытали на себе возвышающего влияния его проповеди?» Ведь все миротворческие

усилия преподобного, казалось бы, тонули в потоках крови, жестокости, вероломства, предательства.

Великий старец своей святой жизнью и самоотверженностью во имя любви и единомыслия задавал высокий нравственный тон. Он тянул общество вверх, тогда как груз эгоизма увлекал его в пучину ненависти.

Обычно отвечая на вопрос: что могут сделать немногие светочи, праведники, подвижники в океане грешной, обыденной человеческой массы, — вспоминают евангельскую притчу и сравнивают этих людей с закваской или солью: без закваски не подойдет тесто и не испечется хлеб, без щепотки соли еда будет пресной.

«Всякое время оставляет после себя гораздо больше следов своих страданий, чем своего счастья. Бедствия — вот из чего творится история», — считает голландский историк Хейзинг. Можно с уверенностью сказать, что Сергию удалось предотвратить немалые бедствия и кровопролития.

Казалось бы, далеко в прошлом остались для обители все испытания — и бедность, и нехватки, и болезненная перестройка житейского уклада. И теперь под мудрым руководством прославленного игумена она должна процветать и крепнуть в мире и единомыслии.

Однако вскоре произошло в монастыре возмущение по вине Стефана, родного брата преподобного. Стефан вернулся в обитель из Москвы, потому что

стремился к более строгой монашеской жизни. А может быть, причина была в том, что его высокие покровители, бояре Вельяминовы, впали в немилость и Стефан лишился былых привилегий.

Сергий очень обрадовался возвращению брата. Кто бы мог подумать, что этот близкий ему человек станет причиной великой скорби и едва не лишит обитель ее игумена. Стефан, долго живя в городском монастыре, достиг очень высокого положения и привык властвовать над людьми. Наверное, ему было обидно, что в Святотроицкой обители для него не нашлось ни одной сколько-нибудь заметной и почетной должности. Он же, видимо, полагал, что имеет право претендовать на такую должность, ибо когда-то, как читатель помнит, вместе с Сергием стоял у истоков обители.

Как-то в субботу преподобный служил вечерню и находился в алтаре, а Стефан, большой любитель церковного пения, стоял на левом клиросе. Вдруг Сергий услышал громкий голос брата, который резко выговаривал за что-то канонарху:

— Кто дал тебе эту книгу?

— Игумен, — отвечал канонарх.

— Кто здесь игумен? — с раздражением спросил Стефан. — Не я ли первый основал эту обитель?

Сказаны были и другие немирные слова. Преподобный и виду не подал, что все слышал. Дослужив всенощную, он уже не вернулся к себе в келью, а тихо вышел из монастыря и глухой ночью лесными тропами направился в пу́стынь, чтобы начать все сначала.

Он понимал, что дело не только в честолюбии и властолюбии его старшего брата, но и в недовольстве некоторой части монахов новыми общежительными порядками, установившимися при Сергии.

Кстати, некоторые исследователи считают также, что уход преподобного был связан вовсе не с притязаниями Стефана. Старец просто воспользовался случаем, чтобы сложить с себя игуменские обязанности. Он очень тяготился и своей все возрастающей славой и ответственностью за монастырь и братию. Единственное, чего он желал всегда, — снова стать безвестным отшельником и в тишине и безмолвии трудиться на славу Божию.

Этот тихий уход Сергия — еще один яркий пример его великого смирения, кротости и самоотречения, нежелания быть причиной раздора и управлять теми, кто не хочет его управления.

На другой день преподобный уже стоял у ворот Махрищского монастыря, настоятелем которого был его друг Стефан. Когда-то Стефан пришел в эти места из Киево-Печерской лавры, спасаясь от преследования латинян, и в тридцати пяти верстах от Радонежской обители основал свою обитель тоже во имя Пресвятой Троицы.

Узнав о приходе столь дорого гостя, Стефан велел ударить в било и вышел встречать его со всей братией. Они поклонились друг другу до земли, прося благословения, и ни один не хотел первым подняться. Наконец, Сергию пришлось уступить: он встал и благословил Стефана.

Преподобный гостил в Махрищском монастыре

несколько дней, а потом попросил Стефана дать ему проводника, монаха, хорошо знающего здешние места, который помог бы ему выбрать место для новой обители. Стефан не только дал проводника, но и сам проводил друга за несколько верст от монастыря.

Несколько дней бродил Сергий с иноком Симоном по дебрям. И наконец, выбрал место «зело прекрасное» на реке Киржач, где и решил поселиться и срубил церковь по имя Благовещения. Но недолго пришлось преподобному «покой приимати от великого труда» и безмолвствовать.

Уход игумена вызвал настоящее смятение на Маковице. Кинулись искать его. Один из посланных пришел и в Махрищский монастырь. Когда братия узнали, что старец ушел в пу́стынь и строит новую обитель, многие ученики потянулись к нему — «иногда по два человека, иногда по три, а иногда и больше». Так вокруг церкви все больше появлялось новых келий, которые сам преподобный помогал братиям рубить. К святому старцу потянулись не только иноки, но и миряне — помогали строить монастырские службы. Бояре и купцы приносили деньги на строительство. Прошло малое время, всего три-четыре года, и на глухом, пустынном берегу реки Киржач вырос большой монастырь. Сергий и здесь ввел общежительный устав.

Между тем радонежский монастырь осиротел. Многие братия не могли оставить родную обитель, но и разлуку с любимым наставником тоже не в силах

были терпеть. Однажды собрались они и отправились депутацией к митрополиту Алексию.

— Владыко! — слезно молили они митрополита. — Без нашего духовного отца живет мы, как овцы без пастыря. Многие братия уже покинули обитель и ушли к нему на Киржач. Повели ему вернуться на место, на котором он так долго трудился, иначе вскоре запустеет наш монастырь.

Алексий был очень встревожен: не мог он допустить, чтобы захирела прославленная обитель, гордость Руси. Он отправил на Киржач двух архимандритов, Герасима и Павла.

— Отец твой Алексий-митрополит благословляет тебя! — приветствовали они Сергия. — И очень рад добрым вестям о твоей жизни в этой далекой пу́стыни. Но он повелел сказать тебе: довольно и того, что ты построил тут церковь и собрал братию. Избери теперь из своих учеников опытного в духовной жизни и оставь настоятелем новой обители, а сам возвратись поскорее в Святотроицкую обитель.

Митрополит очень просил своего друга исполнить его просьбу и обещал изгнать из его родной обители всех творящих ему досаду. Но в этом не было нужды. Голоса редких недоброжелателей давно потонули в большом хоре иноков, которые не желали слышать о другом игумене, кроме Сергия. Стефан, по-видимому, давно раскаялся в своей несдержанности. К тому времени его и не было в монастыре, он вернулся в Москву. Позднее Епифаний не раз упоминает о нем: братия снова служили вместе в Троицком храме, от былого недоразумения не осталось и следа.

Выслушав посланников, преподобный ответил со смирением:

— Так скажите господину моему митрополиту: «Все, что исходит из уст твоих, как и уст Христа, ни в чем не ослушаюсь тебя».

Трогательно описывает возвращение преподобного в родную обитель Епифаний, который в то время уже был иноком и, конечно, вместе с братиями вышел навстречу старцу. «И когда увидели они его, то показалось им, что второе солнце воссияло. Одни со слезами радости, другие со слезами раскаяния, ученики бросались к ногам святого: одни целовали его руки, другие к одеждам прикасались и целовали их, иные, как малые дети, забегали вперед, чтобы полюбоваться на своего желанного авву, и крестились от радости; со всех сторон слышны были возгласы: «Слава Тебе, Господи, что сподобил ты нас, осиротевших было, вновь увидеть нашего отца».

И преподобный тоже радовался всем сердцем, видя всех вместе детей своих, и целовал их, словно после долгой разлуки. Так счастливо завершилось это испытание в жизни Сергия. И принесло оно немалые плоды. В первую очередь появился новый большой монастырь на Киржаче. Сергий оставил в нем нового игумена — одного из своих учеников, Романа.

Вскоре после этого, в 1375 году, преподобный Сергий тяжело заболел и пролежал в своей келье со второй недели Великого поста до Семенова дня —

до 1 сентября. Летописец упомянул о болезни святого старца — случай беспримерный! Даже князья и именитые бояре не удостаивались такой чести, самое большее — летопись сохраняла дату их смерти. Разве это не доказательство того, как любим и почитаем был святой старец, какой яркой звездой сияло его имя в сонме праведников, пророков и святителей того времени.

По поводу болезни преподобного летописец позволил себе порассуждать, предупреждая недоумения маловерных: почему же Господь попускает скорби и болезни таким святым людям, как Сергий, ничем не согрешившим в своей безупречной жизни?

«Пусть не удивляются тому, что праведникам посылаются скорби и болезни; многими скорбьями подобает внити в царство Божие. А что грешные люди живут здравы и веселы и не терпят на сем свете никаких скорбей, за то им готовится вечное мучение в будущей жизни. А для страждущих праведников готовится Господом много венцов и неизреченная слава на небесах».

Устроитель монастырей

Святотроицкая обитель и монастырь на Киржаче были не единственными обителями, заложенными лично преподобным Сергием. Но еще больше новых монастырей основали его ученики и ученики учеников. Чудное пророческое видение, в котором Сергию было предсказано процветание Свя-

тотроицкой обители, можно истолковать и шире: удивительные птицы, вдруг слетевшиеся к келье, — это ученики преподобного, будущие пустынники, подвижники и строители новых монастырей.

Очень точный и лаконичный портрет русского монашества XIV столетия оставил историк Василий Ключевский. Он считал, что именно с Сергия начался замечательный перелом в жизни русских монастырей, оживилось стремление к иночеству. В первый бедственный век татарского ига — в 1240—1340-х годах возникло всего три десятка новых монастырей. А уже в следующее столетие — 1340—1440-х годах, когда Русь отдыхала от бедствий и приходила в себя, «из куликовского» поколения и его потомков вышли основатели около 150 новых монастырей.

Древнерусское монашество было точным показателем нравственного состояния общества: стремление покидать мир усиливалось не оттого, что в нем скапливались бедствия, а по мере того, как в миру росли нравственные силы.

Раньше обители возникали рядом с городами или в самих городах. Со времен Сергия монахи предпочитали селиться в лесной глуши, в пу́стыни и с топором и сохой начинали освоение новых земель. Проходило время, и возле новой обители селились беженцы и переселенцы, валили лес, распахивали пашни. Лесные монастыри становились опорными пунктами «крестьянской колонизации».

Русский монах бежал из мира в лес, а крестьянин,

по выражению Василия Ключевского, «цеплялся» за него и с его помощью привносил в необитаемую глушь русский мир. Так и шли рука об руку монах и хлебопашец. Монастырь служил для поселян и хозяйственным руководителем, и ссудной кассой, и приходской церковью, и, наконец, приютом под старость.

Вот почему монастыри сыграли такую великую роль в становлении русской государственности. А Сергий был государственником, несмотря на свое отшельничество, никогда не упускал возможности заложить новую пустынь и всячески поощрял к тому своих учеников.

В 1365 году старец ходил с миротворческой миссией в Нижний Новгород вразумить ссорившихся князей Константиновичей, а на обратном пути устроил пустынь на реке Клязьме. Летописец поведал о том, как, выбрав место, Сергий поселил «старцев пустынных отшельников», а «питались они лыками и сено по болотам косили». Так было положено основание Георгиевской пустыни на Клязьме.

Двумя годами раньше, в 1363 году, когда преподобный ходил на свою родину, также для примирения ростовских князей с великим князем, два пустынножителя, Федор и Павел, попросили у святого старца благословения на устройство обители. Сергий не только с радостью благословил подвижников, но и сам выбрал для их пустыньки прекрасное место на берегу реки Устье в пятнадцати верстах от города. Впоследствии там вырос Борисоглебский монастырь. Игумен Феодор, недолго пробыв его настоятелем,

поручил обитель Павлу, а сам основал новый монастырь в устье реки Ковжи.

Преподобный очень любил выбирать места для будущих пýстыней. По какому-то наитию свыше он отыскивал самые прекрасные, сухие и удобные возвышенности. Один из учеников Сергия, Мефодий, несколько лет пробыл в Святотроицкой обители, а потом по благословению старца удалился искать безмолвия. За рекой Яхромой, в дубовой роще, окруженной болотами, он поставил себе келью и жил в уединении.

Как-то Сергий навестил своего ученика и посоветовал ему построить церковь и обитель на другом, более сухом месте. И сам нашел и благословил это место, где вскоре вырос Пешношский монастырь. Он получил такое название потому, что Мефодий, усердно трудясь на строительстве, «пеш» носил бревна через реку. Позднее и речку прозвали Пешноше по монастырю.

Со временем стали приходить к Мефодию иноки, пустынька его разрослась. И он, чтобы побыть в безмолвии, стал уходить за две версты в тихое место. И здесь навещал его учитель для духовной беседы. На этом месте позднее поставили часовенку и назвали Беседою. А самого Мефодия величали «собеседником и спостником великого Сергия».

Примерно в одно время с Пешношским был основан один из старейших и красивейших монастырей в Москве — Андроников, что стоит на высоком берегу реки Яузы.

История его создания такова. Среди учеников

преподобного был один по имени Андроник. Как и сам Сергий, он был родом из Ростова, еще в молодые годы стал иноком Святотроицкой обители.

Однажды, вернувшись из Царьграда, митрополит Алексий приехал к преподобному и в беседе упомянул:

— Хочу просить у тебя одного благодеяния и думаю, что ты по любви ко мне не откажешь.

— Владыко святый, мы все в твоей власти, и ни в чем нет отказа тебе в этой обители, — ответил Сергий.

Митрополит рассказал ему историю о том, как на обратном пути из Константинополя поднялась сильная буря на море и их корабль едва не потонул. Все плывшие на корабле молились об избавлении, а митрополит дал обет — построить храм, если доведется им благополучно пристать к берегу. И тотчас буря утихла и сделалась тишина на море. 16 августа, в праздник Нерукотворного образа Господня, путешественники ступили на землю.

Митрополит Алексий решил устроить не только храм во имя Спаса, но и общежительный монастырь при нем и просил, чтобы Сергий сделал его игуменом своего ученика Андроника — тихого, кроткого, смиренного, всеми любимого за добрый нрав. Вскоре после этого преподобный благословил выбранное им место для монастыря на реке Яуза.

Впоследствии эта обитель прославилась тем, что из ее стен вышли знаменитые иконописцы Андрей Рублев и Даниил Черный, которые расписывали Благовещенский собор в Московском Кремле, храмы

во Владимире, Троице-Сергиевой лавре и в самом Андрониковом монастыре.

Ранее упоминался племянник преподобного Иван, которого он постриг в иноки под именем Федора. Федор прожил в Святотроицкой обители более двадцати лет и стал хорошим иконописцем. В житии его говорится, что он часто молился по ночам, и однажды услышал голос:

— Федор, иди в пу́стынь, ты устроишь обитель, соберешь в ней многих подвижников и получишь великую награду на небесах.

Он никому не сказал об этом пророчестве, но с тех пор затаил в своем сердце желание основать новую пустынь. Спустя какое-то время прозорливец Сергий сам обратился к племяннику:

— Я, чадо, надеялся, что ты предашь кости мои гробу и сам станешь игуменом на этом месте, но если ты хочешь начать задуманное тобою дело, то да поможет тебе Бог!

Федор нашел место на берегу Москвы-реки близ села Симонова, и построил там церковь во имя Рождества Богородицы, и возле церкви устроил монастырь, известный как старый Симонов. Сам преподобный ходил смотреть это место, нашел его удобным для обители и благословил Федора.

Наверное, Сергий желал для Федора той же жизни, что и для себя, и даже большего уединения, но племянник должен был уступить настояниям великого князя Дмитрия Ивановича (впоследствии Донского) и митрополита Алексия. Впоследствии Федор стал духовным отцом великого князя, архи-

епископом Ростовским и несколько раз путешествовал в Царьград.

Эти два пути, по которым прошли дети ростовских бояр Кирилла и Марии — путь сергиевский и путь стефановский, — отчетливо просматриваются в биографиях выдающихся церковных деятелей и всех учеников преподобного.

Кроме Андроникова еще несколько монастырей были устроены старцем по просьбе митрополита Алексия, князя Дмитрия Ивановича и князя серпуховского Владимира Андреевича. Два дубенских монастыря связаны с памятью о знаменитой Куликовской битве, решившей судьбу Руси. Предчувствуя, что новое нашествие хана неминуемо, Дмитрий примерно за год до битвы попросил старца основать новую обитель и собрать в нее усерднейших молитвенников о победе над врагом.

В скором времени в пятидесяти верстах от Москвы, на речке Дубенке, впадающей в реку Шерну, приток Клязьмы, появилась новая пустынь, а в ней монахи, молитвенники и труженики. Но этого Дмитрию Ивановичу показалось мало. Когда он приезжал в Святотроицкую обитель испросить у святого старца благословение и доброе предсказание о скором сражении, он обещал: если останется жив, построит руками радонежского игумена еще один монастырь.

Вскоре после битвы, в благодарность за дарованную победу обещанный монастырь был заложен в сорока верстах от Святотроицкой обители на реке Дубенке, что впадает в Дубну. И эта обитель была

посвящена Успению Богородицы и называлась Стромынско-Успенской.

Пожалуй, ни в одном русском княжестве не строилось в то время так много монастырей, как в Московском. Это были не только городские киновии с общежительным уставом в самой Москве и ближайших пригородах, но и крупные обители в других центрах княжества и большие монашеские общины в глухих, необжитых местах. Это Богоявленский Голутвин монастырь под Коломной, и Рождественский Сторожевский в Звенигороде, и Высоцкий под Серпуховом — всех монастырей, основанных Сергием и его учениками, и не перечислишь.

Сергий любящим и провидческим взором глубоко постигал души, помыслы и возможности своих учеников. Одни из них — рядовые иноки — могли быть усердными и трудолюбивыми работниками в родной обители. Другие способны были нести на своих плечах сложное монастырское хозяйство и отвечать за души десятков и сотен братиев. Это — игумены и устроители пу́стыней.

И лишь немногие из учеников великого старца предназначены были по своему духовному складу стать подвижниками, пу́стынножителями, великими постниками и молчальниками. А часто и миссионерами в самых отдаленных, труднодоступных местах, куда нога русского человека и не ступала.

Таким миссионером был друг и собеседник Сергия Стефан Пермский. Пройдя в ростовском монас-

тыре долгий путь монашеского послушания, он в 1370-е годы отправился проповедовать христианство языческому народу — зырянам. Неимоверные трудности и лишения Стефан претерпел с твердостью, не убоялся смерти, когда шаманы решили убить пришельца. Но свою миссию он исполнил: большинство зырян приняли православие. В конце восьмидесятых годов XIV века была образована Пермская епархия, а Стефан поставлен в епископы Пермские. В своей епархии преподобный Стефан основал четыре монастыря и учредил училище для приготовления священников из зырян.

Среди учеников Сергия тоже были такие выдающиеся подвижники, как Стефан Пермский. Часто их несгибаемая воля и выносливость отражались в прозвищах. Недаром Афанасия, инока Святотроицкой обители, прозвали Железный Посох. Сколько сотен или тысяч верст исходил отшельник Афанасий в поисках своего заветного места. И только через несколько лет в Новгородском крае на реке Шексне он заложил Воскресенский монастырь и поставил церковь в честь Святой Троицы.

«Чувство нравственной бодрости, духовной крепости, которое преподобный Сергий вдохнул в русское общество, еще живее и полнее воспринималось русским монашеством», — писал историк Василий Ключевский. Летописи и другие свидетельства оставили немало рассказов о силе духа и самоотверженности русских монахов, об их поразительных судьбах и подвигах.

Павел Обнорский, или Комельский, был одним

из первых учеников Сергия. Долгие годы он проходил послушание в Святотроицкой обители, работал на кухне и в трапезной, был келейником игумена. Потом попросил у старца благословения на уединенное житье в окрестных лесах. Пятнадцать лет прожил пустынник в маленькой келье, один, в безлюдном месте.

Но его все чаще стали навещать братия, да и окрестные жители порой набредали на его избушку. Тогда он удалился в пустынь, по тем временам совсем недосягаемую. Долго бродил Павел по безлюдным местам, наконец остановился в Комельском лесу на реке Грязовице в вологодских краях. Здесь он прожил в дупле старой липы три года, никому не ведомый.

Потом он отыскал другое место на реке Нурме и поставил там крохотную келью, ненамного просторнее дупла липы. Сергий Нуромский, тоже ученик преподобного Сергия Радонежского, однажды пришел навестить друга и был поражен увиденным. Множество лесных птах без боязни вились над головой Павла, сидели на его плечах и ладонях, склевывая зерна. Рядом терпеливо ждал подачки медведь. Возле кельи отшельника бегали лисицы и зайцы. Это походило на жизнь первого невинного человека до грехопадения.

Но вскоре, прослышав о беспримерном подвижническом житии Павла, стали приходить к нему иноки и просили позволить поселиться рядом. Отшельник сначала не соглашался, считая, что он недостоин быть наставником. Но братия напомнили ему

4 Зак. 1722

о заветах учителя, великого старца, который никогда не отказывал нуждающимся в духовном руководстве. Так появилась в этом диком краю пустынь, а позднее и монастырь во имя Святой Троицы. Прожил преподобный Павел сто двенадцать лет и к концу жизни достиг такого высокого духовного совершенства, что удостоился дара пророчества и провидения.

6 января 1429 года после литургии братия заметили, что их любимый старец чем-то опечален. Они приступили к нему с вопросами, и Павел рассказал им, что татары только что напали на Кострому, разорили и сожгли город, а жителей увели в плен или побили. Братия были поражены словами прозорливца. Вскоре сказанное подтвердилось: в монастырь пришла весть, что именно в этот день татары опустошили Кострому.

Эти суровые, но прекрасные северные земли чем-то привлекали учеников Сергия и других подвижников, искавших уединения. Всего в двадцати верстах от Обнорского монастыря преподобного Павла еще раньше выросла обитель в честь Воскресения Христова, основанная отшельником Сильвестром, пришедшим сюда из Радонежа. Уже упомянутый Сергий Нуромский, по происхождению грек, пришел к Сергию Радонежскому с Афона. После долгого послушания в Святотроицкой обители получил у преподобного благословение на пустынное житие и основал свой монастырь во имя всемилостивого Спаса в том же Комельском лесу, в трех-четырех верстах от обители своего духовного друга, Павла Обнорского.

Позднее историки назовут этот бурный рост мо-

настырей в глухих северных дебрях «монастырской колонизацией». Вслед за монахами в Заволжье и Белозерский край тянулись и крестьяне. Но думали ли скромные радонежские иноки, Павел, Сергий, Сильвестр, и другие отшельники о себе как о первопроходцах, покорителях и тем более колонизаторах? Конечно нет. Они всего лишь искали безлюдные места, где могли вдали от мирской суеты служить Богу и спасать свои души.

Эти подвижники-монахи пошли сергиевским путем. Павел Обнорский по смирению даже отказался от священнического сана, поставил игуменом основанной им обители ученика, а сам жил в стороне, приходя к братиям только на церковные службы.

Иногда монахов, склонных к пустынножительству, вынуждали вступить и на стефановский путь. И они подчинялись и покорно несли свой крест, пока хватало сил. Так было с основателями самых знаменитых и величественных северных монастырей — Кирилло-Белозерского и Ферапонтова.

Однажды в монастырь к Федору был приведен юноша благородного происхождения по имени Косма, который воспитывался в Москве в доме боярина Вельяминова. Он был пострижен в Симоновом монастыре под именем Кирилла и уже первыми подвигами монашеского послушания обратил на себя общее внимание. Его выделил среди многих монахов преподобный Сергий. Братия удивлялись, почему святой старец, навещая их обитель и племянника, всегда заходил на пекарню к Кириллу и подолгу беседовал с ним.

Когда Федор был возведен в сан архиепископа Ростовского, братия Симонова монастыря избрала Кирилла настоятелем. Он очень тяготился этим положением и непрестанно молился Богородице, прося ее указать его истинное предназначение и его собственную дорогу. И вот однажды ночью, читая акафист, он вдруг услышал голос:

— Иди на Белое озеро, там тебе место!

И тут же предстало перед Кириллом видение — дикий, суровый, но прекрасный край, озаренный светом, с бескрайними лесами и лугами, полноводными реками. С тех пор видение запало в его душу, но все же покинуть московскую обитель он решился не сразу.

В числе иноков Симонова монастыря был Ферапонт. Он родился в Волоке Ламском в боярской семье и еще в молодости тайно ушел из родительского дома и постригся в монахи. Ферапонт был дружен с Кириллом и по его просьбе отправился разведать далекие края. После долгих странствий он вернулся завороженный красотой Севера. На другой год Кирилл и Ферапонт вместе ушли в малолюдную и глухую белозерскую сторону. Там с горы Мауры на берегу Сиверского озера Кирилл воочию увидел место, когда-то пригрезившееся ему. Он поставил деревянный крест и выкопал землянку. Так было положено начало Кирилло-Белозерскому монастырю.

Через некоторое время пустынники разделились — Ферапонт ушел еще дальше и между двумя озерами Пашским и Бородавским основал храм Рождества Богородицы, а вместе с ним и монастырь,

впоследствии прославившийся фресками Дионисия, который примерно сто лет спустя вместе с сыновьями расписывал тамошний храм.

Так Кирилл вернулся со стефановского пути на сергиевский, к которому была предрасположена его душа. Ферапонту меньше повезло. В 1408 году можайский и белозерский князь Андрей вызвал Ферапонта к себе и умолил принять на себя устройство новой обители под Можайском. Ферапонт с печалью повиновался, увидев в желании князя Божию волю. Высокое положение, близость к князю были для отшельника не честью, а тяжелым крестом, который он нес с терпением и кротостью.

«Монастырская колонизация» продолжалась вплоть до XVI века. С востока она ограничивалась реками Костромой и Вычегдой, с запада — Шексной и Белым озером. В XIV веке из Сергиевой обители вышли тринадцать пустынных монастырей-колоний и два — в XV веке.

В отличие от самих отшельников, митрополит Алексий и преподобный Сергий понимали великое значение новых пустынь и обителей. Митрополит поощрял рождение новых монастырей и помогал материально, святой старец вдохновлял и благословлял учеников на непомерный труд. Алексий больше своим светлым умом постигал, что строят они тот хребет российской государственности, который в скором будущем скрепит огромную русскую землю. А Сергий-прозорливец видел в монастырях центры духовного сопротивления орде и возрождения Руси.

«От юности я не был златоносцем»

В 1354 году Алексий стал митрополитом Киевским и всея Руси и более двух десятилетий верой и правдой служил Церкви и отечеству. А когда почувствовал, что силы его слабеют, то заранее стал подумывать о достойном преемнике. И мысли митрополита все чаще обращались к Святотроицкой обители и ее славному игумену. И князь Дмитрий Иванович соглашался, что лучшего пастыря не найти. Но как уговорить святого старца?

Митрополит Алексий вызвал радонежского игумена к себе в Москву. Тот послушно явился, как всегда, пешком, не подозревая, какое испытание его ждет. Митрополит принял его как самого дорогого гостя. Встречались они не так часто. Им, двум единомышленникам, было о чем поговорить. Среди беседы Алексий вдруг достал из ларца золотой с драгоценными камнями архиерейский крест и подал его гостю. Сергия очень смутил богатый подарок.

— Прости меня, владыко, от юности я не был златоносцем, а в старости тем более хочу в нищете жить.

— Знаю, возлюбленный, что ты так жил, — отвечал Алексий, бросив взгляд на его ветхую, в заплатах, рясу. — Но теперь будь послушным: прими это с моим благословением.

С этими словами он возложил на Сергия золотой крест. Но это было только начало. Теперь митрополиту предстояло сообщить гостю о своих планах.

— Знаешь ли, зачем я тебя призвал?

— Как я могу, владыко, это знать? — отвечал Сергий.

Митрополит Алексий начал издалека. Напомнил, как двадцать два года назад сам Бог возложил на его плечи русскую митрополию. И он нес эту тяжкую ношу со смирением и трудился, не жалея сил.

— Теперь же вижу, что конец мой близок, и хочу еще при жизни найти достойного человека, который мог бы после меня пасти стадо Христово. Но во всех сомневаюсь и, кроме тебя, никого не нахожу, — признался Алексий. — Знаю хорошо, что все — от великого князя до духовенства и последнего человека — тебя любят и тебя станут просить на митрополичий престол. Итак, прими сейчас сан епископа, а после моей смерти заменишь меня.

Преподобный Сергий был глубоко опечален и смущен этой речью. Снова суета наступала на него.

— Прости меня, владыко, — отвечал он. — Ты хочешь наложить на меня бремя свыше моих сил. Я — грешный и самый последний из людей. Как же я посмею принять столь высокий сан?

Но Алексий не отступился сразу. Долго еще он уговаривал своего друга смириться, приводил многочисленные примеры из житий святых и вспоминал Священное Писание. Но все было напрасно. На этот раз всегда мягкий и уступчивый Сергий проявил необыкновенную твердость. И, поклонившись митрополиту, сказал:

— Владыко, если не хочешь изгнать меня, нищего, от твоей святыни, то не говори мне больше об этом и другим не позволяй досаждать мне такими

речами. Поверь, ты не найдешь во мне того, чего желаешь.

Видя такую непреклонность, Алексий убоялся, как бы радонежский пустынник снова не ушел в еще более отдаленные места и они бы не лишились такого светильника. Он тут же переменил разговор, утешил Сергия добрыми словами. И проводил в его тихую обитель.

Так Сергий решительно отказался от церковной карьеры. Но он никогда не отказывался, насколько позволял монашеский сан, служить Церкви и государству: по просьбе великого князя и митрополита был миротворцем, устроителем монастырей, мудрым советчиком. Как ни хотелось радонежскому пустыннику оставаться скромным игуменом Святотроицкой обители, в покое его не оставляли. Он был в гуще событий своего бурного и сложного времени.

Отказываясь от должности епископа и митрополита, Сергий проявил прозорливость. Внутренний голос, к которому он всегда прислушивался, говорил ему, что он не предназначен для этой роли и принесет гораздо больше пользы отечеству в родной обители на Маковце, делая свое дело.

Все это, наверное, понимал и митрополит Алексий. Но он жил сегодняшним днем. Ему хотелось спокойно умереть, оставив преемника. Алексий не сгущал красок, говоря другу, что ни к одному кандидату на архиерейский престол не питает полного доверия. А кандидатов было несколько...

За два года до этого по просьбе литовских князей патриарх Филофей поставил митрополитом Запад-

ных Церквей своего доверенного человека — Киприана. Он должен был управлять православными епархиями Литвы и Польши, а после смерти Алексия стать митрополитом Всея Руси.

Это очень не понравилось князю Дмитрию Ивановичу и самому Алексию. Киприан был болгарин по происхождению, долго жил на Афоне и совсем не знал особенностей русской жизни. Великому князю нужен был митрополит свой, московский. И такой кандидат тоже появился.

Простой коломенский священник Михаил, прозванный почему-то Митяем, очень понравился великому князю за ум, начитанность, веселый и легкий нрав. Всего за несколько лет он сделал стремительную карьеру, взлетел на самые высоты церковной власти, блеснул и столь же внезапно для всех канул в небытие.

Энергия, честолюбие, умение нравиться, речистость — все эти качества помогли ему выдвинуться. Да и внешностью природа наградила его под стать — внушительным ростом, громким голосом, рыжей шевелюрой и бородой. Князь Дмитрий не только привез его из Коломны, но и сделал своим духовником и отдал под его начало всю канцелярию. Митяй гордо носил у пояса княжескую печать и именовался главным печатником.

Митрополит и все высшее духовенство недолюбливали выскочку, но не хотели из-за такой малости ссориться с князем. Из-за Митяя нарушались строгие церковные традиции: сначала его быстро постригли в монахи, из бельца сделали чернецом. Потом

Алексий поставил его архимандритом придворного Спасского монастыря. Никто уже не сомневался, что князь хочет сделать своего любимца сначала епископом, а после кончины Алексия — и митрополитом.

Вот почему Алексий так настойчиво уговаривал своего друга уступить. В долгой беседе, наверное, затрагивалась и эта деликатная тема — кто станет архипастырем Всея Руси? Алексия тревожило, что Митяй совсем не тот человек, который должен в смутное время занять митрополичий престол. Не было у него ни авторитета, ни навыков в этом деле. Но Сергий в таких случаях полагал, что все в руках Божиих и на все Его воля.

Сразу же после смерти митрополита Алексия вспыхнула борьба за митрополию, продолжавшаяся десять лет. Это была печальная страница в истории Церкви.

Князь Дмитрий лишился своего главного советника, в котором так нуждался. Все чаще теперь он обращался за помощью к радонежскому игумену. Снова просил его стать преемником Алексия. Преподобный отказался, но напомнил князю о Киприане как о законном митрополите. Но князь и слышать не хотел о чужаке.

Тогда Сергий указал ему на суздальского епископа Дионисия, тоже достойного кандидата. Но князь Дмитрий выбрал Митяя. И тот, видя поддержку князя, вел себя дерзко и нагло: не дожидаясь посвящения в сан митрополита, облачился в мантию и

белый клобук, вселился в опустевшие покои Алексия, а тех, кто его не признавал, грозился проучить.

Соперники искали расположения и покровительства радонежского игумена, зная, что одно его слово может стать решающим. Киприан не раз писал Сергию, соблазняя его идеей объединения, создания единой общерусской митрополии.

Дионисий жаловался старцу на Митяя: дескать, этот коломенский поп не только митрополитом, но и архимандритом быть не имеет права. Действительно, Митяй не отвечал ни одному требованию, предъявляемому к этому сану: он был в прошлом женат, только недавно постригся в монахи и не имел большого опыта иноческой жизни.

Но Сергий хранил молчание. Все эти искательства казались ему мирской суетой, а не борьбой правды со злом. И все-таки соперники сумели втянуть старца в свою распрю.

Дионисий задумал ехать в Царьград к патриарху, чтобы обличить перед ним Митяя и добиться митрополии для себя. Князь Дмитрий, чтобы этому помешать, велел взять суздальского епископа под стражу и держать до тех пор, пока Митяй не съездит к патриарху и не получит благословение.

Это было явное беззаконие: даже князь не мог посягать на духовное лицо такого ранга. Преподобный Сергий немедленно вмешался, просил Дмитрия Ивановича отпустить Дионисия. Тем более что и сам епископ отчаянно взывал к старцу из темницы, умоляя заступиться.

Князь потребовал обещания, что епископ не по-

едет в Царьград и не станет домогаться митрополичьей кафедры и вредить Митяю. Дионисий обещал. А преподобный Сергий по простосердечию своему поручился за него.

Оказавшись на свободе, Дионисий поехал к себе в Суздаль и оттуда вдруг быстро «побежал Волгою» в орду, из орды — до Азова, откуда поплыл морем в Царьград. Епископ не только нарушил клятву, но и предал своего заступника Сергия. Наверное, сам Дионисий оправдывался тем, что действовал ради благой цели — помешать негодному Митяю стать российским архипастырем. Сколько мудрых наставлений о том, что зло не побеждается злом, оставили отцы церкви, однако епископ почему-то не вспомнил о них в те дни. Забыл он и о том, что путь в ад вымощен благими намерениями.

Князь Дмитрий негодовал только на Дионисия, а вот подозрительный Митяй полагал, что радонежский старец состоял в заговоре с коварным суздальским епископом. Он уже считал себя митрополитом, потому что сам великий князь объявил его таковым. Осталось только съездить в Царьград и получить благословение патриарха.

Раздражительный и гневливый Митяй затаил злобу на радонежского игумена и даже похвалялся:

— Вот вернусь из Царьграда и разорю Сергиев монастырь до основания.

Испуганные иноки передали эти слова преподобному, но он только вздохнул и сказал тихо:

— Митяй побежден своей гордыней, он грозится

нашей обители, но сам никогда не получит делаемого и даже не увидит Царьграда.

Некоторые из братиев слышали эти слова и были поражены. Вскоре они убедились, что пророчество преподобного, как всегда, сбылось.

Митяй с большой свитой и богатыми подарками отправился в Константинополь к патриарху для посвящения в сан митрополита. Вначале путешествие его было успешным: даже Мамай не задержал его в орде и отпустил с миром. Митяй благополучно сел на корабль и отплыл в Царьград. И вот, когда цель была так близка, он вдруг был поражен тяжелой болезнью и через несколько часов скончался. На горизонте уже замаячили очертания Царьграда, но гордый честолюбец их не увидел. Ходили темные слухи, что его просто задушили соперники.

А летописец решил составить потомкам красивую легенду о том, как исполнилось пророчество Сергия. Будто бы корабль, на котором плыл Митяй, вдруг встал на одном месте без всякой причины, в то время как другие суда шли мимо в ту и другую сторону. Несмотря на попутный ветер и все усилия команды, корабль словно удерживала невидимая сила. И только когда Митяй умер, был свезен на особом судне в Галату и там похоронен, корабль тут же сдвинулся и поплыл дальше.

В тот раз Дионисию не удалось получить сан митрополита. Его опередил другой искатель престола — архимандрит Пимен, один из спутников Митяя. Московская депутация решила, что негоже им возвращаться домой без митрополита, раз уж они про-

делали такой долгий путь и очутились в Царьграде. В то время греки, не скрываясь, продавали и покупали митрополии в патриарших канцеляриях. И Пимен за деньги купил высочайший духовный сан.

Но князь Дмитрий Иванович, узнав об этом, даже не впустил Пимена в Москву. Он приказал схватить нового митрополита еще на пути и отправил его в ссылку. А Федору Симоновскому велел ехать в Киев и звать другого митрополита — Киприана...

Но Дионисию Суздальскому все-таки удалось недолго побыть архипастырем Всея Руси. Через несколько лет князь Дмитрий решил ему отдать престол. Дионисий съездил в Царьград, получил благословение патриарха и возвращался в Москву законным митрополитом. Но по неосторожности заехал в Киев. И киевский князь, покровительствовавший Киприану, велел его заточить в темницу, где Дионисий вскоре умер. Или был убит.

После этого в митрополитах побывал опальный Пимен, а после смерти князя — снова Киприан. Суета сует. А в это время в дремучих Радонежских лесах, в тихой Святотроицкой обители игумен с братией занимались своим делом — молились за мир, принимали паломников с их бедами и нуждами, трудились на монастырском огороде.

Пророк

Пришла пора обнажить меч

Почти полтора столетия томилась Русь под татарским игом. Но вот пришло время, когда владычество орды начало слабеть, а русские земли потихоньку собирались в единый кулак и крепли.

В орде разгорелась междуусобица. Соперники жестоко убивали друг друга. За десять лет сменилось пятнадцать ханов. В это же время с превеликими трудностями Москва становилась центром русских земель, покоряя и усмиряя удельных князей.

Орда с беспокойством наблюдала за возвышением Москвы. Если Калита покорным вассалом гнул спину перед ханами и их женами, то внук его, великий князь московский Дмитрий Иванович, становился все более самостоятельным и дерзким. Вот почему Золотая Орда решила отдать ярлык на велико-

княжеский престол злейшему врагу Москвы Михаилу Тверскому.

Но Дмитрий в то время был настолько силен, что не признал этого ярлыка. Его союзники стали князья нижегородские, суздальские, ростовские, смоленские, ярославские. Летописец так об этом говорит: «Всех князей русских стал приводить под свою волю, а которые не повиновались его воле, на тех начал посягать».

В 1375 году Дмитрий Московский посягнул на Михаила, чувствуя за спиной поддержку почти всей Руси. Двинул свою рать, осадил Тверь и вынудил Михаила отказаться от всех притязаний и подписать мир. Этим он дал понять орде, что не очень-то с ней считается.

Ханом тогда был Мамай. Он не мог простить московскому князю неповиновения. В 1377 году он послал карательные отряды на нижегородские земли. Татарский царевич Арапша разбил суздальско-нижегородское войско на реке Пьяне. Это была месть князьям за то, что стали союзниками Дмитрия.

А через год Мамай отправил новую рать под предводительством мурзы Бегича уже против самого московского князя. Дмитрий выступил им навстречу, обошел татар, а потом стремительно ударил им в тыл. 11 августа на реке Воже он нанес сокрушительное поражение ордынцам. Это была первая большая победа, которая заставила забыть позор поражения на Пьяне и сильно подняла дух народа.

Но все понимали, что эта победа может стать предвестницей большой войны. Чванливый и жесто-

кий Мамай никогда не простит московскому князю такого унижения. Так и случилось. Мамай пришел в ярость, узнав, что татары, как зайцы, бежали с поля боя, побросав свои кибитки, лошадей и все награбленное имущество. Он поклялся, что на этот раз сотрет Русь с лица земли вместе с ее городами, весями и церквами.

Но Мамай не сразу двинулся на непокорных. Он сговорился с литовским князем Ягайло и рязанским князем Олегом, нанял несколько отрядов генуэзцев и хивинцев. Весной 1380 года князь Дмитрий получил известие, что Мамай уже раскинул лагерь в Воронеже.

Дмитрий давно понял, что его отец и дед хитрой дипломатией и данями спасали русские земли от набегов поганых, но ему пришла пора обнажить меч. И все же его одолевали тяжелые сомнения. Время выдалось не совсем благоприятное, еще бы выгадать год-другой, собрать побольше рать.

Олег Рязанский, предавший московского князя, вел себя коварно и лицемерно. Притворялся другом Дмитрия, прислал гонца оповестить его о том, что татары надвигаются на Москву. Прибыли и гонцы от самого Мамая и потребовали увеличить дань.

И снова Дмитрий колебался. У Мамая огромное войско. Сумеет ли он собрать под свои знамена всех сторонников за столь короткий срок? В тот же день он отправил гонцов, или, как тогда их называли, борзоходов, с грамотами к князьям-союзникам, призывая их быстрее подтягиваться к Москве со своими ратями. Послал он и к Мамаю послов с толмачами и

данью, но гораздо меньшей той, что требовал от него хан.

Вскоре вернулись гонцы, очень невеселые. Мамай встретил их неласково и объявил, что никаких уступок делать не будет. И уже двинул войско на Москву.

Вот и пробил для Дмитрия решительный час. Все пути назад были отрезаны. А время выдалось самое неблагоприятное. Митрополит Алексий, главный советник и вдохновитель князя московского, умер. В Церкви царила смута и борьба между претендентами на митрополичий престол.

Так как времени у князя оставалось мало, он в тот же день 18 августа вместе с братом Владимиром Серпуховским и другими князьями спешно выехал в лавру к преподобному Сергию, чтобы получить у него совет и благословение. К святому старцу князь относился с таким безграничным доверием и любовью, что принял бы от него любое наставление и даже приказ. К тому же преподобный обладал пророческим даром, и Дмитрий втайне надеялся на доброе предсказание.

Прибыли они в обитель утром. Преподобный просил их прослушать святую литургию, потому что был воскресный день. После торжественного и сурового молебна игумен пригласил князей в трапезную вкусить хлеба вместе с ним и иноками. Дмитрий сперва отказывался. Даже в монастырь прибыли к нему гонцы с вестями о быстром продвижении Мамая. Он просил преподобного отпустить их. Но Сергий его заверил:

— Это твое промедление двойным для тебя поспешанием обернется.

И добавил следующие пророческие слова:

— Ибо не сейчас еще, господин мой, смертный венец носить тебе, но через несколько лет, а для многих других теперь уже венцы плетутся.

Во время трапезы Дмитрий рассказал святому старцу о своих бедах и сомнениях. А сомневался он, достаточно ли сильно его войско против Мамаевых полчищ? Преподобный всегда был против пролития крови и советовал избежать войны любыми средствами:

— Тебе, господине княже, следует заботиться и крепко стоять за своих подданных, и душу свою за них положить, и кровь свою пролить по образу самого Христа. Но прежде, господине, пойди к татарам с правдою и покорностью, как следует по твоему положению покоряться ордынскому царю. И Писание учит нас, что, если такие враги хотят от нас чести и славы — дадим им; если хотят злата и серебра — дадим и это; но за имя Христово, за веру православную подобает душу положить и кровь пролить.

И ты, господине, отдай им и честь, и злато, и серебро, и Бог не попустит им одолеть нас. Он вознесет тебя, видя твое смирение, и низложит их непреклонную гордыню.

Дмитрий с грустью отвечал, что он сделал все возможное, чтобы предотвратить страшную сечу — и послов с поклоном посылал, и дань отдал, но Мамай еще больше возносится, и ярится, и ведет свою рать на Москву.

— Если так, то его ожидает гибель, а тебя великий княже, помощь, милость и слава от Господа! — сказал преподобный.

Князь опустился перед ним на колени. Сергий благословил его и напутствовал:

— Иди против безбожных без всякого страха. Господь будет тебе помощник и заступник.

А потом наклонился и тихо сказал одному князю:

— Победиши враги твоя.

Дмитрий был так потрясен и взволнован этими добрыми предсказаниями, что, по свидетельству летописца, прослезился. После трапезы преподобный окропил святой водой князя и всех бывших с ним. Тут Дмитрий и обратился к святому старцу с просьбой: в залог обещанной им милости Божией и в благословение всему воинству дать им двух иноков — Пересвета и Ослябю.

Когда-то Александр Пересвет, бывший боярин брянский, и Андрей Ослябя, бывший боярин любецкий, славились как опытные и доблестные воины. Они даже прослыли богатырями. Но потом ушли из мира в Святотроицкую обитель под покровительство Сергия.

Дмитрий понял, что именно такие иноки-воины, посвятившие себя Богу, могут служить высоким примером для его ратников. И Сергий, не задумываясь, исполнил просьбу князя и велел позвать Пересвета и Ослябю. Хотя это было против всяких церковных правил. Недаром Епифаний даже не упоминает об этом эпизоде в своем житие.

Пересвет и Ослябя с радостью приняли приказ

любимого игумена готовиться к походу. Ведь не свои боярские наделы они шли защищать, а веру православную и отечество. Вместо лат и шлемов преподобный возложил на них схиму с изображением креста Христова.

Князь Дмитрий вышел к ожидавшей его свите со слезами на глазах, но с радостным лицом. Он никому не сказал о пророчестве старца, но все видели, как переменился князь. Все последние дни он был хмурым и озабоченным, а после беседы со старцем воодушевился и воспрял духом.

После отъезда князя с приближенными преподобный с братией почти не покидали храма и днем и ночью молились о победе русского воинства.

В то время в Москве находился митрополит Западных Церквей Киприан. Князь Дмитрий рассказал ему о поездке в Святотроицкую обитель и о предсказании святого старца. Тот советовал хранить в тайне пророчество Сергия, чтобы не привести воинство в беспечность и самонадеяние.

Но все тайное становится явным. Быстро разнеслась по Москве, а потом и по всем русским землям молва о том, что князь ходил к Троице и получил благословение и доброе предсказание на брань с Мамаем. Каким-то таинственным образом просочились в мир даже последние слова Сергия, сказанные им князю наедине: «Победиши враги твоя». Любовь и доверие к святому радонежскому чудотворцу были так велики, что эти его слова «подняли упавший дух

русского народа, пробудили в нем доверие к себе, к своим силам, вдохнули веру в помощь Божию».

Летописец утверждает, что именно эти неясные слухи помешали предателю Олегу Рязанскому соединиться с Мамаем. Только он собрался выступить навстречу татарам против московского князя, как лазутчики донесли ему, что Дмитрий уже переправился через Оку и многие князья русские присоединились к нему. А рязанские бояре рассказали Олегу о том, что знаменитый пророк Сергий Радонежский предсказал великому князю победу над Мамаем. Услышав это, будто бы Олег очень встревожился и отложил свой поход. Так и не дождался Мамай своего союзника.

Москва же в те дни кипела и бурлила. На сей раз Русь действительно собралась, предчувствуя, что решается ее судьба. Под знамена Дмитрия пришли Владимир, Суздаль, Серпухов, Ростов, Нижний Новгород, Белозерск, Муром, Псков, Брянск. Уклонились всегда ненавидевшие Москву тверичи и коварный Олег Рязанский.

На 20 августа назначили выход из Москвы всего войска. После торжественного молебна в Успенском соборе Дмитрий с двоюродным братом Владимиром Серпуховским преклонили колени у могилы предков в храме Михаила Архангела, молили их о помощи и заступничестве.

На Красной площади строились отряды, готовые к походу. Здесь собрались не только воины, но и купцы, ремесленники, крестьяне, со всех концов русской земли пришедшие на помощь князю. Другая же

часть рати должна была присоединиться к ним по дороге или дожидалась в Коломне.

Князь обратился к своему войску с такими словами:

— Должно нам, братия, сложить головы свои за веру христианскую, да не захватят поганые города наши, да не запустеют Божии церкви, да не будем мы рассеяны по всей земле, да не будут уведены в полон жены и дети наши.

И площадь словно громом загремела — ратники обещали великому князю Дмитрию Ивановичу верно служить ему и отечеству и головы свои положить, если понадобится.

Под звон колоколов и рыдания женщин ополчение тронулось из Москвы. Вскоре отряды разделились: Владимир Серпуховской пошел дорогою на Брашево, белозерские князья — Болвановскою дорогою, сам великий князь — на Котел. Такое огромное войско не могло быстро пройти одной дорогой, а Дмитрий очень спешил.

В Коломне на поле возле Девичьего монастыря решили сделать смотр войскам. Никогда еще не собиралось столько рати вместе. «От начала мира такова не бывала сила русских князей и воевод местных», — говорил летописец.

Привели войска в боевой порядок, обговорили предварительную расстановку сил и выступили из Коломны не мешкая, чтобы не дать Мамаю ворваться в московские земли. Князь Дмитрий уже получил известие от лазутчиков, что Олег Рязанский его предал и собирается присоединиться к Мамаю. Несмот-

ря на это, князь запретил войску грабить и обижать жителей, пока шли по рязанской земле.

По дороге возле местечка Березуй присоединились к ним два отряда князей Ольгердовичей — Андрея Полоцкого и Дмитрия Брянского. Это были сыновья Ольгерда Литовского, который причинил столько беспокойств Москве и не раз стоял со своей ратью под ее стенами, пока, наконец, не сдался и не заключил с Дмитрием мир.

Андрей и Дмитрий были нелюбимыми сыновьями у Ольгерда Литовского. И сами они отца недолюбливали из-за мачехи. Но, конечно, не потому встали под знамена князя московского. Татары всех допекли, всем костью встали поперек горла — и русским князьям, и литовским.

Ольгердовичи привели с собой сорок тысяч рати. А из Козельска подошел отряд в четыре тысячи. Все эти большие и малые рати вливались в огромное русское воинство.

Нижегородские купцы привели дружину, не спросясь своего князя. Но что удивило Дмитрия и вселило в него еще большую веру — пришли отряды из Рязани, не побоявшись гнева Олегова, и из Твери, главной московской врагини. Наверное, не осталось ни одной русской земли, которая не собрала бы рати, услышав, что Дмитрий идет на поганых.

Князь велел своему любимому боярину Михаилу Бренку сосчитать войско: сколько же у них силы? Бренок ездил по дорогам и по полям, считал-считал — и со счету сбился. Сначала насчитал до ста, потом — до ста двадцати. Еще несколько отрядов и

дружин притекло, и Бренок прикинул: пожалуй, до полутораста будет.

Двадцать князей собралось вместе, дивился Бренок. Такого не бывало со времен Батыя. Много видел он знакомых лиц — князей, именитых бояр и воевод. Во всех походах сопровождал Бренок своего князя. Стояли они под Нижним, дрались с тверичами, с Олегом Рязанским тоже случались недоразумения. Приходилось им отсиживаться за кремлевскими стенами, когда Ольгерд Литовский осаждал Москву. Но все это были соседские распри, а то и семейные. Вчерашние враги и соперники понимали: через несколько дней у Дона столкнутся два мира — русский и татарский. И от этого сражения зависит, будет ли жива Русь, останутся ли стоять по-старому ее города и веси и Божии храмы.

Битва

5 сентября подошли к Дону. Лазутчики донесли: Мамай на реке Мече, примерно в двух днях пути, и медленно движется им навстречу по двум дорогам, поджидая Ягайлу и Олега Рязанского. При этой вести Дмитрий вздохнул с облегчением: больше всего он боялся, что татары неожиданно ударят в спину, как это бывало раньше. Теперь у них есть целых два дня для того, чтобы отдохнуть и подготовиться к встрече.

Пока разбивали лагерь, ставили шатры, поили коней, варили кашу, князь Дмитрий стоял на берегу

и смотрел на ту сторону Дона, на бескрайние половецкие степи, на чужую землю. Похоже, именно в этих местах предстоит им на днях биться с Мамаем. И воеводы о том же говорили, стоя за его спиной.

Поздно вечером созвали князей на совет. Решали: переправляться через Дон или оставаться на этой стороне? Одни говорили:

— Надо оставаться на этой стороне, врагов много, оставим за собой реку — трудно будет идти назад.

Князья Ольгердовичи убеждали Дмитрия перейти:

— Если хочешь победить, прикажи переправиться, чтобы не было ни одной мысли об отступлении, чтобы воины, видя смерть впереди и за спиною, не бросали бы оружия.

Тут воеводы напомнили великому князю, как его прадед Александр Невский перешел реку Неву и победил врага.

Дмитрий колебался. А тут еще прибыли лазутчики с известием, что рати у Мамая видимо-невидимо — может, триста тысяч, а может, все четыреста. Эта новость очень смутила князя. Снова он погрузился в горестные думы и сомнения.

Преподобный Сергий, предвидя, что князь может ослабеть духом, и желая придать ему мужества, отправил к нему на Дон инока Нектария с братиями.

Дмитрий очень обрадовался, узнав, что прибыло к нему посольство от святого старца, и велел немедленно звать их к себе. Нектарий предстал перед великим князем и вручил ему грамотку от преподобного и просфору.

Конец этой грамотки сохранила для нас летопись. Сергий очень вовремя ободрял московского князя и писал: «Непременно, господине, ступай, и поможет тебе Бог и Святая Троица!»

Дмитрий прочел грамотку, вкусил от просфоры — и снова вселились в него уверенность и силы. Без колебаний он отдал приказ той же ночью переправляться на другую сторону Дона.

Скоро все полки облетела весть о том, что святой старец прислал своих иноков к великому князю. Словно сам он неожиданно появился в лагере, прошел его вдоль и поперек и все отряды благословил в столь решительную минуту. Не только князь Дмитрий, но и все слабые и неуверенные приободрились, надеясь на молитвы и заступничество великого старца.

В ночь на 8 сентября все русское воинство переправилось на другой берег — конница тремя бродами в устье Непрядвы, пехота — по наскоро возведенным мостам. Теперь все пути к отступлению были отрезаны: за спиной у них остались Непрядва и Дон.

Воеводы строили полки. Каждому отведено было свое место, как решили еще в Коломне. В центре — самый многочисленный Большой полк во главе с князем Иваном Смоленским. При них воеводами Тимофей Вельяминов, Иван Квашня, Михаил Бренок. В Большом полку было много «небывальцев» — впервые участвующих в сражении воинов, — поэтому его прикрывал Сторожевой полк во главе с тарусскими князьями Оболенским и Друцким, воеводой Михаилом Челядиным и царевичем Андреем Серкизом.

На правом фланге определили стоять со своими

полками князьям ростовским и стародубским с воеводой Грунком. На левом — князьям белозерским Федору Ярославскому с воеводою Мозырем.

Прямо у Дона в густом лесу спрятали Засадный полк Владимира Серпуховского и Дмитрия Боброка. А по другую сторону у реки Непрядвы затаились запасные полки князей Ольгердовичей.

Почему князья и воеводы решили оставить в засаде такое большое войско? Потому что большое поле, стиснутое с двух сторон Доном и Непрядвой, а с двух других изрезанное оврагами, не могло вместить столько рати — русской и татарской. В тесноте и бестолковщине биться трудно. Не столько воинов падет на поле брани, сколько сгинет под копытами коней и в давке.

Русские князья многому научились у татар за полтора столетия. Еще Чингисхан учил своих воинов, что исход битвы всегда решают свежие сотни, а не усталые тысячи, которые бьются уже несколько часов. И еще он наставлял: удар свежих сил по утомленному врагу должен быть внезапным и коварным — в спину. Все эти заветы очень пригодились Дмитрию Московскому, он не раз ими пользовался в своих битвах и всегда успешно.

Наконец утро забрезжило. Рассеивался густой туман над степями, высыхала обильная роса. Погода благоприятствовала русскому воинству: стояла сухая, солнечная осень. Поэтому и дальний переход дался им легко и быстро. И воевать легче, когда кони и люди не вязнут по колена в грязи, а сверху не сыплется на головы холодная осенняя морось.

В ту ночь, как отметил летописец, была «теплынь большая и тихо». Русское воинство готовилось к битве: умывались и надевали чистые рубахи, проверяли оружие, молились. Князь Дмитрий в малиновом плаще поверх доспехов, в золоченом шлеме объезжал полки на белом «парадном» коне, читал грамотку преподобного Сергия и говорил:

— Братия мои милые, сыны русские! Приблизился грозный день. Мужайтесь и крепитесь, Господь с нами!

Вернувшись к себе в Большой полк, над которым реяло черное знамя с золотым образом Христа Спасителя, князь снял с себя дорогие доспехи и плащ, облачился в одежду простого воина. И коня велел подать другого, любимого, с которым охотился.

Наверное, очень тяжелы были последние, напряженные минуты ожидания. Мамай приближался. Сначала пронесся неясный гул по степи, как будто гром прогремел. Это тучей находила несметная татарская конница. Неизвестно, откуда взялись огромные стаи ворон. Птицы кружились над степью и тревожно каркали. Суеверные русские воспринимали их как предвестниц смерти и дурной знак. На самом деле за татарским войском всегда следовали стаи собак, волков и... ворон, сытно кормившихся отходами от котлов.

Примерно в полдень вдалеке показались татарские отряды. В первом ряду воины с короткими мечами. Идущие в задних рядах клали свои длинные копья на плечи передних. Вместе с татарами шагали лихие вояки — генуэзцы, которых Мамай нанял в

Крыму. За мзду они воевали с кем угодно против кого угодно. Война была их профессией.

За пехотой на маленьких лохматых лошадках катились дикие мрачные татарские всадники. Ряды за рядами, туча за тучей, орды за ордами! На огромном пространстве в десять верст надвигалась татарская рать.

Ордынцы были в черных и серых одеяниях. Зато русское воинство выглядело ярко и нарядно. Колыхались на ветру разноцветные знамена полков с золотыми образами. Горели на солнце золотые и серебряные шлемы и доспехи.

Жутко было видеть, как сближались две несметные рати. Но кровожадное сердце Мамая ликовало, когда он с Красного холма наблюдал это волнующее зрелище. Передовые отряды пехоты подошли так близко, что русские могли различать лица, крашенные хной бороды татар, синие перья генуэзцев.

Два войска замерли, в упор глядя друг на друга, — ждали приказа...

По традиции битва начиналась поединком богатырей. Тут из татарского войска выехал злой и страшный с виду печенег — пяти сажен в высоту и трех сажен в ширину. Если вспомнить, что сажень равнялась двум метрам с лишком, то Челибей был десятиметровым исполином. И едва ли самый мощный конь мог носить такого седока.

Челибей разъезжал перед русскими рядами, похвалялся и вызывал кого-нибудь сразиться. Никто не

осмеливался принять вызов. Только один смельчак не убоялся печенега — Александр Пересвет выехал навстречу Челибею без шлема и кольчуги, в монашеской схиме, закрывавшей его голову и грудь.

Богатыри разъехались, вскинули копья и помчались навстречу друг другу. Сшиблись на всем скаку — и оба замертво пали на землю. Тут и «закипела битва кровавая, заблестели мечи острые; как молнии, затрещали копья, полилась кровь христианская, покатились шлемы золоченые под ноги конские, а за шлемами и головы богатырские».

С нечеловеческим ожесточением сражались два великих войска и час и другой. Многие гибли даже не от оружия, а от тесноты, под конскими копытами. Тесно было поле Куликовское для таких ратей. По этой причине Мамай не смог применить свою излюбленную тактику — охватить русские войска с флангов: глубокие овраги и коварные речушки преграждали путь татарской коннице.

Из-за тесноты Мамай не мог бросить на русских больших силы одним разом. В течение трех часов он посылал один за другим отряды легкой половецкой конницы. Татары врезáлись в самую гущу сражения и вскоре таяли там без следа. Потери с обеих сторон были ужасающие: очевидцы и участники рассказывали позднее, что трупы лежали под ногами сражающихся в три-четыре ряда.

Сторожевой полк лег почти полностью. Это были лучшие, отборные и опытные воины. В это время, почти через три часа непрерывной битвы, Мамай послал на поле свой последний резерв — тяжелую кон-

ницу и был уверен, что русским уже не хватит сил отбить такой сокрушительный удар. Эта тяжелая конница словно врубилась в Большой полк и левый фланг. Измученные, усталые «небывальцы» дрогнули, попятились и «на бега обратишася».

Глядя из засады, как наши бегут к реке, а татары их преследуют, князь Владимир Серпуховской рвался и томился.

— Пора, пора нам выступать! — торопил он воеводу Боброка.

Но воевода оставался хладнокровным и терпеливым.

— Кто не вовремя начинает, тот беду себе принимает. Ожидай! — удерживал он князя.

Воевода Боброк сыграл выдающуюся роль в Куликовской битве и заслужил, чтобы о нем было сказано отдельно. Он сумел правильно построить такое огромное войско и решил исход сражения. Воеводу называли Волынским, он был родом с Волыни и пришел вместе с князьями Ольгердовичами.

Итак, Дмитрий Боброк-Волынский ждал, пока татары обнажат свои тылы и ветер подует в их сторону. Даже видя, как ордынцы уничтожают Большой полк, он не дрогнул. В эти минуты князь Дмитрий повел себя очень мужественно и сумел воодушевить объятых страхом «небывальцев». Он взял знамя полка и с криками повел за собой отступающих. В этой схватке Дмитрий был ранен, и только тяжелые доспехи спасли князя от гибели. А вот его любимый боярин Бренок, из предосторожности надевший на

себя парадные доспехи князя и севший на его белого коня, погиб: словно защитил собою великого князя.

Когда не удалось смять Большой полк, татары обрушились на левый фланг русских и оттеснили их к Непрядве. Вот тут-то воевода Боброк решил, что и время пришло, потому что татары повернулись к ним спинами, преследуя отступающих русских. Засадный полк вылетел из леса и ударил так стремительно, что татары опешили, ряды их смешались.

Зато наши уставшие полки, увидев неожиданную подмогу, ободрились и погнали ордынцев по всему фронту. В этот момент стало ясно, за кем останется победа. Резервов у Мамая больше не было. С Красного холма он наблюдал паническое бегство своих воинов и в бессильной злобе восклицал:

— Беда нам! Русь нас перехитрила. Худших мы побили, а лучшие теперь на нас обрушились.

Свежие отряды Боброка и князя Серпуховского целый день преследовали остатки татарских орд. Они пронеслись по лагерю, где еще пылали костры и варилась в котлах конина, предназначенная для победителей. Потом углубились в степь. Сам Мамай едва ушел от погони на свежих конях.

А в это время на поле Куликовом собиралось русское воинство. Подходили к черному знамени Большого полка живые, несли раненых, среди павших разыскивали своих родных и земляков. Долго не могли найти великого князя и уже принялись оплакивать его. А он в это время лежал среди трупов в беспамятстве.

Всего за несколько часов «сколько тысяч погибло

душ человеческих, созданий Божиих! — горестно восклицал летописец, описывая поле боя. — Страшно, братия, зреть тогда и жалостно и горько взглянуть на человеческое кровопролитие: трупов человеческих — как сенные стога, быстрый конь не может скакать, в крови по колено брели, а реки три дня кровью текли».

Когда отыскали на поле князя Дмитрия и убедились, что он жив и невредим, тут же отправили гонца-скорохода с радостной вестью. Сам же князь с войском еще девять дней оставался на Куликовом поле. Живые хоронили убитых, отправляли по домам раненых. Московский боярин Михаил Александрович, «счетчик гораздый» подсчитал по приказу князя, что из ста пятидесяти тысяч русского войска в живых осталось сорок. Погибли «двенадцать князей, сорок бояр московских, да пятьдесят бояр Новгорода Нижнего, да сорок бояр серпуховских, да семьдесят бояр можайских, да шестьдесят бояр звенигородских...». Длинен был этот список, который счетчик подал князю. Младших дружинников и простых воинов подсчитать было невозможно, боярин лаконично записал — «без счету».

Священники несколько дней отпевали и хоронили погибших. Позднее на том месте, где похоронили более ста тысяч павших в битве русских воинов, был возведен храм во имя Рождества Богородицы.

Тела иноков Пересвета и Осляби перевезли в Москву и похоронили в Симоновом монастыре, в церкви Рождества Богородицы. Именно на этот

праздник, 8 сентября, суждено было произойти Куликовской битве.

Только на Покров, 1 октября, остатки русского войска вернулись в Москву.

Благодатный воспитатель народного духа

В течение всего дня 8 сентября братия во главе с преподобным горячо молились за русское воинство. Сергий «телом стоял на молитве в храме Святой Троицы, а духом был на поле Куликовом». Его ученик Епифаний свидетельствовал о сверхъестественном даре преподобного видеть внутренними очами то, что происходило за сотни верст, «с расстояния во много дней ходьбы так, словно находился поблизости».

Время от времени игумен прерывал молебен, чтобы поведать братии о ходе битвы, называл имена погибших и тут же читал по ним заупокойные молитвы. Так он сообщил вначале о гибели инока Пересвета и о временных неудачах нашего воинства, призывая братию помолиться усерднее. И наконец, с радостью возвестил об окончательной победе.

Гонец с Куликова поля только через четыре дня примчался в Москву с доброй вестью, а в Святотроицкой обители уже праздновали победу во славу русского воинства.

Вскоре по возвращении в Москву князь Дмитрий, который уже прослыл в народе как Донской, поспешил в обитель к преподобному Сергию поблагода-

рить старца и братию за молитвы и ободрение. Прежде всего отслужили в монастыре панихиду по убиенным: слишком велики были жертвы. По совету Сергия князь Дмитрий повелел отныне 26 октября, в день своих именин, во всех православных церквах служить поминальные службы по убиенным русским воинам. Это поминовение совершается и ныне в Дмитровскую субботу перед 26 октября по всей России. Но особенно торжественно служба проходит в Троице-Сергиевой лавре. И сейчас, через шестьсот двадцать лет на ней поминаются главные герои битвы, в том числе иноки Александр Пересвет и Андрей Ослябя.

Наверное, в те радостные дни и москвичам и жителям других русских земель казалось, что с татарами покончено навсегда. Но медленно и неверно движется история — от побед к поражениям, от взлетов к падениям. Еще целое столетие Русь оставалась данницей орды и только при Иване III, внуке Дмитрия Донского, окончательно сбросила со своих плеч ненавистное иго.

Несмотря на это, велико было значение победы, одержанной в Куликовской битве. Значение это прежде всего — моральное. «Народ, привыкший сто лет дрожать при одном имени татарина, — говорил историк Василий Ключевский, — собрался наконец с духом, встал на поработителей и не только нашел в себе мужество встать, но и пошел искать татарские полчища в открытой степи и там повалился на врагов несокрушимой стеной, похоронив их под своими многотысячными костями. Как могло это случиться?

Откуда взялись, как воспитались люди, отважившиеся на такое дело, о котором боялись и подумать их деды?.. Мы знаем одно, что преподобный Сергий благословил на этот подвиг главного вождя русского ополчения, и этот молодой вождь был человек поколения, возмужавшего на глазах преподобного Сергия».

Преподобного Сергия называли светильником, дарованным русской земле в те черные времена. Светильником, возгоревшимся среди кровавых усобиц и разорений, бесправия и грубости нравов. Благодарные потомки нарекли Сергия Радонежского «благодатным воспитателем русского народного духа», потому что своей святой жизнью, самой возможностью такой жизни преподобный «дал почувствовать заскорбевшему народу, что в нем еще не все доброе погасло и замерло, помог ему заглянуть в свой собственный внутренний мрак и разглядеть в нем тлевшие искры того же огня, которым горел сам он».

Велики заслуги святого старца перед отечеством. Он и устроитель монастырей, и воспитатель, и утешитель скорбящих, примиритель враждующих, собиратель русских земель. Но со времен Куликовской битвы русское воинство считает преподобного Сергия своим особым покровителем.

«И где не быша в бранех цари и великие князья, преподобного Сергия имя в устах присно поминаху и церковь полотняну во имя его на путях, близ шатров своих поставляху», — писал летописец.

И спустя столетия русские полководцы перед сражениями всегда приезжали в Святотроицкую обитель

получить благословение Сергия и испросить победу его молитвами, как когда-то вымолил он победу для Дмитрия Донского. Икона преподобного не раз отправлялась из обители в действующую армию и возвращалась на родину только после окончания кампании.

Радостное возбуждение от победы, царившее в русских землях осенью 1380 года, постепенно улеглось. Наступили будни. И оказалось, что ни победы, ни поражения ничему не научили князей. Как будто бы Куликовская битва ясно показала всем, чего можно достичь, соединив свои силы. Но и года не прошло, как снова начались споры, распри и борьба за главенство между князьями. Снова торжествовала «ненавистная раздельность».

О нравах того времени и о характере вероломного Олега Рязанского свидетельствует его поведение после битвы. Он подстерегал русские отряды, возвращавшиеся домой с Дона, и отнимал у них трофеи, добытые у татар. Потом, прослышав, что Дмитрий идет в Москву, и боясь возмездия, прихватил в Рязани жену и детей и сбежал подальше. Но перед побегом послал к Дмитрию посла с поклонами, изъявлениями преданности и подарками.

В Куликовской битве орда понесла огромные потери. Будто бы полегло там татар вдвое больше, чем русских. Казалось бы, долго будет теперь Мамай зализывать раны, собирать новые рати. Хотя бы несколько лет сможет Русь прожить спокойно.

Но надежды на длительный покой не оправдались. Орда оказалась драконом, у которого на месте отрубленной головы вырастали две новые. В орде в то время тоже царила смута, она раскололась на две части. Хан Синей орды Тохтамыш пошел войной на Мамая и на реке Калке разбил остатки его войска.

Соединив таким образом орду, Тохтамыш стал активно готовиться к новому походу на Москву. Он не только собирал войско, но и тайно сговорился в давними врагами Дмитрия — Олегом Рязанским и нижегородским князем. Чтобы никто не смог заблаговременно оповестить московского князя о нападении, Тохтамыш перебил всех русских купцов на Волге и использовал их корабли для перевозки своих войск.

Новое татарское нашествие было стремительным и мощным, как ураган. Многие князья из пограничных районов сразу же переметнулись к хану, пытаясь спасти свои владения. Суздальский князь не только не помог Москве, но и отправил в помощь хану двоих своих сыновей с войском.

Поздно пришла к Дмитрию весть о приближении Тохтамыша. Он попытался снова собрать воедино всю боевую силу Северо-Восточной Руси. И некоторые князья пришли к нему на помощь. Но русское войско было слишком малочисленно по сравнению с татарским. Не было уже того высокого подъема и уверенности, которые повели князей к Дону два года назад. Теперь в русском стане царили уныние, страх и «неодиначество». Напрасно Дмитрий пытался ободрить князей и повести на Тохтамыша. Большин-

ство отговаривались тем, что их армии поредели после Куликовской битвы, а хан как ни в чем не бывало выставил огромное войско. Значит, надо покориться и снова платить дань.

В середине августа Дмитрий поехал в Кострому, надеясь собрать там войско и двинуть на хана. Туда обещали подойти со своими дружинами ростовский, ярославский князья и белозерцы. Никто не предполагал, что татары смогут так быстро добраться до Москвы. А если вдруг доберутся до возвращения князя, то воеводы надеялись отсидеться за толстыми кремлевскими стенами, не раз спасавшими город он непрошеных гостей.

Князь был уверен, что успеет вернуться вовремя, и даже оставил в Москве свою семью. Однако Тохтамыш обернулся быстрее, чем предполагалось, благодаря помощи рязанского князя. Олег послал навстречу татарам своих бояр и проводников. Они провели поганых самым коротким путем к Москве, указали броды на Оке. Сам же хитроумный князь, чтобы отвести от себя всякие подозрения в предательстве, в это время поехал погостить к сестре в Брянск.

23 августа татары вдруг объявились у стен кремля и вскоре осадили Москву. Три дня Тохтамыш штурмовал ее стены. Осада грозила затянуться надолго, но тут случилось новое предательство. Хан подослал к стене посольство из нижегородских и суздальских князей, которые поклялись москвичам, что татары только возьмут с них легкую дань и уйдут восвояси: «Не на вас бо прииде, хан, воюя, но на

великого князя Дмитрия Ивановича, а вам дарует мир и любовь свою, а вы ему врата градные отворите».

И горожане поверили княжеским клятвам! Ворота растворились, и к татарам вышли для переговоров лучшие люди — бояре и духовенство. Они тут же были убиты, а Москву Тохтамыш отдал на разграбление своему войску. Вскоре были отправлены татарские отряды на Можайск, Боровск, Звенигород, Владимир, Коломну. И эти города были сожжены вместе с Москвою. Уничтожены новые монастыри — Чудов, Симонов, Андроников.

Насладившись местью, кровожадный хан поворотил назад, тем более что Дмитрий заходил ему с тыла. И двух недель не прошло, как вернулся князь в свою вотчину «и увидел, что город взят, и пленен, и огнем пожжен, и святые церкви разорены, и люди побиты, трупы мертвых без числа лежат, и о том возгоревали немало и расплакались они горькими слезами».

Только за расчистку кремля от трупов князь заплатил триста рублей — «за сорок мертвецов по полтине, а за восемьдесят по рублю». Отслужили панихиды по убиенным, оплакали родных и друзей, и князь велел оставшимся в живых ставить дворы и отстраивать город.

Пожалуй, больше всех пострадал в ту осень Олег Рязанский. На обратном пути Тохтамыш в «благодарность» за помощь приказал разграбить и сжечь все рязанские города и веси. А спустя некоторое время и князь Дмитрий отомстил вероломному сосе-

ду — пришел со своим войском и разорил Рязань. И снова разгорелась междуусобица, полилась кровь за кровь и возродились дикие нравы.

В то время на Руси читали ветхозаветных пророков и у них искали ответы на вопросы: за что же люди терпят такие бедствия, войны, разорения? Пророк Исайя говорил: за грехи, за нарушение заповедей Божиих — «за то возгорится гнев Господа на народ его, и прострет Он руку свою на него и поразит его, так что содрогнутся горы, и трупы будут как помет на улицах».

Иван Калита, пролив море крови христианской во благо русской земли, усердно молился и постился, строил церкви и надеялся испросить у Бога прощение. И внук его много воевал за свою недлинную жизнь — с Тверью, Рязанью и другими непокорными княжествами. И в этих междуусобных войнах немало душ загубил. Оба они, Иван Калита и Дмитрий Донской, задавались тревожным вопросом: можно ли замолить столь страшные грехи? На это преподобный Сергий всегда давал ясный и безжалостный ответ — нельзя! Кровь не искупается ни добрыми делами, ни богатой милостыней. И князя Дмитрия, и всех своих детей духовных Сергий учил принимать бедствия как гнев Божий, наказание за грехи.

Когда Тохтамыш с ратью приближался к Москве, игумен с братиями ушли в Тверь: Сергий предвидел будущее разорение. Хан понимал, что значит для русских монастырь в Радонежских лесах и святой

старец. Он послал отряд сжечь обитель. Но Бог не попустил, татары заблудились в лесных дебрях и вернулись назад.

Не в утешение, а в назидание напоминал преподобный князьям слова пророка Исайи: «Горе тебе, опустошитель, который не был опустошаем, и грабитель, которого не грабили! Когда кончишь опустошение, будешь опустошен и ты; когда прекратишь грабительства, разграбят и тебя».

Действительно, не так уж много было отпущено лет Тохтамышу для величия и славы. Вскоре новый завоеватель Тимур уничтожил столицу орды — город Сарай на Волге, а сам хан был убит своими же соплеменниками.

Русские князья, конечно, понимали, что пророчества Исайи касаются не только ханов, но и их самих. И они немало разрушали, грабили и губили душ христианских. Сергий никогда не обличал с гневом, но продолжал мягко и кротко увещевать и предсказывать новые несчастья и разорения, если они не укротят свой нрав и не перестанут враждовать. Временами ему удавалось уговорить соперников. Но проходило время, и сердца князей снова ожесточались друг против друга, и распри кипели пуще прежнего.

Московское княжество довольно быстро поднялось после разорения. Через год Дмитрий уже сумел получить в орде ярлык на великое княжение, хотя за него всеми силами боролись нижегородский и тверской князья. Но особенно обострились отношения Москвы с Рязанью.

Будучи уже в преклонных годах, преподобный

вынужден был брать в руки свой посох и брести за сотни верст — снова мирить, увещевать, пугать карой Божией непокорных. До конца своих дней он боролся с «ненавистной раздельностью мира».

Тяжелые времена

Олег Рязанский воевал с Москвою с самых младых лет. Еще юношей он пытался тягаться с московскими князьями за Лопасню, совершал дерзкие набеги на соседей. Но с годами Олег понял, что сила не всегда ломит, и предпочитал чаще пускать в ход хитрость и коварство.

Бурная история взаимоотношений Московского и Рязанского княжеств в XIV веке не уложилась бы и в целую главу. И счастливым своим завершением эта история во многом обязана радонежскому игумену, миротворцу и ходатаю.

Не всегда Дмитрий был справедлив с соседом. Осенью 1370 года он попросил у Олега помощи, когда Ольгерд Литовский осаждал Москву. За эту помощь обещал отдать Олегу вожделенную Лопасню. И обманул. Когда Ольгерд с войском ушел от стен Москвы, Дмитрий заявил, что рязанцы так и не вступили в сражение, «стояли на меже», значит, и не заработали волость.

Разъяренный Олег решил силой взять обещанное. Но московское войско оказалось сильнее и многочисленнее: рязанцы были разгромлены. Сам Олег бежал и только через год вернулся в свое княжество.

В 1373 году татары разграбили и сожгли все рязанские города и веси. Дмитрий и брат его Владимир Серпуховской стояли на берегу Оки, оберегая свои вотчины от татар, смотрели на пожарища и ничем не помогли соседям!

Впрочем, бывали между Москвой и Рязанью краткие перемирия. За два года до Куликовской битвы Дмитрий разгромил Бегича на реке Воже. Эта первая большая победа русских над татарами произошла на рязанской земле, и Олег тоже участвовал в битве со своим отрядом. За это вскоре Мамай ему отомстил — наслал на Рязань свою рать и сжег город дотла.

Накануне Куликовской битвы Олег, пытаясь защитить свою вотчину, заключил тайные соглашения с Мамаем и Ягайло и заверил Дмитрия в своей преданности. А в решающий момент так и не вступил в битву и остался в стороне. В первый раз хитрость ему удалась.

Два года спустя Олег решил еще раз воспользоваться этой тактикой: и Тохтамышу помог, и у стен кремля не стоял. Но на этот раз Дмитрий все узнал и жестоко отплатил ему за предательство. Олег затаил обиду.

25 марта 1385 года, в праздник Благовещения, он осторожно подошел к Коломне. Так осторожно, что жители спохватились слишком поздно. Может быть, на службе в храмах стояли. Кто же мог подумать, что князь даже святой праздник не пощадит и не убоится

греха на Благовещение кровь пролить. Олег не убоялся.

Он разграбил Коломну, многих жителей увел в плен. Но оставаться долго в городе побоялся, вернулся домой. Олег понимал, что возмездие последует очень скоро, и готовился к войне, позвал на помощь литовские отряды. Что могло заставить осторожного и хитрого князя порой впадать в такие безрассудства? Безмерное честолюбие. Олег всю жизнь хотел быть великим князем. Так и не сумев получить или купить ярлык, он самовольно присвоил себе этот титул и в своей вотчине, среди подданных величал себя великим.

Дмитрий послал сразу два войска — на Рязань и на Муром. Повел их опытный полководец Владимир Серпуховской, после Куликовской битвы прозванный Храбрым. Казалось, исход этой стычки предрешен и Олега снова побьют, а рязанцам придется расплачиваться за безмерную гордыню своего князя.

Но на этот раз судьба благоволила к Олегу. Летописи умалчивают об исходе сражения. Если бы победил Владимир, летописцы обязательно упомянули бы об этом. Олегу приходилось часто воевать в своей жизни, и иногда он одерживал значительные победы. Так что и на этот раз его успех не был такой уж случайностью, особенно если учесть поддержку литовцев. Ведь в начале шестидесятых годов рязанский князь сумел разгромить даже отряд татар, наведавшихся в его вотчину пограбить.

Поражение Москвы очень обрадовало ее врагов.

Новгород сразу же отказался выплачивать Дмитрию дань для орды — «черный бор». А Тохтамыш требовал вовремя платить дани, иначе мог отобрать ярлык на великое княжение.

В тяжелое положение попал князь Дмитрий. Авторитет его настолько упал, что новгородцы, как прежде, начали разбойничать и грабить на Волге и в московских владениях. Идти усмирять их большим войском, как это было в 1375 году, у князя не было сил. Тем более что осмелевший Олег Рязанский мог ударить в тыл.

Пришлось Дмитрию смирить свою гордость и поклониться Олегу. Он отправил к рязанскому князю послов, предлагая мир и дружбу. Олег привередничал, упивался унижением великого князя и выдвигал совершенно неприемлемые условия.

Как всегда в тяжелые дни своей жизни, Дмитрий поехал в Святотроицкую обитель посоветоваться со святым старцем, попросить о помощи. Князь привез в монастырь богатую милостыню, попросил игумена отслужить молебен и долго беседовал с ним о новых напастях, преследовавших Москву в последние два-три года.

Князь безгранично верил в мудрость и прозорливость преподобного Сергия и молил о помощи. Мог ли старец ему отказать? Ведь речь шла не о княжеских раздорах, а о гражданской войне, в которой православные христиане убивали друг друга.

Осенью преподобный Сергий вместе с боярами московскими поехал к Олегу в Рязань. До этого мно-

гие посольства от князя Дмитрия побывали у Олега и «ничтоже успеша», говорил летописец. «Преподобный же игумен Сергий, старец чудный, тихими и кроткими словесы и речьми и благоуветливыми глаголы, благодатию, данною ему от Святого Духа, много беседовал с ним о пользе души, и о мире, и о любви; князь же великий Олег преложи свирепство свое на кротость, и утишися и укротися, и умилися вельми душою, устыде бо столь свята мужа, и взял с великим князем Дмитрием Ивановичем вечный мир в род и в род».

Многие задавались вопросами, что это за волшебные «словесы», которые умилили даже свирепого Олега, чье сердце давно зачерствело от жестокости, предательства и лицемерия? Ни летописи, ни ученики не оставили нам проповедей, увещеваний и бесед преподобного. Если и сохранились краткие поучения, то это, скорее всего, поздние пересказы учеников старца. Они кратки и безыскусны.

И подлинные слова Сергия, без сомнения, были простыми и сердечными. А могучая сила их воздействия объяснялась тем, что они освещались обаянием его светлой личности и особым даром благотворно влиять на людей.

Конфликт, грозивший вылиться в большую войну, был благополучно улажен. Сергия встретили в Москве с большими почестями и славою. Два года спустя мир между Рязанью и Москвой был скреплен браком: Дмитрий выдал свою дочь Софью за сына Олега Федора.

...Преподобному Сергию уже исполнилось семьдесят лет. Несколько раз он тяжело болел. Но продолжал терпеливо нести еще один свой крест — крест государственного деятеля. Авторитет святого старца был так велик в народе, что князья то и дело призывали его на служение — в большом и малом.

Дмитрий Донской и Владимир Серпуховской приезжали за советом, просили помолиться или стать крестным отцом своих сыновей. Сергий крестил двоих детей Дмитрия — Юрия в 1374 году и Петра в 1385-м и сына Владимира Серпуховского Иоанна в 1381 году. С такими же просьбами обращались и другие удельные князья и бояре. Старец никому не отказывал.

И все-таки преподобный никогда не служил лично князьям. Он служил только Руси и делу собирания русских земель вокруг Москвы. Едва ли справился бы с этим делом в одиночку князь Дмитрий Московский без помощи Церкви и ее служителей — митрополита Алексия и Сергия Радонежского.

Дмитрий Донской был незаурядным человеком и политиком, но, как и все люди, имел слабости и недостатки. Незадолго до своей смерти он ухитрился поссориться с двоюродным братом Владимиром Серпуховским.

В январе 1389 года Владимир праздновал рождение сына, потом крестины, потом разгульную масленицу. И вдруг получил известие, что Дмитрий хочет отнять у него Галич и Дмитров. Владимир закипел от возмущения и тут же схватился за меч. Его недаром прозвали Храбрым.

И Дмитрий тоже изготовился, разослал по городам свои отряды с воеводами во главе. Едва не разгорелась вражда между братиями, не только родными людьми, но и соратниками, которые прошли под одними знаменами столько сражений, пережили вместе немало побед и поражений. Как будто бы какая-то злая бацилла раздоров носилась в те годы над Русью.

Преподобный Сергий сумел затушить этот костер, пока он не разгорелся. Не прошло и месяца, как братия примирились, конечно, не без вмешательства святого старца. Ведь он был любимым духовником князя Дмитрия. На праздник Благовещения «князь великий Дмитрий Иванович взял мир и прощение и любовь с князем Владимиром Андреевичам».

Год, начавшийся так неудачно, вскоре принес большую беду. И знамение было в ночь на 10 мая: «В вечернюю зорю погибе месяц и долго не бысть, и паки явись пред ранними зорями». Суеверные москвичи, которые привыкли ждать плохого скорее, чем хорошего, сразу сказали — это не к добру.

Вскоре прибыл в обитель гонец с плохой вестью: князь Дмитрий тяжело занемог и зовет преподобного к себе. Старец поспешил в тот же день. Было ли у него предчувствие, что князь уже не поправится? Во всяком случае, у постели больного преподобный подписал его завещание, которое составлялось также не без участия Сергия.

Это был документ огромной государственной важности. Дмитрий «перед своими отцы, перед игуменом перед Сергием, перед игуменом перед Савостьяном» передал великий престол своему старшему

сыну Василию. Отныне он закрепил новый принцип престолонаследия — от отца к старшему сыну и положил конец княжеским распрям. Единовластие, за которое боролись князь Дмитрий и преподобный Сергий, и создало великую российскую государственность.

Дмитрий был очень набожным человеком. Часто говел, исповедовался и причащался, в пост — каждое воскресенье. Одним из его духовников был игумен Симонова монастыря Федор. Советчиком и утешителем в особо важных и трудных делах почитался святой старец игумен Святотроицкой обители. Но так как Федор часто разъезжал с княжескими поручениями по митрополии, а преподобный Сергий находился в Радонеже, то у Дмитрия был еще один, «домашний» духовник — Савостьян. Его подпись, вместе с подписью Сергия, стоит под этим важным историческим документом.

19 мая в два часа ночи князь Дмитрий преставился. Ему не было еще сорока лет. А младший сын князя родился за четыре дня до его кончины. Источники не сообщают, от какой болезни сгорел так быстро этот молодой, сильный и мужественный человек. Возможно, он так и не смог пережить нового всплеска татарского ига, подрубленного, казалось бы, под корень его великой победой на Куликовском поле. В памяти истории, однако, позабылись промахи его и неудачи, он остался лишь героем Куликова поля, молодым и смелым, первым повалившим зверя степи.

Праведники живут вовеки

Видение, непостижимое уму

Подвижники и святые отцы, делясь своим опытом с начинающими, различали в духовной жизни две ступени — крест деятельный и крест созерцательный. Первая ступень есть общая для всех послушников: это неустанная многолетняя борьба с миром и дьяволом и с самим собой, ветхим человеком и его страстями.

Вторая ступень — удел только избранных. Это благодатное состояние полностью обновленной души, победившей и страсти, и себялюбие, и все мирские соблазны. Эта душевная благодать даруется только праведникам, прошедшим путем скорбей и крестного подвига.

Преподобный Сергий имел такую благодать и в конце жизни удостоился чудесных видений, «непостижимых уму» человеческому. Об этих случаях рассказали ученики игумена, которые стали свидетелями

чудес. Как-то преподобный служил литургию вместе со своим братом Стефаном и племянником Федором. Его ученики Исаакий и Макарий стояли в церкви. Вдруг Исаакий заметил в алтаре некоего четвертого, мужа чýдного обликом. Он сослужил преподобному, и на первом выходе с Евангелием этот неизвестный шел за старцем, и его одежды так сияли, что Исаакий не мог на него смотреть и закрыл глаза. Он спросил у стоящего рядом Макария, кто бы мог быть этот священник?

В это время в обители гостил князь Андрей Радонежский. Иноки решили, что неизвестный им священник приехал вместе с ним. Спросили у княжеских слуг, которые стояли тут же в церкви. Слуги отвечали, что с ними священник не приезжал.

Сразу после окончания литургии чудный муж стал невидим. И тогда оба ученика, удостоенные видения, осмелились расспросить преподобного о таинственном священнике.

— Служили мы втроем — я, брат мой и Федор. Кого же вы видели четвертого? — спросил у них старец.

— Мы своими глазами его видели, отче. Он сослужил тебе, точно ангел небесный, — настаивали иноки.

И тогда преподобный, убедившись, что они действительно видели чудесного помощника, открылся им:

— Дети мои! Если Господь уже открыл вам эту тайну, то и я не могу утаить. Тот, кого вы видели, действительно ангел. И не только сегодня, но и всег-

да, когда я совершаю литургию, мне, недостойному, бывает такое посещение. Вы же сохраните это в тайне, пока я жив.

Своего ученика Исаакия преподобный хотел видеть игуменом монастыря на Киржаче. Но Исаакий просил благословить его на подвиг молчания. Святой старец, всегда бережно относившийся к чужой воле, не стал его переубеждать. Он велел Исаакию после литургии стать у северных ворот обители и дожидаться его там.

В условленное время преподобный Сергий, подойдя к Исаакию, осенил его крестным знамением и благословил на труднейший подвиг молчальника. И вдруг увидел Исаакий, что из руки преподобного исходит пламень и объемлет его. С тех пор инок твердо исполнял обет. Если же находило на него искушение и очень хотелось заговорить, то перед мысленным взором тут же вставала объятая пламенем рука святого старца и ограждала его от нарушения обета.

Еще один ученик Сергия удостоился чудесного видения. Это Симон, уже упоминаемый ранее, человек очень праведной жизни. Как-то служил он вместе с игуменом литургию. Когда освящались Святые Дары, сверху, как бы с неба, спал огонь и разлился по жертвеннику, озаряя весь алтарь, обвиваясь около святой трапезы и окружая всего священнодействующего Сергия. Когда же преподобный захотел приобщиться Святых Тайн, Божественный огонь свернулся и вошел внутрь потира, священного сосуда с вином, символизирующим кровь Христову. Так преподобный причастился неопалимого огня.

Симон, у которого внезапно открылись внутренние, духовные глаза, стоял пораженный этим видением. Прозорливый старец сразу понял, что ученик его видел огонь. После службы Симон рассказал учителю:

— Отче, мне открылась благодать Святого Духа, когда она снизошла на тебя с неба.

— Никому не говори о том, что ты видел, пока Господь не призовет меня, — велел ему преподобный.

Епифаний говорит, что таких чудесных видений было много, и, если бы он обо всех пожелал рассказать, его описание слишком затянулось бы. И уже на закате жизни преподобного сподобился он самого высокого посещения, знаменательного не только для него самого, но и для всей обители и ее будущего.

Святой старец до последних дней своей жизни имел обыкновение молиться по ночам, читал акафист и молился Богородице. И в ночь с пятницы на субботу Рождественским постом 1384 года Сергий, как обычно, читал свое правило перед образом Пречистой.

— О Мати Христа моего, ходатаица и заступница и крепкая помощница роду человеческому! — взывал старец. — Будь же всем спасительное упокоение и пристанище! Умоли Сына Твоего и Бога нашего, да призрит Он милостиво на святое место сие, посвященное в похвалу и честь Его святого имени во веки.

Так просил Сергий за свою обитель, а сердце его всегда горело в молитве благодатным пламенем. По

простоте своей души он часто беседовал, как дитя, с Богородицей и святыми.

Окончив правило, преподобный присел на минутку отдохнуть. Его келейник Михей находился рядом. И вдруг Михей увидел, что лицо учителя просветлело, как будто он только что получил радостное известие. И в самом деле, Сергий заранее почувствовал приближение чего-то необычного, чудесного.

Он приподнялся с лавки и сказал Михею:

— Чадо, трезвись и бодрствуй, потому что сейчас будет нам чудное и ужасное посещение!

И едва старец произнес эти слова, как раздался громоподобный голос: «Пречистая грядет!» Преподобный поспешно вышел в сени. И вдруг осиял его яркий свет, гораздо сильнее солнечного. И он увидел Пречистую Богородицу в сопровождении двух апостолов — Петра и Иоанна.

Сергий в страхе пал на землю. Но Святая Дева прикоснулась к нему рукою и ободрила:

— Не бойся, избранниче мой! Я пришла посетить тебя. Услышана твоя молитва о твоих учениках; не скорби больше и об обители твоей: отныне она будет иметь изобилие во всем, и не только при жизни твоей, но и при отшествии твоем к Богу. Я неотступна буду от места сего и всегда стану покрывать его...

Сказав это, Святая Дева сделалась невидима. А Сергий долго не мог прийти в себя от великого потрясения. Бедный Михей лежал неподалеку от него как мертвый. Преподобный поднял его и успокоил.

— Отчего, что это было? — спрашивал

Михей. — Моя душа едва не разлучилась с телом от ужаса.

Он видел только блистающий свет, который его ослепил, но не мог видеть Царицу Небесную с апостолами и слышать ее голос. Преподобный и сам едва мог говорить от волнения:

— Подожди, чадо! И моя душа трепещет от этого видения.

Немного успокоившись, Сергий послал келейника за Исааком-молчальником и Симоном. Едва они вошли в келью игумена, как сразу поняли — случилось что-то необычное и важное, потому что преподобный весь сиял радостью. Он рассказал им все по порядку о чудесном видении и о предсказании Святой Девы. После этого они вчетвером служили молебен Богородице. Весь остаток ночи преподобный уже не мог заснуть, размышляя о пережитом.

В память этого чудного посещения в обители было установлено каждую пятницу с вечера совершать всенощное бдение с акафистом Богородице. Эта служба совершается и поныне в юго-западном притворе Троицкого собора, на том месте, где, по преданию, стояла когда-то келья преподобного. Притвор украшает сейчас большая икона с изображением пришествия Благодатной гостьи в келью святого старца.

Чудесное явление на закате жизни преподобного было знаком того, что он достиг невероятной духовной высоты, на которую удается подняться только немногим избранникам. Сама Святая Дева благословила пройденный Сергием тяжкий путь служения и

утвердила созданное им дело. Многие посмертные чудеса преподобного Сергия связаны с чудесным посещением Богородицы и с Ее обещанием хранить обитель.

Духовная высота, как ее достигнуть? Этим вопросом веками задавались тысячи иноков и вступающих на нелегкий путь духовного служения. В чем тайна обаяния нравственного облика преподобного Сергия? Каковы черты истинного праведника?

В первую очередь, конечно, непоколебимая вера. За свою крепкую веру, душевную чистоту и величайшее смирение еще при жизни удостоился Сергий видеть апостола Петра, которого сам Спаситель нарек «камнем веры», девственника и наперсника Христова Иоанна, саму Пресвятую Богородицу.

Еще современники отмечали в Сергии два прекрасных свойства его души — смирение и детскую простоту. Эти добродетели и составляли основные черты его нравственного облика.

Митрополит Платон говорил о преподобном: «Еще в жизни своей за святость жития своего он был почти от всех любим и почитаем, и уважаем более чем сколько позволяло это его тогдашнее смиренное состояние. А ведь в этой жизни как часто добродетель бывает закрыта, как часто бросают на нее тень и даже преследуют! Если же его добродетель еще в сей жизни сияла так светло, что ни развращение мира, ни страсти злых, ни слепота гордых не могли помрачить ее, то какова же ее светлость там, где нет ни страстей, ни мрака, где все праведники сияют яко солнце в царствии небесном?»

«Прежде его в нашей земле такового не бывало»

Преподобный не пропускал ни одной церковной службы и продолжал нести на своих плечах нелегкое бремя игуменской должности, несмотря на глубокую старость. В эти годы Епифаний был рядом с учителем и впоследствии вспоминал, что старость его никак не побеждала, только ноги стали слабеть. Преподобный «чем больше состаревался возрастом, тем больше обновлялся усердием», подавая пример молодым инокам.

О своей кончине святой старец получил откровение за полгода до нее. Он призвал к себе в келью всю братию и в их присутствии передал игуменство своему любимому ученику Никону. Сам же начал безмолвствовать.

В сентябре преподобный тяжело заболел. И снова иноки собрались у его смертного ложа, потому что старец хотел побеседовать с ними и дать последние наставления. Как всегда, поучения его были простыми, полными любви и заботы о духовных чадах.

Прежде всего он повелел им помнить, что основанием всякого доброго дела, всякого доброго намерения должна быть вера. Далее святой старец завещал братиям «единомыслие друг с другом хранить, иметь чистоту душевную и телесную и любовь нелицемерную, удаляться от злых похотей, быть умеренными в пище и питие, смирением украшать себя, страннолюбия не забывать, ни во что не ставить честь и славу этой жизни».

И многому другому поучал их преподобный и под конец сказал:

— Бог зовет меня, я ухожу от вас! Вас я передаю Господу и его Пречистой Богоматери. Она будет для вас прибежищем и стеной от сетей вражьих.

С грустью услышали иноки и последнюю волю смиренного старца. Он завещал похоронить себя не в церкви, а на общем монастырском кладбище, где покоились монахи, нищие, безвестные странники, искавшие в обители последнего приюта.

Преподобный в последний раз благословил всех братиев. Приобщился Святых Даров, принесенных в его келью, и тихо сказал:

— В руце Твои, Господи, предаю дух мой!

И мирно отошел. Это было 25 сентября 1392 года.

Тут же братия отправили гонца в Москву к митрополиту Киприану. Они не только извещали его о кончине великого старца, но и просили дать благословение похоронить игумена в церкви, а не на общем кладбище, как он сам того пожелал.

Уже на другой день стали стекаться в обитель толпы народа из соседних сел и городов, а потом из более отдаленных мест. Все хотели проститься с великим старцем, увидеть его в последний раз, прикоснуться к нему или к его гробу. Приходили и приезжали князья и бояре, купцы и крестьяне, игумены и монахи из монастырей.

Гроб со старцем перенесли в церковь. «Все сетовали, все плакали, воздыхали, ходили с поникшей головою, — писал Епифаний. — Нет его больше с нами, остались мы, как овцы без пастыря, как ко-

рабль без кормчего, сад без сторожа, больной без врача! О горе нам, бедным, сиротам безутешным!»

Митрополит велел похоронить преподобного Сергия у правого клироса в церкви Святой Троицы. И вскоре старец подал о себе весть братии из загробного мира. Как-то во время службы инок Игнатий увидел, как наяву: преподобный стоял на своем игуменском месте и пел вместе со всеми. Братия всегда знали, что старец духом пребывает с ними. И с тех пор он не раз являлся видимым образом, чтобы защитить обитель, ее иноков или объявить свою волю.

Летописи не могли обойти молчанием кончину Сергия. «Тое же осени преставися преподобный игумен Сергий, святый старец, чудный, добрый, тихий, кроткий, смиренный; просто и не умею его жития сказати ни написати. Но токмо знаю, прежде его в нашей земле такового не бывало. Всеми человеки любим бысть честнаго ради жития его, иже бысть пастух не токмо своему стаду, но всей русской земли нашей учитель и наставник».

И после того как Сергий отошел в мир иной, он не оставил своим попечением обитель и всю русскую землю. Множество чудес и исцелений совершалось там, где пребывала душа преподобного. Люди продолжали идти к радонежскому старцу за советом, утешением, веря, что он знает их нужды и обязательно поможет в беде.

Являясь в видениях немногим своим избранникам, святой старец предсказывал некоторые события. Его

предсказания всегда сбывались. В 1408 году пронесся слух о том, что большая татарская рать снова двинулась на Москву. Люди в ужасе разбегались, бросая свои дома. Игумен Святотроицкой обители Никон не знал, покидать ли ему с братией монастырь или остаться? Ведь отряды Тохтамыша так и не смогли добраться в глушь Радонежских лесов.

Никон усердно молился, прося Господа о защите. Призывал он и преподобного Сергия дать ему совет и вразумление. Не мог игумен и помыслить, что погибнет плод многолетних трудов святого старца и будет поругано и опустошено место, освященное его подвигами, и поколеблется вера немощных торжеством неверных.

Поздно ночью Никон присел отдохнуть после молитвы, и тут в «тонком сне» явились ему святители Петр и Алексий и с ними преподобный Сергий, который сказал ему: «Господу угодно, чтобы нашествие иноплеменников коснулось и сего места. Но ты, чадо, не скорби и мужайся: искушение будет непродолжительно, обитель не запустеет, а еще более процветет».

После этих слов пришедшие стали невидимы. А Никон только через какое-то время пришел в себя. Дверь его кельи оказалась запертою. Он подумал, что все это ему приснилось. Но когда отпер дверь и вышел на крыльцо, то увидел, как святые медленно шествовали от кельи к церкви. Никон удостоверился, что это было истинное видение, а не сон.

Предсказание Сергия вскоре исполнилось. Татары под предводительством хана Едигея разорили и сожгли обитель. Но предупрежденные старцем иноки

вовремя удалились, спасая ценные книги, монастырские святыни, деревянные сосуды и келейные вещи преподобного, которые и поныне хранятся в лавре.

Вскоре братия вернулись на родное пепелище, и через три года обитель была отстроена заново. Новый деревянный храм Пресвятой Троицы был освящен 25 сентября 1412 года, в день памяти святого старца. И многие достойные видели, как преподобный Сергий со святителем Алексием приходили освящать новые здания обители.

По прошествии тридцати лет со дня кончины Сергия Радонежского преподобный явился одному доброму христианину, большому почитателю святого старца, жившему недалеко от Святотроицкой обители, и велел сказать игумену и братии: зачем так долго оставляют его в земле, где «вода утесняет» тело его?

5 июля 1422 года в обители состоялось торжественное обретение мощей преподобного. Весть об этом задолго до намеченного дня разнеслась по русской земле. Присутствовать при знаменательном событии пожелали многие духовные лица из монастырей, ученики Сергия и простые иноки. Приехали и князья, среди них крестный сын Сергия Юрий Дмитриевич, брат великого князя Василия Дмитриевича.

В присутствии многочисленных паломников, священников и князей гроб с телом преподобного Сергия был извлечен из земли и открыты нетленные его мощи. Всех присутствующих поразило, что не только тело святого «цело и светло соблюдеся, но и одежда его, в ней же погребен бысть, цело бяше всяко и

тлению никакоже сопричастна», хотя гроб стоял в воде.

На время мощи чудотворца были помещены в деревянной церкви. А на том месте, где тридцать лет покоился Сергий, началось строительство первого каменного храма. Над росписью Троицкого собора трудились знаменитые иконописцы Даниил Черный и Андрей Рублев. При освящении нового собора святые мощи преподобного были перенесены в него.

С этого времени в монастыре началось ежегодное празднование памяти преподобного Сергия в день его преставления 25 сентября. А тридцать лет спустя после обретения мощей митрополитом Ионою Сергий был причислен к лику всероссийских святых, которых в то время было еще очень немного. И в 1463 году в Новгороде была построена первая церковь во имя преподобного Сергия.

Праведники живут вовеки, говорится в Писании. Вот уже шесть веков идут верующие к мощам радонежского чудотворца как к величайшей святыне. Или молятся ему за сотни, тысячи верст от лавры: «Преподобне отче Сергие, моли Бога о нас». И все просящие получают помощь: больные — здравие, скорбящие — облегчение и успокоение, бедствующие — помощь и заступление, гонимые — защиту.

О некоторых посмертных чудесах преподобного Сергия рассказывают его жития, сказания и другие исторические источники. Как-то на праздник Святой Троицы привели в обитель слепого, который еще в

детстве потерял зрение. В густой толпе народа слепец потерял своего провожатого и горько плакал у ворот храма. Вдруг кто-то взял его за руку, ввел в Троицкий собор к раке с мощами. Слепой поклонился мощам — и слепота его тотчас исчезла. Но исцеленный не увидел своего чудесного проводника, потому что он исчез. Но у него не было сомнения, что это сам преподобный Сергий сжалился над ним. В благодарность этот человек навсегда остался в монастыре и помогал инокам в работах.

Нередко святой Сергий являлся больным и просящим его о помощи вместе с митрополитом Алексием или со своим любимым учеником Никоном. С Алексием его связывала при жизни большая духовная дружба. А Никона за его праведную жизнь называли «совершенным учеником совершенного учителя». Много потрудившись для благоустройства Святотроицкой обители, игумен Никон скончался в 1428 году и был похоронен рядом с храмом, в котором уже покоились мощи его учителя. В 1560 году над его могилой был построен каменный храм и освящен во имя преподобного Никона. Там теперь почивают под серебряной гробницей мощи святого Никона.

Учитель и ученик были близки в земной жизни. Никон даже жил в келье преподобного Сергия. Так же близки святые и в загробной жизни: рака с мощами Сергия отделяется одной каменной стеною от раки его ученика. Неоднократно они вместе являлись и чудодействовали и исцеляли больных.

Так, преподобный Сергий со своим учеником из-

бавили от горячки послушника Гавриила. Тот уже несколько дней находился в беспамятстве, и никто не надеялся на его выздоровление. Сам он, придя в сознание, рассказал о посетившем его видении. Сначала видел он, что душа его словно разлучилась с телом и устремилась в бездну. Больной понял, что умирает, и очень пожалел о том, что не успел покаяться и исправить свою жизнь. Он стал молиться преподобным Сергию и Никону. Вдруг увидел, как отворилась дверь и вошли два старца — преподобный Сергий с жезлом в руках и преподобный Никон. Сергий, указав жезлом на больного, сказал ученику: «Помоги!» Никон стал приближаться, и с каждым его шагом в больного словно вливались силы и радость.

Рассказывали и такой случай. Как-то один из монахов рубил лес на постройку кельи и сильно поранился топором. Ночью, когда он страдал от боли и потери крови, вдруг отворилась дверь и его келья озарилась ярким светом. В этом сиянии инок увидел двух мужей, одного в архиерейском одеянии, другого в простой рясе. Больной узнал в одном из них святителя Алексия, а в другом — Сергия Радонежского, которого можно было бы назвать покровителем плотников — так много сам он плотничал в земной жизни. И только преподобный благословил его, как кровь из раны перестала течь и он почувствовал себя совершенно здоровым.

Святой старец не только исцелял больных, но и творил другие чудеса в своей «посмертной жизни». Вот какой случай рассказал митрополиту Иоасафу

сам великий князь Иван III Васильевич. У него долго не было сына и наследника. Его супруга княгиня Софья однажды пошла пешком на богомолье в Троицкий монастырь попросить преподобного Сергия о даровании им сына. Когда она спускалась от села Клементьева к монастырю, навстречу ей из ворот вышел монах с младенцем на руках. В этом монахе княгиня узнала самого великого старца.

Через год в марте 1479 года родился у княжеской четы долгожданный сын Василий, будущий «всея Руси самодержец». А княгиня Софья поняла, что ей было даровано не простое видение, а пророческое. Преподобный услышал ее молитвы и предсказал радостное событие.

Многочисленные чудеса святого, совершенные им в «посмертной жизни», жития и сказания подают то как свидетельство очевидцев, то как легенды и предания. Для русского человека, с детских лет так жаждавшего чуда, поклонявшегося истинной святости, не важны были источники этих житийных рассказов и их жанр. Проходили одно за другим столетия, а образ радонежского чудотворца не тускнел. Он не сделался только историческим персонажем и воспоминанием. Сергий стал народным святым, самым любимым и знаменитым, заступником и помощником и для царя, и для простого мужика в лаптях.

«Никто, как Сергий, не принимал столь живого участия в делах России непрестанными знамениями своего покровительства после своей смерти, — говорил архиепископ Никон. — Никто, как он, и при

жизни, сам лично и через своих учеников, — никто так не содействовал духовному возрождению и обновлению всей русской земли, а через то и освобождению от подчинения и рабства диким азиатским ордам».

Умиритель смут

Келарь Симон Азарьин говорил о преподобном Сергии: «Но свыше целебных даров от Бога благодать дана ему всю российскую землю заступати от находящих врагов христианских». В годы смуты внутренние раздоры и нашествия иноплеменников не обошли стороной и Троице-Сергиеву лавру, иноки ее не отсиживались за толстыми стенами в тишине Радонежских лесов. И как всегда во времена испытаний, преподобный Сергий являлся в своей родной обители, пророчил, сотворял чудеса и ободрял малодушных.

После смерти царя Федора Ивановича, не оставившего наследников, род Рюриковичей прекратился. В цари был избран Борис Годунов. Вскоре в Польше объявился самозванец, будто бы чудом спасшийся от смерти царевич Дмитрий. Многие поверили в Лжедмитрия, тем более что он рассылал повсюду грамоты с обещаниями уменьшить поборы и установить справедливый порядок.

Поэтому, когда самозванец вступил из Польши в Русь, города без сопротивления сдавались его войску, и в Москве его тайно и явно поджидали. Весной

1605 года внезапно скончался Борис Годунов, его наследники были убиты, и уже 1 июня Лжедмитрий вступил в Москву.

Но он и года не продержался на престоле. При нем поляки хозяйничали в Москве, как у себя дома. Недовольные москвичи подняли восстание, самозванца казнили и «выкрикнули» в цари на Красной площади князя Василия Шуйского.

Но второй самозванец не замедлил объявиться, привел войско под Москву и расположился в селе Тушино, принадлежавшем Троицкому монастырю. Тушинский царек, или Тушинский вор, как его прозвали, и решил осадить монастырь. Эту мысль подал ему один из польских воевод Петр Сапега. Происходил он из знатного польского рода, был наделен военными способностями, но с наклонностями в достаточной мере разбойничьими, был увлечен жаждой приключений и наживы, для чего Русь представляла тогда прекрасное поприще.

Самозванца и поляков привлекали, прежде всего, богатства монастыря, которые они из алчности намного преувеличивали. К тому же «тушинцы» не сомневались, что это ключ к Москве. Если бы им удалось захватить величайшую святыню русских, то это был знак того, что Бог отвернулся от России и воцарение Лжедмитрия неизбежно.

Полякам казалось, что монастырь очень легкая добыча. Но они ошиблись. К этому времени лавра превратилась в крепость: вокруг нее были возведены массивные каменные стены с двенадцатью башнями. На башнях были расставлены артиллерийский ору-

дия — пушки с пятипудовыми ядрами, пищали, а также особые приспособления, чтобы растопленную смолу лить сверху на неприятеля.

Духовное значение обители было огромно для России, и падение ее вызвало бы глубочайшее уныние и скорбь в народе. К тому же сам монастырь был настоящей сокровищницей, хранившей бесценную золотую и серебряную церковную утварь, иконы, шитье. И монастырская казна, и житницы были полны. Лавра была достаточно богата, чтобы давать в долг большие суммы на государственные нужды. Поэтому Василий Шуйский очень встревожился, узнав о намерениях поляков, и поспешил послать в монастырь отряд под начальством двух воевод — Алексея Голохвастова и князя Григория Долгорукого. Защищать лавру пришли и крестьяне из окрестных сел, и даже многие иноки взялись за оружие. Но эти силы не могли сравниться с многочисленным войском поляков. Сапега позвал на помощь Лисовского, такого же авантюриста и головореза, как и он сам. Перед тем как двинуться к лавре, Александр Лисовский со своей шайкой разбойничал во Владимирских краях, разграбил и сжег там немало городов и сел.

23 сентября 1608 года Сапега и Лисовский явились под стенами монастыря и обложили его со всех сторон. На дорогах, ведущих к лавре, они поставили свои заставы, так чтобы ни конный ни пеший не мог проникнуть к ее воротам. В этот же день, чего поляки никак не ожидали, осажденные сделали первую вылазку, и очень удачную: много неприятелей полегло

на поле возле обители, а защитники ее возвратились за ворота без потерь.

Подготовку к осаде архимандрит Иоасаф и воеводы начали с того, что всех защитников привели к крестному целованию у раки преподобного Сергия. Все — от самих воевод до дворян, солдат и монахов — обещали защищать святую обитель, не щадя своего живота. Необыкновенный подъем духа царил в этот день в лавре. Келарь Авраамий Палицын писал в своем сказании: «И оттоле бысть во граде братолюбие велие и вси со усердием без измены ратовахуся со враги».

Воеводы расставили защитников по монастырским стенам, башням и у ворот. Для вылазок предназначались особые ратники, наиболее опытные в военном деле. Мужчин, способных держать в руках оружие и участвовать в обороне, набралось в монастыре до двух тысяч четырехсот человек. Но кроме них почти все население окрестных сел, женщины и дети, спасаясь от поляков, искали защиты в обители. Это создало большие трудности для братии и защитников.

Осада началась накануне дня памяти преподобного Сергия. И с этого времени святой старец неоднократно являлся архимандриту и другим братиям, чтобы предупредить об опасности и поддержать упавший дух осажденных.

После праздничной всенощной один из священников, Пимен, молился в своей келье. Вдруг оконце озарилось ярким светом. В первую минуту Пимен подумал, что поляки подожгли обитель. Он вышел на

крыльцо и увидел над главою Троицкой церкви огненный столп, уходивший высоко в поднебесье. Пораженный видением, Пимен позвал других братиев и мирян, случившихся поблизости. У всех на глазах огонь свился в облако и вошел в окно Троицкого храма. Долго потом в обители обсуждали, что могло означать это огненное знамение?

Через несколько дней поляки предприняли первый большой штурм монастыря со всех четырех сторон. Сапега с Лисовским не сомневались, что длительной осады не потребуется, и «лукошко», как они презрительно называли крепость, рассыплется после нескольких ударов. По некоторым сведениям, у стен лавры стояло до тридцати тысяч интервентов. Это были и поляки, и русские, верившие в Лжедмитрия и ненавидевшие Шуйского. Немало собралось и разного сброда, надеявшегося пограбить в богатой обители.

Сплошной лавиной бросилось это воинство на стены лавры, а вражеская артиллерия засыпала монастырь тяжелыми ядрами. Но словно по чудесному заступлению, ядра падали в пруд или на безлюдные места, никому не причинив вреда и не разрушив ни одного строения. Осажденные верили, что это Сергий хранит свою обитель.

И атака на стены монастыря была благополучно отбита. Поляки отхлынули с большими потерями и решили перейти к правильной осаде. Окружили обитель рвами и окопами, расставили шестьдесят три пушки и начали обстрелы осажденных.

Шесть недель подряд на лавру летели железные

ядра. Это было поистине чудо: не случилось от вражеских ядер ни одного пожара, не пострадал ни Троицкий собор, ни большой пятиглавый Успенский, построенный в 1550 году. Ядра или увязали в толстых стенах крепости, или падали в безопасные места. И это при невероятной тесноте и скученности в монастыре! Ведь крестьяне из ближних сел, надеясь, что поляки недолго простоят у стен лавры, привели с собой скот и захватили домашний скарб.

Не довольствуясь обстрелом, поляки со своими наемниками неоднократно штурмовали крепость. И всякий раз Сергий в видениях предупреждал об очередном приступе. 23 октября преподобный явился в «тонком сне» пономарю Иринарху и велел сказать воеводам, что завтра поляки готовят сильный штурм Пивного двора. Утром осаждающие действительно бросились на приступ, но были с большими потерями отбиты.

В другой раз видели, как святой старец ходил по крепостной стене и кропил ее. Именно в этом месте на другой день поляки снова попытались взять монастырь штурмом. Но осажденные поняли предупреждение Сергия и усилили оборону этой части стены.

Потеряв надежду взять лавру приступом, поляки стали тайно готовить подкоп. Осажденные долго не могли проведать, в каком именно месте, а потому ежеминутно готовились к неприятным неожиданностям. А малодушные уже причащались и со стенаниями ждали смерти. Именно в это тяжелое время явил-

ся Сергий архимандриту Иоасафу, чтобы через него ободрить отчаявшихся.

— Братия! — призвал старец. — Бдите и молитесь, да не внидите в напасть!

И уже на другой день была совершена удачная вылазка, и осажденные узнали от «языка», где идет подкоп. Два смелых и самоотверженных крестьянина из села Клементьева, Никон и Слота, пожертвовали своими жизнями. Пока их товарищи, выйдя из монастыря и неожиданно напав на поляков, отгоняли их от подкопа, они вошли в устье, зажгли порох со смолою и взорвали подкоп. Слота и Никон или сгорели в яме, или были завалены землей. Многодневные труды поляков погибли, и обитель в который раз была спасена.

В эти тяжелые времена Сергий являлся не только архимандриту и пономарю. Его видели многие братия и миряне. Один казак-перебежчик, из тех, что примкнули к осаждавшим, рассказал, как поляки и их наемники вдруг заметили на монастырской стене двух старцев светозарного вида. Один из них кадил лавру, другой кропил ее святой водой.

Старцы начали укорять казаков за то, что они вместе с иноземцами пришли разорять дом Святой Троицы, а многим полякам предрекли скорую и страшную смерть. Поляки пробовали стрелять в пророков, но пули и стрелы отскакивали и ранили самих стрелявших.

На следующий день несколько казацких отрядов спешно покинули лагерь, дав обет больше никогда не воевать заодно с иноверцами. Некоторые из казаков

перебежали в лавру. Они узнали в старцах преподобного Сергия и его ученика Никона.

В конце ноября из-за наступивших зимних холодов поляки прекратили штурмы и артиллерийские обстрелы обители и удалились в свои таборы, но осады не сняли.

Казалось бы, для осажденных наступила долгожданная передышка: не нужно было день и ночь стеречь на крепостных стенах, бояться обстрелов и внезапных нападений. Но тут явился враг внутренний: от тесноты, плохой пищи и воды в монастыре возникла цинга и свирепствовала всю зиму и весну до мая следующего года.

В иные дни умирало двадцать—тридцать, в худшие — до ста человек. Священники не успевали напутствовать умирающих. Сначала копали для умерших могилы, а потом стали погребать в общих ямах. К весне мужчин, способных держать оружие, осталось не более двухсот человек. Не меньше погибло и мирян, так что население монастыря уменьшилось на девять десятых.

С ужасом ждали оставшиеся в живых защитники лавры возобновления военных действий. «Если и весной 1609 года монастырь не был взят поляками, как это уже истинно и единственно потому, что он был ограждаем молитвами к Богу преподобного Сергия», — писал Евгений Голубинский. Усталые и отчаявшиеся сидельцы возложили все свое упование на Сергия, упование и не посрамило их.

Только в конце мая поляки приступили к стенам монастыря с лестницами, щитами, турами и прочим штурмовым снаряжением. Защитников осталось так мало, что к обороне пришлось привлечь женщин и стариков. Они готовили вар со смолою, камни и известь. Когда поляки под звон труб бросились на стены, придвигая щиты на колесах, тарасы и лестницы, на них посыпались камни, сера и известь, полилась смола. Эти доморощенные средства наносили не меньший урон, чем монастырские пушки и пищали.

Всю ночь продолжался ожесточенный приступ. Всю ночь архимандрит Иоасаф со старцами молились в Троицком храме о помощи на врагов. Утром поляки, оставив у стен сотни убитых, с позором отступили. Осмелевшие сидельцы вышли за ворота и преследовали врага, взяв в плен тридцать поляков. Брошенные в панике лестницы и щиты тоже не забыли подобрать и употребили на дрова. В холодные времена монастырь очень бедствовал без топлива.

Зато зерна́ в житницах имелось в достатке. Но зерна, а не муки. Для пленных в обители нашлась работа: они мололи на ручных жерновах зерно для иноков, ратников и мирян.

После этого штурма поляки предприняли еще два, столь же неудачных, и решили перейти к длительной осаде. Были усилены заставы на всех дорогах, что невозможно стало проскользнуть мимо даже под покровом ночи. Если раньше осажденные иногда посылали гонца в Москву или получали известия оттуда, то теперь они оказались отрезанными от всего мира. Враги решили взять их измором.

Эта изоляция и полная неизвестность были тяжелы для измученных защитников. Они ждали помощи из Москвы, но помощь все не приходила. Малодушные стали поговаривать, не лучше ли сдать монастырь сейчас и выговорить себе жизнь, чем спустя некоторое время умереть от цинги или быть порубленными поляками? В то тяжелое время преподобный вновь явился пономарю Иринарху и сказал ему:

— Зачем скорбите о том, что невозможно послать гонцов в Москву? Сегодня ночью я отправил гонцами троих моих учеников — Михея, Варфоломея и Наума.

Рассказ Иринарха о видении очень поддержал упавший дух братии и мирян. Стали расспрашивать стражу, не видел ли кто ночью трех всадников, выезжающих из монастыря? Стражники подтвердили, что три старца действительно выехали из обители в сторону Москвы. И поляки их заметили и пытались догнать. Всем показалось, что кони под гонцами были очень уж плохи, но неслись они как крылатые, так что поляки скоро отстали.

Москва в то время тоже переживала тяжелые времена, но все равно посылала на подмогу осажденным небольшие отряды ратников. Когда племянник Василия Шуйского Михаил подошел со своим войском к Александровской слободе, он тут же отправил на защиту монастыря шестьсот воинов и триста человек служащих под началом воеводы Жеребцова.

Защитники и не чаяли о такой подмоге. Теперь они могли чувствовать себя спокойно и уверенно под защитой отряда, втрое превышающего их собствен-

ные силы. Но вскоре отношение к долгожданным избавителям изменилось. Авраамий Палицын с большой насмешкой описывает лихого воеводу Жеребцова и его воинов.

С первых дней воевода стал командовать в обители, как в своей вотчине. Он отобрал ключи у келаря и сам распоряжался всеми припасами. А сидельцев разбранил за их простоту, за то, что совсем не разумеют правила военного искусства. И вылазки из крепости делают как придется, без всякого заранее обдуманного плана.

Вскоре воевода решил на деле показать простакам, как нужно воевать и правильно совершать вылазки. Закончилось это самым печальным образом, так что сидельцы со своей простотою вынуждены были выручать Жеребцова с его умельцами ратниками, когда поляки стали их побивать. Так военные премудрости, которые Жеребцов позаимствовал у шведов, союзников Шуйского, оказались совершенно посрамленными перед русской простотою, подкрепляемой упованием на Бога и на преподобного Сергия.

Наступила вторая зима осады. Обитель продолжала ждать войско Михаила Шуйского. 4 января Шуйский прислал вместо войска отряд в пятьсот человек, возглавляемый воеводой Григорием Валуевым. Но силы были слишком неравны, чтобы прогнать поляков.

Избавление пришло неожиданно, когда осажденные снова начали терять надежду. 12 января поляки узнали, что Михаил Шуйский идет к монастырю со всей своей армией. Эта весть так напугала Сапегу,

что он снялся мгновенно со всем своим войском и побежал к Дмитрову.

Шестнадцать месяцев Троице-Сергиева лавра малыми силами оборонялась от врага и устояла! Только чудо и заступничество преподобного Сергия спасло ее от разорения.

Очень скоро исполнились и пророчества Сергия о скором возмездии полякам. Два года спустя погиб в Москве Сапега, а Лисовский в день памяти преподобного внезапно разбился насмерть, упав с лошади.

Но на этом не прекратились бедствия и смуты, посланные в те тяжкие времена на Русь. Враги рассеялись по всей стране, многие города были захвачены или осаждены, лилась кровь. И главное — люди не знали, кому же верить, за кем идти?

Троице-Сергиева лавра продолжала самоотверженно служить отечеству. Когда в осажденной «тушинцами» Москве сильно вздорожал хлеб и бедный люд начал голодать, келарь Троицкого монастыря Авраамий Палицын выпустил на рынок по низкой цене сотни четвертей ржи и заставил торговцев сбить цены. Как будто чья-то щедрая рука пополняла житницы обители во все время осады и позднее, когда сюда шли сотни голодных из разоренных городов и сел. Следуя заветам преподобного Сергия, в лавре всегда кормили нищих и обездоленных.

Но вот чужеземцы захватили Москву и нагло хозяйничали в городе и его пределах. Ведь бояре признали польского царевича Владислава русским царем.

Это грозило Руси новыми бедами: и потерей национальной независимости, и попранием веры, традиций и устоев.

И снова помощь пришла из Троице-Сергиевой лавры. Архимандрит Дионисий и келарь Авраамий Палицын спешно диктовали писцам увещевательные грамоты и рассылали по всем русским городам — в Нижний Новгород, Ярославль, Владимир, Суздаль, Вологду, Кострому. Как когда-то Дмитрий Донской и Сергий Радонежский собирали русские земли на борьбу с ордой, так и нынче Троицкая лавра призывала объединиться для защиты отечества и веры.

Посадский староста Козьма Минин позднее рассказал архимандриту Троицкого монастыря, почему он взялся за такое трудно дело — поднимать народное ополчение. Как-то во сне явился ему преподобный Сергий и велел собирать казну, ратников и вести их на Москву освобождать город от чужеземцев.

Козьма долго размышлял об этом чудесном видении, но решил, что собирать войско — не его дело. Ведь он всего лишь скромный староста, человек простой. А повести за собой людей могут только знаменитые полководцы и князья. Спустя некоторое время Сергий снова явился ему и повторил приказание. Но Козьма Минин все еще пребывал в нерешительности. Тогда святой старец явился ему в третий раз и сказал:

— Не говорил ли я тебе, чтобы ты собирал ратных людей и шел освобождать землю русскую от врагов?! Не бойся того, что старшие не станут тебя

слушать, младшие охотно пойдут за тобой, и благое дело будет иметь добрый конец.

После этого Козьма уже не мог сомневаться, что это не просто сны, а чудесные пророческие видения. Он так испугался, что даже захворал. И вместе с болезнью ушла из него нерешительность и неверие в свои силы и предназначение.

Выздоровев, Козьма Минин горячо принялся за дело: пожертвовал все свое имущество на снаряжение и убеждал земляков поскорее собрать войско и двинуться на врагов. И многие с радостью пошли за ним и выбрали его земским старостой. Ополчение выполнило свою миссию и освободило Москву.

Весной 1613 года первый русский царь из рода Романовых Михаил приехал в Троицкую лавру помолиться у гроба преподобного Сергия и получить его благословение на царское служение. Считалось, что радонежский чудотворец особо покровительствует русским царям, усмиряет смуты и предотвращает всяческие бедствия.

Тайны соприсутствия

Прошло еще несколько веков. Для истории и обыденной жизни — время немалое. Но к Сергию Радонежскому по-прежнему относились не только как к символу, а как к человеку, хотя и необыкновенному, святому, заступнику и хранителю. Была какая-то неразгаданная тайна в его чудодейственном соприсутствии в жизни людей. Как и

сто, и двести, и триста лет назад передавались из уст в уста истории явлений святого старца призывающим его, молящим о помощи и исцелении.

В 1892 году вся страна торжественно отметила 500-летие преставления Сергия Радонежского. Ранним утром 21 сентября на колокольный звон в Кремль стал стекаться народ. После молебна начался крестный ход из Москвы в Троице-Сергиеву лавру. Впереди шло духовенство с хоругвями, иконами и крестами, за ними — ряды паломников, в которые на улицах вливались все новые и новые участники.

Движение на улицах Москвы было прекращено. Плотная толпа заполняла даже тротуары и дворы, люди стояли на балконах и на крышах домов, гроздьями висели в окнах. Звонили колокола всех церквей и монастырей города. Это был поистине всенародный праздник, потому что в живые людские реки, которые текли по улицам Москвы, влились мастеровые и интеллигенты, духовенство и военные, гимназисты и нищие.

Четыре дня продолжался крестный ход. Семьдесят верст до лавры прошли несколько десятков тысяч человек. На ночь останавливались в Мытищах, Пушкине и Воздвиженском. Жители этих небольших сел не могли приютить всех паломников, поэтому большинство из них ночевали прямо у костров в поле. Никто не побоялся трудностей дальнего пути, хотя в процессии было много семей с детьми, стариков и инвалидов на костылях.

Какое-то радостное и воодушевленное настроение царило среди паломников, об усталости и дорожных

лишениях просто забывали. Один из участников крестного хода вспоминал:

«Отрадные для русского сердца и знаменательные в русской истории дни переживаем мы. Какое зрелище может быть торжественней и величественней того, какое представляла Москва 21 сентября? Что может быть прекраснее и поучительнее этого дня? Счастлив тот русский, которому довелось видеть и пережить все происходящее в тот день. Он должен постигнуть ту силу, с помощью которой созидалась, росла и крепла Святая Русь в продолжение 500 лет, и понять, что эта сила все так же тверда и незыблема в русском народе».

Многолюдные крестные ходы стекались в эти дни из Коврова, Владимира, Суздаля и других русских городов. В Сергиевом Посаде собралось на праздники около ста тысяч человек. С 23 по 26 сентября в лавре проходили праздничные богослужения, крестный ход вокруг обители и общие трапезы для народа. Будущее казалось таким прочным и нерушимым: пройдет еще сто, двести и триста лет, но все так же будет стоять Троице-Сергиева лавра и все так же будет притекать к святым мощам поток паломников. А между тем до новых испытаний оставалось не так уж много времени...

В начале 1918 года декретом Совнаркома Церковь была отделена от государства, все церковное имущество объявлялось народным достоянием. Началось разграбление ценностей храмов и монастырей и

изгнание из обителей «нетрудовых монастырских элементов».

Это была какая-то жестокая бесовская вакханалия, направленная против Православной церкви и останков русских святых. Начали с Александро-Свирского монастыря в Олонецкой губернии. Монахи и миряне пытались защитить святыни. Их расстреляли.

Затем были осквернены мощи Тихона Задонского, Митрофана Воронежского, Нила Столбенского, Саввы Сторожевского и других святых. Троице-Сергиеву лавру закрыли, и поползли зловещие слухи, что мощи преподобного Сергия будут переданы в музей или захоронены. Эти слухи были для братии и верующих тяжелее самих испытаний. Не верилось, что такое кощунство возможно.

Весной 1919 года Совнарком получил сотни писем из приходов Москвы и других городов. «До глубины души взволнованы известием о предполагаемом вскрытии мощей преподобного Сергия в Троицкой лавре. Вскрытие мощей преподобного — это оскорбление нашей православной веры и нашего народного чувства», — писали верующие.

Патриарх Тихон долго добивался встречи с Лениным. Но вождь пролетариата из-за множества важных дел так и не принял «гражданина Белавина» и не ответил на его послания.

11 апреля после полудня председатель Сергиевского исполкома Вонханен в присутствии чиновников, военных и монахов приказал игумену Ананию и иеромонаху Ионе вскрыть раку. После удаления облачения и пелен останки святого были кощунственно

оставлены открытыми для всеобщего обозрения. Сотрудники музея, как трупоеды, рылись в гробу. Газетчики с глумливой радостью смаковали описание останков.

Никаких подделок не было обнаружено, как рассчитывали большевики. Были открыты останки преподобного Сергия, которые православные верующие почитают как святыни. Не удалось изобличить обман и подлог, но надеялись уничтожить некую тайну, вместо благоговения вызвать у верующих разочарование и отвращение. Но этого не произошло. Наоборот, оскорбление мощей преподобного вызвало мощный религиозный порыв, поток паломников не иссяк, а намного возрос, не прекращались молебны у гроба с останками.

Среди молящейся и стенающей толпы паломников, наверное, спокойнее всех взирал на кощунство сам преподобный, стоявший где-нибудь в сумрачном уголке Троицкого собора. Для него это было только очередное нашествие, одно из многих испытаний. На этот раз не иноземцы, а свои доморощенные тохтамыши разоряли обители, убивали православных. Сгинут и они. Без испытаний и бед не проходит жизнь человеческая и не бывает спасения души. Испытания посылаются за грехи в назидание, их надо мужественно и терпеливо переживать. Так учил и утешал когда-то преподобный Сергий.

Несколько веков назад на том месте, где ныне стоит Троицкий собор, в келье инока Сергия мучили бесы. Они являлись к нему в литовских остроконеч-

ных шапках и кричали: «Уйди, уйди с места сего!» Но Сергий творил молитву — и нечисть пропадала.

Философ Евгений Трубецкой нашел много общего между исторической обстановкой того времени и революционными годами. «Пустыня, где жил Сергий, густо заселена, но со всех сторон словно доносится волчий вой двуногих хищников. Те бесы, которые являлись Сергию, чрезвычайно напоминали людей; но разве мало в наши дни людей, которые до ужаса напоминают бесов? Только внешний вид у этих искусителей изменился. Но разницы в одеянии, а не в сущности».

Даже некоторые из идейных большевиков посмели выступить против этого атеистического разгула. Будущий директор Музея Ленина С. Мицкевич писал вождю: «Ничего более нелепого и вредного для нас, как это пресловутое вскрытие, нельзя и представить. Это никого ни в чем не убеждает, распространяются легенды, что настоящие мощи прячут, а подсовывают поддельные. Озлобление же растет. Это является нарушением принципа отделения Церкви от государства... Необходимо срочно распорядиться о прекращении повсеместно этих актов и вообще против поступков, грубо нарушающих религиозные чувства населения: курения в церкви, нахождения в шапках в алтарях. Это проделывают нередко присутствующие там коммунисты, нередко пьяные».

Легенды действительно рождались и быстро расходились в народе. О том, что настоящие мощи не дались осквернителям и ушли до времени глубоко под

землю. О том, что братия успела их спрятать. И хотя Троице-Сергиева лавра разделила участь абсолютного большинства православных храмов — службы в ней прекратились, а монахи были изгнаны, — люди продолжали верить, что все двадцать пять лет мерзости запустения преподобный оберегал свою обитель.

Подтверждением служило то, что мощи святого так и остались в лавре и не были выброшены, как это случилось со многими святынями. И то, что монастырь первым из всех обителей начал восстанавливаться после разрухи.

В 1930 году исчезло само название Сергиев Посад, и город стал называться Загорском в честь убитого террористами большевика Загорского, который никогда в этих местах не бывал. В лавре, кроме музея, размещались электротехническая академия, курсы и институт народного образования. Обители повезло: ее храмы не были отданы под клубы, столовые, склады и бани!

Многие не верили в возрождение лавры. Но вот после Великой Отечественной войны, самой страшной в нашем столетии, дело в этом направлении неожиданно сдвинулось.

Осенью 1945 года верующие отметили день памяти преподобного Сергия в Ильинском храме недалеко от лавры. Литургию служил сам митрополит Николай. Он обещал, что следующее празднование

будет проходить в лавре, в Троицком соборе у святых мощей Сергия.

Монастырь за эти годы очень обветшал, храмы стояли пустые, разграбленные и холодные. Многое пришлось восстанавливать, реставрировать, приводить в порядок. И вот на Пасху весной 1946 года зазвонили давно молчавшие колокола лавры, народ заполнил храмы. Это было похоже на чудо. «В дивном соборе великой лавры — пасхальная утреня! Кому-то все не верилось, а больше говорили: «Слава Богу! До какого дня дожили, до каких событий!»

Лавра возрождалась. И мощи преподобного, которые до того времени находились в Никоновском приделе, снова стали объектом поклонения, а не музейным экспонатом.

По воспоминаниям монахини Игнатии, «летний праздник преподобного Сергия собрал в 1948 году несметное число богомольцев. Мощи преподобного перенесены были в Успенский собор. Молящиеся видели лишь изображение преподобного на открытой крышке раки, украшенной богатым венком из летних цветов. Больше ничего и не видно было за столпившимся людом, а между тем каждый стремился вперед, каждому хотелось увидеть хоть краешек гроба. Еще поразительней было стечение богомольцев утром, в самый праздник. Пестрая вереница народа наводняла всю улицу, ведущую от станции железной дороги к воротам обители. Торжественную литургию в Успенском соборе служил патриарх Алексий. Народ плотной стеной стоял от Успенского собора до

трапезной. Во всех храмах совершались молебны. Многие молились под открытым небом перед иконой преподобного Сергия, вынесенной из храма.

Как когда-то с Киржача, преподобный Сергий вернулся в свою обитель. Вернулся тихо, смиренно, без борьбы. Все произошло просто и естественно, словно само собой. Впрочем, водворение раки со святыми мощами на прежнее место в Троицком соборе было чисто внешним событием, потому что влияние Сергия на души людей никогда не ослабевало.

Заключение

И в наши дни идут и едут паломники в Троице-Сергиеву лавру со своими недугами — душевными и телесными. До сих пор рождаются поверья и легенды об участии преподобного Сергия в нашей земной жизни.

По одному из этих поверий, в скорбные и тяжкие дни нужно чаще бывать в лавре и, стоя где-нибудь в уголке Троицкого собора, слушать молебен преподобному. А затем, поклонившись его святым мощам и целуя покровец над его головой, поведать ему, как живому, как отцу, свои скорби и беды. По рассказам испытавших это, никто не уходил неутешенным, а многие получали душевную радость, веру и мужество.

Вот уже шесть веков продолжается попечение святого старца как об отдельной человеческой душе, так и о своей обители и об отечестве. «После преставления к Богу преподобного Сергия его участие в

исторических судьбах России стало еще значительней, — говорил игумен Андроник. — Он выступает теперь уже не как одна из личностей, пусть даже святая, но находящаяся в водовороте событий, но как небесный вестник, ангел Божий, который приставлен хранить Россию».

Радонежский старец словно «соприсутствует нам духом». Все так же взываем мы к нему о помощи и в тяжелые минуты жизни припадаем к его святым мощам — и он помогает.

Содержание

Литературно-художественное издание

Любовь Федоровна Миронихина

СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ

Редактор *И. Д. Шалаева*
Художественный редактор *О. Н. Адаскина*
Технический редактор *Н. В. Сидорова*
Корректор *М. Е. Козлова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 02.06.99.
Формат $84 \times 108^{1}/32$. Бумага типографская. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 10,08. Тираж 10 000 экз. Заказ 1722.

Налоговая льгота — общероссийский
классификатор продукции ОК-00-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

Гигиенический сертификат
№ 77.ЦС.01.952.П.01659.Т.98 от 01.09.98.

«Олимп».
Изд. лиц. ЛР № 070190 от 25.10.96.
123007, г. Москва, а/я 92
E-mail: olimpus@dol.ru

ООО «Фирма «Издательство АСТ».
Изд. лиц. ЛР № 066236 от 22.12.98.
366720, РФ, Республика Ингушетия,
г. Назрань, ул. Московская, 13а
www.ast.ru
E-mail: ast@postman.ru

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35—305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

78

Дар пророчества дается избранным — праведникам и святым. Сергий Радонежский предсказал Дмитрию Донскому победу на Куликовом поле, вдохновил и поддержал князя в минуты колебаний. Он видел будущее и предназначение каждого человека, творил много чудес, исцелял и вразумлял, еще при жизни удостоился видений, непостижимых уму. Сергий был не только учителем и путеводителем, но и великим деятелем, оставил нам Троице-Сергиеву лавру и еще несколько десятков монастырей.

